

Министерство народного образования РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Сборник
научных трудов

1131942

Свердловск 1989

Сборник посвящен проблеме парадигматической организации языка, не получившей до настоящего времени общепринятого толкования. Для уточнения понятия парадигматических отношений рассматриваются их проявления на всех уровнях структуры, анализируются факты разносистемных языков.

Материалы сборника могут использоваться в практике преподавания, при чтении теоретических курсов, для организации самостоятельной теоретической работы студентов на факультетах иностранных языков.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Свердловского пединститута.

Редакционная коллегия: канд. филол. наук М. В. Лукичева, канд. филол. наук В. П. Хабиров, канд. филол. наук В. И. Томашпольский (ответственный редактор)

Рецензенты: кафедра лексики и фонетики французского языка МГПИ имени В. И. Ленина;

кафедра общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

канд. филол. наук, доц. Г. Н. Бабич (Свердловский пединститут)

Ю. А. Левицкий
Пермский
пединститут

СИНТАГМАТИКА, ПАРАДИГМАТИКА, ТРАНСФОРМАЦИЯ

Для понимания грамматических единиц, грамматической формы важны линейность речи и системность языка, или синтагматические и парадигматические отношения [см.: 9, с. 249]. Известно также, что «единицы языка не имеют значимости вне парадигматических и синтагматических отношений» [4, с. 90]. Очевидно, что для рассматриваемых отношений исходными являются понятия синтагмы и парадигмы. Представляется целесообразным выяснить, насколько связаны между собой эти понятия и насколько четко они определены.

Ф. де Соссюр писал: «Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы воспринимаются один за другим в потоке речи — такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать синтагмами» [11, с. 128]. Таким образом, синтагма должна представлять собой некоторую последовательность слов. Но будет ли синтагмой любая последовательность?

Рассмотрим несколько примеров. *Маленький мальчик читает книгу вслух*. Данная последовательность слов соответствует предложенному определению синтагмы. Точно так же будут синтагмами и последовательности *маленький мальчик читает книгу*, *мальчик читает книгу вслух*; *маленький мальчик читает, мальчик читает книгу, читает книгу вслух*; *маленький мальчик, мальчик читает, читает книгу, читает вслух*. Однако в отношении сочетаний *маленький вслух*, *мальчик вслух*, *книгу вслух* это уже неверно или, по крайней мере, неточно, поскольку их можно квалифицировать как неправильные синтагмы, не характерные для русского языка. Причина неправильности заключается в том, что синтагматические отношения — это не просто линейные отношения, а, как отмечал де Соссюр, отношения, основанные на линейном характере языка.

Речевая линейность позволяет поставить непосредственно рядом с данным словом только одно слово, хотя с этим последним могут быть связаны еще несколько слов. В приведенном примере со словом *читать* связаны слова *книгу* и *вслух*, поэтому сочетания *читать книгу* и *читать вслух* правильны. Слова же *книгу* и *вслух* между собою никак не связаны. Они оказались рядом лишь в силу своих связей со словом *читать*. Поэтому сочетание *книгу вслух* неправильно. (Ср.: *Он из Германии ту-*

манной привез учености плоды, где слово туманной стоит рядом с Германией, однако связано оно с учености.)

Следовательно, линейность и синтагматика — это не одно и то же. Первое — явление поверхностной структуры языка, порядок слов, второе связано с глубинной структурой, с понятием синтаксической позиции. Порядок слов как внешнее проявление глубинных связей может быть охарактеризован через окружение данного слова или его дистрибуцию (совокупность окружений). Здесь вполне возможны такие случайные связи, как *книгу вслух, мальчик вслух* и т. п. Синтаксическая позиция определяется свойствами слова (словоформы), такими, как его сочетаемость или валентность. Различие между этими характеристиками в том, что первая предполагает взаимозависимость, обратимость отношений (А сочетается с В, а В сочетается с А), тогда как вторая — одностороннюю зависимость (А имеет валентность на В, а В замещает валентность А).

Синтагма не просто сочетание слов, а правильное для данного языка сочетание слов. Правильность эта обусловлена тем, что сочетаться, связываться друг с другом могут только слова, обладающие определенными свойствами. При этом место каждого члена сочетания (синтагмы) может занимать не одно какое-то конкретное слово, а одно из многих слов, обладающих данными свойствами: *мальчик читает, девочка читает, ученик читает, человек читает* и т. п.; *читает книгу, читает журнал, читает газету, читает письмо* и т. п. Таким образом, помимо синтагматических, слова вступают и в другой тип отношений — со всеми другими словами, которые могут встретиться в данной синтаксической позиции, т. е. в парадигматические отношения.

Парадигма представляет собой множество (класс) слов, которые могут занимать одно и то же место в синтагме, а отсюда — и в линейной последовательности. Как же образуются эти множества, или классы, слов? «В нашей психике происходит взаимопритяжение отдельных слов, вследствие чего слова образуют в ней множество более или менее крупных групп. Это взаимное притяжение всегда основано на частичном совпадении звучания или значения отдельных слов либо звучания и значения одновременно», — писал Г. Пауль [8, с. 128]. Далее он выделяет два типа групп (парадигм) — вещественные и формальные. К первым он относит, например, различные падежные формы существительного, слова типа *Ochse — Kuh, Mann — Weib, Knabe — Mädchen* и т. п., ко вторым — имена действия, формы сравнительной степени, все формы именительных падежей, все формы 1 л. глагола и т. п. При этом очевидно, что одно и то же слово (словоформа) может оказаться членом, по крайней мере, двух различных парадигм:

*длинный — длиннее, короче, уже, шире...
короткий*

.....

Первая из этих парадигм, согласно Г. Паулю, будет вещественной, вторая — формальной. Однако и формальная парадигма может быть не только простой, но и сложной [2, с. 212]:

man — men

man's — men's

Аналогичным образом определяет парадигмы («ассоциативные группы») Ф. де Соссюр [11, с. 155]. При этом он эксплицирует сложность парадигматических (=ассоциативных) отношений, их взаимосвязанность, взаимопересечение: «Образуемые в нашем сознании ассоциативные группы не ограничиваются сближением членов отношения, имеющих нечто общее, — ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений» [там же, с. 158], т. е. одно и то же слово входит, как правило, не в одну парадигму, а в целый ряд различных парадигм. При этом оказывается, что различные парадигмы могут объединять свои элементы на двух принципиально различных типах признаков. Иначе говоря, существуют два различных понятия, объединенных термином «парадигма» [см.: 12]. Первое из них, как уже было показано, непосредственно связано с понятием «синтагма» и определяется через синтагму. Понятия «парадигма-1» и «синтагма» оказываются взаимосвязанными. Члены парадигмы-1 могут занимать одну и ту же синтаксическую позицию, одно и то же место в линейном ряду, имеют одинаковую дистрибуцию, заменяют друг друга. Эта парадигма может пониматься предельно широко: как некая лексико-семантическая группа, как грамматический (лексико-грамматический) класс, как множество одинаковых (однородных) словоформ.

Парадигма-2 отличается тем, что члены ее не могут занимать одного и того же места в линейном (синтагматическом) ряду, они имеют разную дистрибуцию и не могут быть субститутами друг друга. Это, собственно говоря, общепринятое, традиционное понимание парадигмы как примера, образца, системы форм одного и того же слова, таблицы (склонения имени, спряжения глагола) [10]. Именно это определение парадигмы приводится во всех словарях, учебниках и пособиях. Ср., например: «ПАРАДИГМА. 1. Совокупность флективных изменений, служащих образцом формообразования для данной части речи. 2. Совокупность форм словоизменения данной лексической единицы, совокупность словоформ, составляющих данную лексему» [см.: 1]. Конечно, «хронологически» естественнее было бы поменять индексы в приведенной в работе интерпретации понятия «парадигма», но в логическом плане это не представляется существенным.

Парадигма-2 представляет собой совокупность разных словоформ, которые в силу различия своих грамматических свойств предназначены для выполнения разных синтаксических функций. В чем же общность этих словоформ, каковы те признаки, на основании которых происходит объединение этих словоформ в одно множество (парадигму)? Общность определяется тем, что различные словоформы — это формальные варианты одной и той же лексемы. Иначе говоря, словоформы представляют собой результаты некоторых формальных преобразований исходной лексемы, осуществляемых для того, чтобы она могла выполнять соответствующие синтаксические функции, даже несвойственные исходной форме, и замещать соответствующие синтаксические позиции [см.: 6]. Члены парадигмы-2 оказываются связанными друг с другом отношениями преобразования или трансформационными отношениями.

Таким образом, существуют два различных понятия, выражаемых одним термином «парадигма». Первое непосредственно связано с понятием «синтагма» и через него определяется. Второе оказывается связанным с понятием «трансформация» и может быть определено через него: члены парадигмы-2 — это трансформы данной лексемы. Однако, несмотря на указанное различие, оба понятия достаточно близки друг другу. Эта близость заключается, во-первых, в том, что в обоих случаях речь идет о некотором множестве (классе) элементов, объединенных на основании определенных признаков. Различие же, как было указано, касается признака, на основании которого производится объединение. Во-вторых, близость между двумя типами парадигм обусловлена своеобразной метонимией — распространением наименования части на наименование целого (или наоборот), например:

книг-а

книг-и

книг-е

книг-у

книг-ой

Выделенные (формальные) элементы, флексии, образуют парадигму-1, а словоформы в целом — парадигму-2.

Понятие синтагмы и парадигмы, применяемое обычно к словам, словоформам и их сочетаниям, в последнее время распространяется на все языковые единицы. В связи с этим под синтагмой следует понимать правильную последовательность языковых единиц любого уровня — фонем, морфем, слов и предложений, а под парадигмой (в любом смысле) соответственно множество любых единиц одного уровня: фонем, морфем, слов (словоформ) и предложений. Синтагматика на уровне фонем и морфем оказывается более жесткой, единообразной, более «поверхностной». Различие между линейностью и синтагматикой появляется лишь на уровне слов — в словосочетаниях

и предложениях, где это различие определяется, с одной стороны, позиционной самостоятельностью слова, а с другой — типологическими особенностями языка.

Что касается парадигматики, то на уровне фонем парадигмы-1 образуют такие классы, как гласные и согласные (с последующими подразделениями), а парадигмы-2 — варианты фонем или аллофоны, которые, хотя бы условно, можно рассматривать как своего рода трансформы основного, исходного варианта, предназначенные для функционирования в разных позициях. На уровне морфем парадигмы-1 составляют лексические и грамматические морфемы (с их дальнейшими подразделениями), а парадигмы-2 — алломорфы одной морфемы.

На уровне предложений открытым пока остается вопрос о синтагматике, поскольку за любым предложением может следовать предложение любого типа. Правда, в этом отношении намечаются определенные тенденции [7]. Что касается парадигматики предложений, то этот вопрос достаточно широко исследуется в современном синтаксисе. Особенно интенсивно исследуются парадигмы-2, трансформационные, причем на уровне предложения появляются разновидности трансформационных парадигм. С одной стороны, это «чисто» трансформационные парадигмы, члены которых (как и в случае словоформ) сохраняют лексическое тождество и постоянный состав компонентов при варьировании грамматических значений и соответствующих им грамматических форм, с другой — так называемые коммуникативные парадигмы [3], состав членов в которых обусловлен не только и не столько возможностями формальных преобразований самого предложения, сколько влиянием контекста и/или ситуации, которые позволяют опускать избыточные для данного случая компоненты предложений. Еще больше проблем возникает при переходе от простых предложений к сложным. В этом случае приходится рассматривать уже четыре вида отношений: внутреннюю парадигматику, внутреннюю синтагматику, внешнюю парадигматику, внешнюю синтагматику [5].

В заключение отметим, что при описании единиц любого уровня, основными отношениями, характеризующими эти единицы, будут синтагматические и парадигматические отношения, а любая языковая форма, в самом широком смысле, представляет собой точку пересечения синтагматических и парадигматических свойств.

-
1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
  2. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
  3. *Ванников Ю. В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
  4. *Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
  5. *Левицкий Ю. А.* О грамматической форме сложного предложения // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.

6. *Левицкий Ю. А.* О классах грамматических единиц / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1987.
7. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981.
8. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
9. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1967.
10. *Словарь иностранных слов.* М., 1980.
11. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
12. *Сусов И. П.* О двух концепциях парадигматического анализа о синтаксисе // Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношение на уровне синтаксиса. Рига, 1970.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

В. И. Томашпольский
Свердловский
пединститут

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ПЕРФЕКТА КОНЪЮНКТИВА-БУДУЩЕГО II: ИТАЛОРОМАНСКИЕ ВАРИАНТЫ

В романском языкознании нет специальных исторических исследований перфекта конъюнктива и будущего II. Связанные с ними вопросы рассматриваются частично в сравнительных грамматиках и во введениях в романское языкознание [12, с. 487, 488, 492; 27, § 310; 38, с. 38, 155; 1, § 81, 241, 363; 5, § 66, 79; 24, § 827, 906—910, 944; 21, с. 77], в очерках вульгарной латыни [17, § 432; 36, § 179; 35, § 307; 26, § 59—68, 70—73], в исследованиях глагольных систем [14, 13] и в многочисленных публикациях, посвященных отдельным языкам. Пф. кон. и фт. II попали в поле зрения исследователей на начальном этапе развития романской грамматики [12, с. 487, 488, 492]. Сразу было замечено, что эти формы сближались и совпадали еще во времена Плавта и что, по крайней мере, одна из них оставила следы в романских языках. Позднейшие попытки уточнить эти наблюдения не дали значительных результатов. Во-первых, все еще не очерчен круг романских свидетельств. Одни находят рефлексy только на Пиренейском полуострове [5, § 66, 3, с. 55], другие — а их большинство — на Пиренейском полуострове и на Балканах [12, с. 487, 492, 598—599; 27, § 310; 38, с. 38, 155; 36, § 179; 24, § 827; 35, § 307] ¹, третьи добавляют отдельные италороманские ², сардинские ³, галлороманские фак-

¹ Балканороманские 3 и 6 формы *ag(e) иногда связывают с латинским habuerim [5, § 241].

² Далматинские рефлексy упоминают М. Бартоли [9, § 482—485], Э. Бурсье [1, § 211], Т. Маурер [26, с. 126], П. Текавич [33, § 872], Р. А. Холл [21, с. 77—81].

³ Р. А. Холл приводит в своих таблицах без ссылок две старосардинские формы levaret, serviret [21, с. 77—78]. Они документированы в Carta de Logu, 12 v и Statuti di Ottana, отмечены у М. Л. Вагнера [37, § 420] и представляют собой импф. кон. со старым тематическим гласным. Пф. кон. — фт. II в Сардинии не сохранился.

ты [31, с. 220—221; 34, с. 180]; кое-кто не исключает, что эти формы отразились в запретительных структурах⁴. Во-вторых, не решен вопрос о происхождении романских рефлексов. Преобладает мнение, что они продолжают фт. II, а пф. кон. не сохранился [12, с. 487, 488, 492; 15, § 444—454; 17, § 432; 36, § 179; 26, с. 127; 31, с. 220—221; 4, с. 144; 2, с. 129], но встречается и противоположное утверждение⁵. Некоторые ученые приходят к выводу, что сохранился либо пф. кон., либо фт. II [22, § 398; 27, § 310], другие считают, что обе парадигмы скрестились⁶ или что формы объединились материально, но семантически удержался фт. II [24, § 827].

Задача восстановления первоначальных романских парадигм пф. кон. и фт. II пока не получила окончательного решения. Она ставилась до настоящего времени в общероманском аспекте в работах Т. Маурера [26, § 70—74] и Р. А. Холла [21, с. 77], отдельные гипотезы можно найти у других авторов. Предположения по поводу ареальных прототипов (иберороманских, италороманских, балканороманских) встречаются, но они не охватывают парадигм в целом, а направлены на объяснение деталей (см. в конце статьи). Опубликованные исследования не отвечают на вопрос о том, как выглядели общероманские и ареальные парадигмы до появления текстов, так как отдельные гипотезы в сочетании с латинскими фактами дают противоречивую, хронологически и системно не упорядоченную картину. Ниже мы рассмотрим италороманские рефлексы пф. кон. и фт. II и на их основе обсудим результаты реконструкции соответствующих ареальных парадигм.

В Италоромании рефлексy пф. кон. и фт. II внешне между собой не различаются. Они отразились в староитальянском и в далматинском с временными и модальными значениями. Немногочисленные староитальянские факты были введены в научный оборот в середине XIX в. в публикации В. Наннуччи [28, с. 239, 259]⁷. Они обсуждаются или упоминаются у Г. Рольфса,

⁴ В старофранцузском, староокситанском, энгадинском, итальянском, румынском, молдавском засвидетельствован прохибитив, выражаемый инфинитивом с отрицанием. Иногда его возводят к латинским пф. или импф. кон. [24, § 806]. Подробнее см. [7].

⁵ К пф. кон. романские формы возводят: Делиус [12, с. 528], А. Цаунер (исходная парадигма названа пф. кон., но в I форме -o из фт. II [38, с. 155]), Р. А. Холл [21, с. 77—81]. У М. В. Сергиевского говорится, что пф. кон. сохранился не всюду [5, § 66], не исключается, что *habuerim* (или *haberem*) дало румынское *ar(e)* [5, § 241], но испанские формы «преждебудущего» возводятся к фт. II [5, § 174].

⁶ Скрещение фт. II с пф. кон. предполагают Э. Гамильшер [14, § 8—11], А. Ломбар [25, с. 249], Г. Лаусберг [24, § 827]; смешение пф. кон. с фт. II — В. Вянянен [35, § 307], С. Пушкарю [29, с. 185], А. Росетти [32, т. 1, с. 132; т. 4, с. 70; т. 6, с. 292], М. Караджу-Мариоцану и др. [10, с. 189], Г. Ивэнеску [23, с. 160]. У Э. Бурсье говорится о смешении фт. II с пф. кон. или пф. кон. с фт. II [1, § 81, 211].

⁷ Эта работа, упоминаемая у Г. Рольфса [30, с. 386], осталась для нас недоступной.

Т. Маурера, П. Текавчича, Р. А. Холла (см. сноску 2). Далматинские формы с исчерпывающей полнотой рассматривает М. Бартоли, а вслед за ним приводят Э. Бурсье и Т. Маурер (см. сноску 2). Тем не менее некоторые ученые не признают эти формы или не знают об их существовании [12, с. 492; 27, § 111, 310; 17, § 432; 5, § 66, 136—145; 3, с. 53; 24, § 827; 35, § 307]. Несмотря на явный дефицит фактов, Р. А. Холл, использующий староитальянские рефлексy для протороманской реконструкции, не упоминает далматинские формы [21, с. 77—78], вероятно, из-за их сравнительно малой надежности и неоднозначности, хотя на принадлежащем американскому лингвисту родословном дереве романских языков далматинский включен в протоцентральнороманскую, или протоиталороманскую ветвь [19, с. 14; 20, с. 16]. Обращение к исследованиям, в которых обсуждаются рефлексy пф. кон и/или фт. II в Италии и Далмации, в целом показывает, что факт сохранения этих форм можно считать доказанным, но конкретные свидетельства обладают разной степенью надежности, поэтому в дальнейшем изложении при обсуждении предположений по поводу италороманских прототипов мы будем опираться не только на свидетельства, но и на мнения ученых по поводу их происхождения.

Для понимания результатов реконструкции необходимы предварительные пояснения. Во-первых, типы спряжения глаголов выделяются нами в общероманской перспективе на основании таких признаков, как тематический гласный (основной показатель класса глаголов), грамматические суффиксы, место ударения (акцентная структура парадигм), регулярность основ, активность и продуктивность класса глаголов. Ниже мы будем рассматривать: I спряжение (тип **kantáre*), II спряжение (тип **dormíre*), III спряжение (типы **uidére*, **uéndere*). Суффиксальные варианты I—II спряжений (греческий и инхоативный) в пф. кон. и фт. II не выделяются⁸. Во-вторых, латинское спряжение, как известно, симметрично разворачивается вокруг двух основ, инфектной и перфектной. В общероманской перспективе такое деление отсутствует, поскольку абсолютное большинство глаголов, судя по результатам реконструкции, получает одну регулярную (презентную) основу. Ср., например, италороманские прототипы I спряжения: през. инд. **kánt-o*, през. кон. **kánt-e*, импер. **kánt-a*, импф. инд. **kant-ába*, пф. инд. **kant-á(v)i*, пф. кон.—фт. II **kant-ári/e/o*, ппф. инд. **kant-ága*, ппф. кон. **kant-ássi/e*. Лишь некоторые глаголы используют в отдельных парадигмах нерегулярную (перфектную) основу, но эта небольшая группа уже не представляет собой систему перфекта, так как образует времена теми же регулярными средствами (прибавлением тематического гласного, суффикса и окончания), дополняя их в части парадигм преобразованием

⁸ Подробнее об общероманских типах спряжения см. [6, с. 19].

презентной основы. В-третьих, обсуждаемые реконструкции относятся к так называемому раннему протоиталороманскому состоянию II—III вв. н. э., обусловленному в данном случае сохранением конечных согласных *-s, *-t и исходных заударных гласных⁹. В-четвертых, изучение сохранившихся староитальянских и далматинских рефлексов позволяет предполагать, что каких-либо различий (формальных или функциональных) между формами пф. кон. и фт. II в раннее протоиталороманское время уже не было, поэтому во всех спряжениях реконструируются не отдельные словоформы пф. кон. и фт. II, а единые парадигмы, которые, за неимением лучшего термина, мы условно называем пф. кон.-фт. II.

Анализ показывает, что протоиталороманская парадигма пф. кон.-фт. II в I спряжении могла иметь вид:

- 1 * kant - á - ri / re / r - o
- 2 * kant - á - ri / re - - - s
- 3 * kant - á - ri / re - - - t / ø
- 4 * kant - á - ri / re - - - mu
- 5 * kant - á - ri / re - - - tes / tis
- 6 * kant - á - ri / re - - - n

Словоформа состояла из презентной основы, тематического гласного, парадигматического суффикса и флексии. Ударение было одноместным на тематическом гласном. Презентная основа (в данном случае *kant-), представленная в одном и том же виде во всех парадигмах, никакой морфологической нагрузки, связанной с обозначением пф. кон.-фт. II, не несла, поэтому ее реконструкция как в первом, так и в других спряжениях в этой статье не обсуждается.

Тематический *-á- восстанавливается на основании староитальянских форм 3 л. ед. ч. *guardare*(lu)¹⁰, *consigliare* [21, с. 77], где *-á- сохраняется, и далматинских форм типа *kant-u(o)re/a/o*, *-u(o)re*, *-u(o)ro/e*, *-u(o)rme*, **-u(o)rte*, *-u(o)ro/e*, где *-á- закономерно переходит в *-u(o)-*¹¹. Ср. примеры у М. Бартоли: 1 л. ед. ч. *kantura*, *katura*, *levura*, *portura*, *fermuora*, *raquora*, 2 л. ед. ч. *kantura*, 3 л. ед. ч. *iduro*, *moituro*, *kaluoro*, 1 л. мн. ч. *andurme*, *capurme*, *justurme*, *kanturme*, *levurme*, *tasturme* [9, с. 405—406]¹². Другие тематические гласные встре-

⁹ О раннем (II—III вв.) и позднем (IV—V вв.) протоиталороманском состоянии см. [6, с. 59]. О развитии конечных согласных и заударных гласных в Италии с соответствующими датировками см., например, данные Э. Бурсье [1, § 50, 58, 164].

¹⁰ *Non era chi guardarelu* [30, с. 386]. По мнению Г. Рольфа, в основе этой староаквилинской формы может лежать фт. II, импф. кон. или инфинитив.

¹¹ О развитии ударного *-а- в Далмации см. [18, с. 73; 24, § 164].

¹² Обсуждение этих образований можно найти у М. Бартоли. Надежные свидетельства для 5—6 форм отсутствуют.

чаются редко и по своему происхождению явно вторичны, например староитальянское I amégo вместо *атаго, далматинское 3 kantaga вместо kantu(o)го/е образовались под влиянием III спряжения.

Одноместное, или неподвижное, ударение на тематическом гласном реконструируется на основании всех приведенных выше примеров. В Италоромании ему находятся параллели в пф. инд. 1 *kantá(v)i, 4 *-á(v)(i)mu и в ппф. кон. 1 *kantássi/e, 4 *-ás-simu/emu. За пределами Италоромании, там, где сохраняется пф. кон.-фт. II, он также получает в I спряжении одноместный акцент на тематическом гласном: иберороманские 1 *kantá-ge/o, 4 *-áremos, галлороманские 1 *kantáre/o, 4 *-áremo(s), балканороманские 1 *kantáre/и, 4 *-áremu¹³. Какие-либо другие предположения о месте ударения не находят опоры в фактах.

Суффикс пф. кон.-фт. II, состоящий из согласного и гласного элементов, однозначно не реконструируется из-за нехватки свидетельств, варьирования и неопределенности гласного. Далматинские рефлексy не однозначны, прежде всего потому, что история заударных гласных в этом языке не ясна. По данным М. Бартоли и с учетом фонологических исследований Р. Л. Хэдлича, -га в 1 л. ед. ч. может следовать из латинского -го (kantura, katura, levura, portura, fermuora, ракуора) или из -gam/rim (fura, ракура); пенадежное -ге следует из -gam/rim

(capure, dure, kantuore, venare) или в других случаях развиваются вторично вместо -га из -го по аналогии со 2 л. ед. ч.; -го может быть регулярным из -го или случайно совпадает с ним в результате замены регулярного далматинского -а на итальянское -о. Утрата конечного гласного (kantáur) явно вторична [9, с. 405—406; 18, с. 74]. Во 2 л. ед. ч. -ге (kantuare, dormire, avare, blare) развивается из -gis/gas, а изолированное -га (kantura) образовано по аналогии с 1 и 3 формами. В 3 л. ед. ч. -го восходит, по мнению М. Бартоли, к латинскому -rit (iduro, moituro, kaluro, venaro, morego и т. д.), -ге (fure) возникло под влиянием 1—2 форм, -га (kantaga, dormaga) — по типу 1 формы. Для 3 л. мн. ч. свидетельств не сохранилось, но эта форма обычно совпадает с 3 л. ед. ч. В 1—2 л. мн. ч. гласный суффикса

закономерно отсутствует (andurme, capurme, justurme, kanturme, levurme, tasturme; формы 2 л. мн. ч. среди наших примеров не встречаются [9, с. 405—406; 18, с. 74]). В целом далматинские рефлексy не дают возможности прийти к однозначным выводам, но с учетом латинских фактов, данных других языков и исторической романской фонетики можно предполагать, что, по крайней мере, исходным для Далмации был суффикс *-gi/ge-во всех формах, а в 1 л. ед. ч. допустим вариант *-го, где гласный суффикса вытесняется флексией 1 л. ед. ч.

¹³ Результаты реконструкции этих парадигм не опубликованы.

Староитальянские свидетельства тоже не дают оснований для недвусмысленных выводов. В 1 л. ед. ч. встречается -ge (*konsilláre, teníre*¹⁴), но преобладает -go (*améro, áprigo, díro, respodéro, teméro, udíro*¹⁵). Во 2 л. ед. ч. -gi (старосицилийское *póteri*), где -i представляет собой личное окончание 2 л. ед. ч., в 3 л. ед. ч. -ge (*guardáre(lu), scrívere, servíre*). Во 2 л. мн. ч. отмечается форма на -gi(te) (*eleggerite, oderite, vederite*), но они, по мнению Г. Рольфа, двусмысленны, так как могут быть регулярным будущим с южноитальянскими окончаниями [30, с. 386]. Формы 1 и 3 л. мн. ч. среди наших примеров отсутствуют. Хотя из староитальянских фактов однозначных выводов сделать нельзя, тем не менее эти факты не противоречат высказанным выше предположениям. Опираясь на установленные учеными италороманские фонетические закономерности, можно утверждать, что в 1 л. ед. ч. -ge развивается из *-gi/ge, а -go продолжает прототип *-go либо, в крайнем случае, развивается вторично из -ge вследствие распространения флексии -o. Во 2 л. ед. ч. -gi явно развивается из *-gis/ges, в 3 л. ед. ч. -ge восходит к *-gi/ge-(t).

Наконец, во 2 л. мн. ч. -gi(te) развивается из *-gi/ge-tes/tis. Обсуждение в целом показывает, что в раннее италороманское время (II—III вв.) суффикс пф. кон. -фт. II, скорее всего, был *-gi/ge-. Предполагать только *-gi- для этого времени мы не можем, потому что заударный *-i- в абсолютном большинстве италороманских областей переходит в *-e- с начала I в. н. э.; если же мы постулируем только *-ge-, то тогда исключим из общей картины развития архаические области южной Лукании и Сицилии¹⁶. Не лишено оснований предположение, что в протоиталороманское время архаические области сохраняли *-gi-, а другие употребляли его продолжение *-ge-. Какие-либо другие допущения не нашли бы подтверждения в романском материале. В 1 л. ед. ч. гласный суффикса уступает место окончанию *-o. Его реконструкция подтверждается рефлексам в далматинском на *-ga (а может быть, и -го) и в итальянском на -го.

Глагольные окончания, или флексии, представлены в общероманской перспективе тремя рядами, общим рядом, включающим флексии всех парадигм, кроме перфектной и императивной; перфектным рядом, объединяющим окончания перфекта индикатива; императивным рядом, состоящим из флексий им-

¹⁴ Формы взяты у Р. А. Холла [21, с. 77—78]. Он обозначает *konsilláre* как 1. sg., но переводит «(that) he should advise».

¹⁵ Здесь и далее формы цитируются по данным Г. Рольфа [30, с. 386] и Р. А. Холла [21, с. 77—78].

¹⁶ Архаический ударный вокализм южной Лукании и Сицилии рассматривается Г. Лаусбергом [24, с. 146—149]. Развитие ударного и безударного *-i- в *-e- засвидетельствовано с I в. н. э. помпейскими надписями: *vices* вместо *vices*, *domene* вместо *domine* и обратное написание *minses* вместо *menses* [16, §201; 35, § 55; 20, с. 185—186].

ператива 2 л. ед. и мн. ч. Изучение пф. кон. и фт. II в латинском языке и соответствующих рефлексов в Иберии, Галлии, Италии и на Балканах показывает, что эти формы повсеместно принимали общие окончания, поэтому реконструируемые нами парадигмы получают общие флексии в раннем протоиталороманском варианте II—III вв. Их реконструкция уже обсуждалась ранее [6, с. 58—78].

Парадигма II спряжения, подобно предыдущему классу глаголов, восстанавливается в виде:

- 1 *dorm - *í* - *ri/re/r* - - - *o*
- 2 *dorm - *í* - *ri/re* - - - *s*
- 3 *dorm - *í* - *ri/re* - - - *t/ø*
- 4 *dorm - *í* - *ri/re* - - - *mu*
- 5 *dorm - *í* - *ri/re* - - - *tes/tis*
- 6 *dorm - *í* - *ri/re* - - - *n*

Реконструкция тематического гласного однозначна. Он удержался в староитальянских 1 л. ед. ч. *udíro*, *teníre*, *árgíro*, 3 л. ед. ч. *servíre*. На него же указывают далматинские формы типа

1 л. ед. ч. *zéga*, 1 л. мн. ч. *zérme*, 3 л. ед. ч. *mogégo*, 1 л. мн. ч. *ganérgme*, где ударный *-é-* образовался из **-í-*¹⁷. Гласный *-á-* в далматинских примерах 1 л. ед. ч. *venáge*, 3 л. ед. ч. *venágo*, 2 л. ед. ч. *dormágo*, 3 л. ед. ч. *dormáre*, 1 л. мн. ч. *dormárme*, вероятнее всего заимствован из III спряжения. Одноместное ударение на тематическом гласном реконструируется на тех же основаниях, что и в I спряжении. Оно находит подтверждение во всех приведенных формах, кроме 1 л. ед. ч. *árgíro* (вместо **árgíro*), засвидетельствованного в старосицилийской песне:

Se me donassi Trápano,
Palermo con Messina,
La mia porta non t'ápríro
Se me fessi regina [30, с. 386].

Как отмечает Г. Рольфс, в этой форме ударение, соответствующее староюжноитальянскому кондиционалу *pótera* (латинское *potuerat*), *pérdera* (латинское *perdideram*) и т. д., употребляемому у Cielo d'Alcamo в *Rosa fresca aulentissima* (середина XIII в.), отступило под влиянием сильных форм спряжения типа латинских *fésegam*, *miseram* [30, с. 386].

Суффикс пф. кон.-фт. II и общие окончания во II спряжении не отличаются от тех же морфем I спряжения, поэтому они не требуют специального обсуждения.

Реконструкция парадигм III спряжения и отдельных нерегу-

¹⁷ Ср. развитие инфинитива **dormíre* вельютское *dormêr* [9, с. 388—389]. О фонетической стороне изменения см. также [24, § 164; 18, с. 73]. Далматинские формы собраны у М. Бартоли [9, § 483].

лярных глаголов предыдущих классов опирается на следующие факты:

1) староитальянские формы:

1 л. ед. ч. *díro* (*dixero/im*), *respondéro* (*respondero/im*), *teméro* (*timuero/im*);

2 л. ед. ч. *póteri* (*potueris*);

2 л. мн. ч. *eleggérite* (*elegeritis*), *vedérite* (*videritis*)¹⁸ [30, § 592].

2) далматинские формы:

1 л. ед. ч. *dékra/dekáro* (*dixero/im*), *fu(o)ra* (*fecero/im*), *kredára* (*credidero/im*), *metára* (*misero/im*), *respuándro* (*respondero/im*), *vedára* (*videro/im*);

2 л. ед. ч. *aváre* (*habueris*), *bláre* (*volueris*), *dúre* (*dederis*);

3 л. ед. ч. *dékro* (*dixerit*), *fuoro/fure* (*fecerit*), *puóskro* (*paverit*), *pleváro* (*plu(v)erit*), *valáro* (*valuerit*);

1 л. мн. ч. *bárme* (*biberimus*), *fúrme* (*fecerimus*), *metárme* (*miserrimus*), *vedárme* (*viderimus*) [9, с. 405—406].

Примеры показывают, что все глаголы, не входящие в классы на -а- или на -i-, образуют рефлексы пф. кон.-фт. II двумя способами: 1) по слабой схеме, т. е. с ударением на тематическом гласном во всех лицах, например староитальянские 3 *vedére(?) — 5 *vedérite*, 1 *respondéro* — 5 *respondérite, 1 *teméro* — 5 *temérite, далматинские 2 *aváre* — 4 *avárme*, 1 *bláre* — 4 *blárme, 1 *kredára* — 4 *kredárme, 1 *metára* — 4 *metárme*, 3 *valáro* — 4 *valárme, 1 *vedára* — 4 *vedárme*; 2) по сильной схеме, т. е. с ударением на основе повсеместно, например в староитальянском 1 *díro* — 5 *dírite(?), в далматинском 3 *bága — 4 *bárme*, 2 *dúre* — 4 *dúrme, 3 *fu(o)ro* — 4 *fúrme*; 3) по смешанной схеме, т. е. с чередованием сильных 1—3, 6 и слабых 4—5 форм, например в староитальянском 3 *eléggere — 5 *eleggérite*, 2 *póteri* — 5 *potérite, в далматинском 3 *dékro* — 4 *dekárme, 3 *puóskro* — 4 *paskárme, 1 *respuándro* — 4 *respondárme.

Из-за скудости фактического материала приходится прибегать к догадкам, поэтому при отнесении глаголов к одному из трех вариантов естественны сомнения. Так, в первом подтипе для итальянского глагола *vedere* предполагается не сильная, а слабая 3 форма из-за огласовки -е- основы 5 формы и с учетом далматинской параллели *vedára* — *vedárme*. В таком случае италороманские рефлексy расходятся с иберороманскими (ср. староисп. *viere* — *viéremos*, старопорт. *vir* — *vírmos*, галис. *vir* — *vírmos*, иберороман. *vídere(t) — *vidéremos*), а возможно, и с протороманскими (*uíderi(t) — *uidérimus) образцами, но согласуются с балканороманскими слабыми парадигмами типа *vazúre* — *vazúremu*. Это значит, что

¹⁸ По мнению Г. Рольфса, формы типа *eleggérite*, *vedérite* неоднозначны, так как могут быть не рефлексами пф. кон.—фт. II, а соответствовать нормальному будущему с южноитальянскими окончаниями [30, § 592].

в Италоромании и на Балканах глагол *videre* переходит из смешанного подтипа в слабый и его перфектная основа сравнивается с презентной, но время этих изменений и степень согласованности ареалов нам не известны. Во втором подтипе для итальянского глагола *dire* можно предполагать не только сильную 5 форму, но и какой-либо слабый вариант. Далматинские *bāga — *bāgite* отнесены к сильным формам на основании предположения, что они восходят к инфинитиву *bag* из *bí(be)re, но не исключено, что перед нами рефлексы слабой **(bi)bē-re/ri-(t)* — **(bi)bē-ri/re-mi* или смешанной *bi(be)-*ri/re-(t)* — **(bi)bē-ri/re-mi* парадигмы, или что *bag* восходит к слабому инфинитиву **(bi)bē-re* ¹⁹. В соответствии с тем, что известно из далматинской исторической фонетики [9, т. 1; 18], засвидетельствованный рефлекс *bag-* может следовать из обоих предполагаемых вариантов основы. Кроме того, у глаголов со смешанной парадигмой наряду с сильными возникали слабые варианты 1—3, 6 форм, как на это указывают далматинские рефлексy *dicere*: 1 *dékra/dekaro*, 3 *dékro* [9, с. 388, 405—406].

Какие из трех акцентных схем восходят к протоиталороманскому состоянию II—III вв.? Исходя из латинских, общероманских и италороманских данных ответить на этот вопрос несложно: протоиталороманскими были слабая и смешанная акцентные схемы, а сильная парадигма с одностным накорневым ударением возникла в позднее время в истории отдельных языков либо в результате утраты слога, включавшего тематический гласный, либо вследствие замены первичной основы на вторичную. Основной признак слабой парадигмы — ударный тематический **-é-* во всех лицах восстанавливается на основании староитальянских примеров, где он сохранился, и подтверждается далматинскими формами, где он перешел в *-ā-*. Смешанная парадигма, как уже говорилось, характеризуется чередованием сильных 1—3, 6 и слабых 4—5 форм, поэтому ее показатель — тематический **-é-* реконструируется в ударном и заударном вариантах. Староитальянские и далматинские рефлексy регулярны: в 1—3, 6 формах протоиталороманский заударный **-é-* отразился в итальянском виде *-e-* и утратился в далматинском, в 4—5 формах ударному **-é-* соответствуют *-é-* и *-ā-* ²⁰. Таким образом для протоиталороманского состояния можно восстановить два варианта парадигм:

¹⁹ Ср. замечание М. Бартоли: «*bar*, das phonetisch auch einem *BIBĒRE* (be[v]ár) entsprechen könnte, ist *BIBĒRE*» [9, с. 388].

²⁰ Ср. развитие инфинитивов *díkere, *videre вельотские *dékro*, *vedár* [9, § 453].

1 * <i>-ē-ri/re/r-o</i>	* <i>-e-ri/re/r-o</i>
2 * <i>-ē-ri/re---s</i>	* <i>-e-ri/re---s</i>
3 * <i>-ē-ri/re---(t)</i>	* <i>-e-ri/re---(t)</i>
4 * <i>-ē-ri/re---mu</i>	* <i>-e-ri/re---mu</i>
5 * <i>-ē-ri/re---tis/tes</i>	* <i>-e-ri/re---tis/tes</i>
6 * <i>-ē-ri/re---n</i>	* <i>-e-ri/re---n</i>

С III спряжением и нерегулярными глаголами связан еще один сложный вопрос — восстановление основ и их первоначальное распределение между подтипами. Хотя реконструкция сильных перфектов уже подробно обсуждалась Р. де Дарделем [11], в отношении пф. кон.-фт. II этот вопрос требует специального изучения. Мы вернемся к нему в другом месте.

В каком отношении находятся предлагаемые реконструкции с прототипами, используемыми обычно для изучения истории рефлексов пф. кон.-фт. II в романских языках вообще и в Италоромании в частности? Прежде всего италороманские прототипы не совпадают с обычно принимаемыми за исходные в истории романских языков латинскими формами. В классическом языке, как известно, употреблялись две парадигмы, т. е. пф. кон. и фт. II, совпадавшие во всех формах, кроме 1 л. ед. ч., например в I спряжении ²¹:

1 <i>ornav-ēr-ī-m</i>	<i>ornav-ēr-o</i>
2 <i>ornav-ēr-ī-s</i>	<i>ornav-ēr-ī-s</i>
3 <i>ornav-ēr-ī-t</i>	<i>ornav-ēr-ī-t</i>
4 <i>ornav-ēr-ī-mus</i>	<i>ornav-ēr-ī-mus</i>
5 <i>ornav-ēr-ī-tis</i>	<i>ornav-ēr-ī-tis</i>
6 <i>ornav-ēr-ī-nt</i>	<i>ornav-ēr-ī-nt</i>

Обе парадигмы строились по модели, отличавшейся от реконструируемой протоиталороманской и состоявшей из основы перфекта, временного суффикса *-er-* из **-is-*, модального суффикса *-ī-* из **-ē-* (суффикса атематического конъюнктива, служившего для образования архаического будущего II) или из **-ī-* (суффикса атематического оптатива, входившего в структуру долитературного пф. кон.). Деление на типы спряжения с морфологической точки зрения фактически отсутствовало, поскольку основной признак спряжения — тематический гласный включался в основу. В соответствии с просодическими особенностями латинского языка ударение всюду было подвижным: в 1—3, 6 формах оно падало на основу, в 4—5 формах — на вре-

²¹ О происхождении и развитии соответствующих парадигм, а также о кратких формах системы перфекта см. [8, с. 268—272].

менной суффикс или, в качестве варианта, на модальный суффикс.

Как выглядят предположения по поводу италороманских исходных форм у специалистов по истории далматинского и итальянского языков? М. Бартоли возводит далматинские рефлекс к прототипам [9, § 453]:

1 - <i>ávero</i>	- <i>tvero</i>	- <i>ěro</i>	- <i>ěvero</i>
2 - <i>áveris</i>	- <i>tveris</i>	- <i>ěris</i>	- <i>ěveris</i>
3 - <i>averit</i>	- <i>tverit</i>	- <i>ěrit</i>	- <i>ěverit</i>
4 - <i>au(e)rimus</i>	- <i>tu(e)rimus</i>	- <i>(e)rimus</i>	- <i>ěu(e)rimus</i>

В структуре постулируемых словоформ отмечается: латинский элемент -*ue-* с неустойчивым (е) в 4 форме, не находящий соответствия в романских фактах, суффикс -*gi-* при отсутствии варианта -*ge-*, что было бы возможно до перехода заударного -*i-* в -*e-* в I в. н. э., равноударность на основе в III спряжении (вторая колонка справа), не отраженная романскими рефлексам, отсутствие вариантов на -*gi/ge* в 1 форме, хотя часть вышеприведенных далматинских рефлексов может быть возведена к таким вариантам.

Г. Рольфс упоминает в качестве исходных для староитальянских примеров, кроме латинских классических форм, образцы *canta(ve)ro*, *audi(ve)ro* [30, с. 386], которые за вычетом элемента -*ve-* полностью соответствуют одному из вариантов наших прототипов в 1 л. ед. ч.

П. Текавчич реконструирует историю праформ для итальянского I спряжения [33, § 872]:

1	{ <i>portavero</i> > - <i>aro</i>
	{ <i>portaverim</i> > - <i>arim</i> > <i>are</i>
2	<i>portaveris</i> > - <i>aris</i> > <i>are(s)</i>
3	<i>portaverit</i> > - <i>arit</i> > <i>are</i>

В 1 л. ед. ч. здесь фигурируют все три постулируемых нами варианта, хотя -*gi-* дан с конечным -*m*, т. е. в латинизированной форме; во 2 и 3 л. ед. ч., если не считать малосущественных расхождений в оценке флексий, предположения П. Текавчица совпадают с нашими. Гипотетические прототипы встречаются, кроме того, у А. Цаунера [38, с. 155], Ч. Грэнджента [17, § 432], Т. Маурера [26, § 70—73], Г. Лаусберга [24, § 827, 906—910, 944], В. Вянянена [35, § 307, 339], Р. А. Холла [21, с. 77—81], но они относятся не к Италоромании, а к Романии в целом, поэтому их нужно сопоставлять не с италороманскими, а с протороманскими реконструкциями.

Изучение итальянских и далматинских фактов дает воз-

возможность высказать предположения не только по поводу формальных признаков италороманских прототипов пф. кон.-фт. II, но и в отношении их функций. Анализ показывает, что староитальянские рефлексы в большинстве употреблений имеют временное значение обычного будущего, но и модальное значение полностью не исключено²². В далматинском соответствующие формы тоже, как кажется, выражают простое будущее, хотя некоторые употребления вызывают сомнения из-за формального совпадения рефлексов пф. кон.-фт. II с продолжателями ппф. инд., получающими модальную семантику²³. Сравнивая функции италороманских рефлексов с функциями иберо-, галло-, балкано- и протороманских вариантов, а также учитывая значения соответствующих латинских парадигм, мы можем с высокой степенью вероятности утверждать, что италороманские прототипы совмещали две функции: временную (будущего) и модальную (конъюктива/кондиционала). Более того, соотношение значений у итальянских и далматинских рефлексов позволяет предполагать, что временная функция преобладала в Италоромании над модальной. Не исключено, что одной из причин окончательного вытеснения этих форм в итальянском ареале было их соперничество с более активными и морфологически прозрачными инфинитивными перифразами будущего и будущего в прошедшем (кондиционала). Среди других оснований отступления этих форм нельзя не отметить их формальное сближение с импф. инд. и ппф. инд., а также функциональное соперничество с импф. кон., ппф. кон., ппф. инд. в модальных значениях. Ср. соответствующие протороманские реконструкции I спряжения: 1 л. ед. ч. ппф. инд. *kantára, импф. кон. *kantáre, пф. кон.-фт. II *kantári/e/o, ппф. кон. *kantássi/e.

Подводя итоги, отметим, что реконструируемые парадигмы отражают часть протороманской истории пф. кон.-фт. II. Чтобы иметь полное представление об истории этих форм, нужно, вслед за италороманскими, реконструировать балканороманские, галлороманские, иберороманские, а затем ранние и поздние протороманские варианты.

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.

2. Григорьев В. П. История испанского языка. М., 1985.

3. Гурычева М. С. Народная латынь. М., 1959.

4. Литвиненко Е. В. История испанского языка. Киев, 1983.

5. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1954.

²² Г. Рольфс определяет функцию изучаемых рефлексов как «обычное будущее» [30, с. 386]. Р. А. Холл переводит староитальянские свидетельства «(that) he should advise», «(that) I should hold», «you might be able» [21, с. 77—79].

²³ М. Бартоли отмечает, что форма типа kanturo, -ura, без учета синтаксической позиции, должна пониматься как «ich werde» и «würde singen» [9, с. 406]. По мнению Э. Бурсье, фт. II, смешавшийся с пф. кон., на далматинском побережье получил значение простого будущего времени [1, с. 191].

6. Томашипольский В. И. Общероманский глагол: Реконструкция системы окончаний. Свердловск, 1987.
7. Томашипольский В. И. Отрицательно-побудительные предложения // Структурные и функциональные особенности и текста. Свердловск, 1989.
8. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
9. Bartoli M. G. Das Dalmatische. Bd 2. Wien, 1906.
10. Caragiu Marioteanu et al. Dialectologie Română. Bucuresti, 1977.
11. Dardel R. de. Le parfait fort en roman commun. Genève, 1958.
12. Diez F. Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1882.
13. Foth K. Die Verschiebung lateinischer Tempora in den romanischen Sprachen // Romanische Studien. 1876. Bd 2. S. 241—336.
14. Gamillscheg E. Studien zur Vorgeschichte einer romanischen Tempuslehre. Wien, 1913.
15. Gassner A. Das altspanische Verbum. Halle, 1897.
16. Grandgent Ch. H. An introduction to Vulgar Latin. Boston, 1907.
17. Grandgent Ch. H. Introducción al Latin Vulgar. Madrid, 1928.
18. Hadlich R. L. The phonological history of Vegliot. Chapel Hill, 1965.
19. Hall R. A. jr. External history of the Romance languages. N. Y.; Oxford, 1974.
20. Hall R. A. jr. Proto-Romance phonology. N. Y.; Oxford, 1976.
21. Hall R. A. jr. Proto-Romance morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1983.
22. Huber J. Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933.
23. Ivanescu G. Istoria limbii române. Iasi, 1980.
24. Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1962—1967. Bd. 1—3.
25. Lombard A. Le verbe roumain: Etude morphologique. Lund, 1954—1955. Vol. 1—2.
26. Maurer Th. H. Gramática do Latim Vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
27. Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd 2. Leipzig, 1894.
28. Nannucci V. Analisi critica dei verbi italiani investigati nella loro primitiva origine. Firenze, 1843.
29. Puscariu S. Studii istroromâne. Vol. 2. Introducere. Gramatică. Caracterizarea dialectului istroromân. Bucuresti, 1926.
30. Rohlfs G. Historische Grammatik der italienischen Sprache. Bern, 1949—1954. Bd. 1—3.
31. Rohlfs G. Le gascon. Etudes de philologie pyrénéenne. Tübingen, 1970.
32. Rosetti A. Istoria limbii romine. Bucuresti, 1964—1966. Vol. 1—6.
33. Tekavcic P. Grammatika storica dell'italiano. Bologna, 1980. Vol. 1—3.
34. Togeby K. Le sort du plus-que-parfait latin dans les langues romanes // Cahiers F. de Saussure. 1966. Vol. 23. P. 175—184.
35. Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. Paris, 1967.
36. Vossler K. Einführung ins Vulgärlatein. München, 1954.
37. Wagner M. L. Flessione nominale e verbale del sardo antico e moderno // L'Italia dialettale. 1938. Vol. 14. P. 93—170; 1939, Vol. 15. P. 1—29.
38. Zauner A. Romanische Sprachwissenschaft. Bd 1. Berlin; Leipzig, 1921.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

В. П. Хабилов
Свердловский
пединститут

ГЛАГОЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЯЗЫКА САНГО

В традиции лингвистического описания вопросы глагольной парадигматики обычно относят к морфологии. Однако исследуя

парадигму глагола языка санго, мы пришли к выводу, что структура глагола креолизованного санго при редуцированной морфологии может рассматриваться только при условии привлечения синтаксической информации в рамках предикативной синтагмы минимального высказывания.

Предикативная синтагма представляет собой центральную часть, ядро всякого законченного высказывания благодаря содержащемуся в ней элементу предикативности, отличающему ее от непредикативных синтагм. В санго можно выделить следующие типы предикативных синтагм:

1) *kōlī à gā* (мужчина |он| приходит [несов. в.]) — *мужчина пришел, приходит*;

2) *kōlī à gā, àwè* (мужчина он пришел [соверш. в.]) — *мужчина пришел*;

3) *kōlī à yèkè gā* (мужчина он [длительн. в.] приходит) — *мужчина приходит*;

4) *kōlī à yèkè gā* (мужчина он [буд. вр.] придет) — *мужчина придет*;

5) *fàdè kōlī à gā* ([буд. вр.] мужчина он придет) — *мужчина придет*;

6) *fàdè kōlī à yèkè gā* ([буд. вр.] мужчина он [обязат. вр.] придет) — *мужчина придет (обязательно)*;

7) *kōlī à gā ándè* (мужчина он придет [буд. в.]) — *мужчина придет*;

8) *kōlī à yèkè gā ándè* (мужчина |он| [обязат. в.] придет [буд. вр.]) — *мужчина придет*;

9) *fàdè kōlī à gā ándè* ([буд. вр.] |мужчина| он| придет [буд. вр.]) — *мужчина придет*;

10) *fàdè ándè kōlī à gā* ([буд. вр.] |мужчина| он| придет) — *мужчина придет*;

11) *kōlī à gā ngbánda* (мужчина |он| придет [буд. вр.]) — *мужчина придет*;

12) *kōlī à gā fàdè* (мужчина |он| пришел [прош. вр.]) — *мужчина пришел*;

13) *kōlī à gā lání* (мужчина |он| пришел [прош. вр.]) — *мужчина пришел*;

14) *ká kōlī à gā* ([сослаг. накл.] |мужчина |он| пришел) — *мужчина бы пришел*.

Во всех двучленных предикативных синтагмах присутствует элемент, который маркирует второй член предикативной синтагмы и влияет на отнесение содержания высказывания к действительности. Таким элементом являются слова *àwè*, *yèkè*, *fàdè*, *ándè*, *ngbánda*, *lání*, *ká* или комбинации некоторых из них. Они характеризуют систему глагольного употребления в языке сан-

го. Эти предикативные элементы не полностью десемантизированы (за исключением некоторых), они могут иметь и грамматическое и лексическое значение. Грамматическое значение (например, выражение временных отношений) проявляется у некоторых из них при отсутствии другого, чисто грамматического элемента для выражения тех же отношений. Например, предикативные элементы *fàdē*, *yěkē* являются чисто грамматическими показателями времени, вида (*yěkē*), и занимаемая ими позиция всегда ассоциируется с грамматическим значением, тогда как для слов *àwē*, *lání*, *ándē* функция предикативного элемента — более позднее приобретение и связана с утерей языком санго в процессе его развития как языка межэтнического общения грамматически значимых тонов, выражавших (и выражающих в языке-источнике в этническом санго, а также в близкородственных ему языках якома и нгбанди) различные модальные значения.

Предикативный элемент — показатель временных отношений может не присутствовать в каждом данном предложении. Особенно это характерно для нарративного текста, в котором предикативный элемент, отвечающий за временную отнесенность действия, может быть употреблен только в одном из предложений, как правило, в начале текста. Он может актуализировать не только одно высказывание, но несколько связанных с ним по смыслу высказываний, то есть данный, единственный для отрезка текста предикативный элемент соотносит предмет мысли каждого предложения с действительностью. При этом временной центр может находиться довольно далеко за пределами этого предложения. Часто время действия обозначается такими словами, как *bígi* — «вчера», *kékègékè* — «завтра». В значении этих слов содержится значение адвербиальности, т. е. указание на то, что соответствующий знак является обозначением времени действия.

Для большей наглядности извлечем глагольную парадигму из состава предикативной синтагмы, обозначив точками первый (именной) ее член:

1)	... <i>gā</i>
2)	... <i>gā àwē</i>
3)	... <i>yěkē gā</i>
4)	... <i>yěkē gā</i>
5) <i>fàdē</i>	... <i>gā</i>
6) <i>fàdē</i>	... <i>yěkē gā</i>
7)	... <i>gā ándē</i>
8)	... <i>yěkē gā ándē</i>
9) <i>fàdē</i>	... <i>gā ándē</i>

10)	fàdē ándē ...	gā
11)	...	gā ngbāndā
12)	...	gā fàdē
13)	...	gā lání
14)	...	yèkè
15)	ká	gā

Рассмотрим все виды предикативных синтагм, а в их рамках — парадигму глагола *gā* — «приходить» в ее временном и видовом проявлении. Следует сказать, что в основе глагольной системы санго лежит видовая система, существующая, как нам представляется, независимо от временной.

Предикативная синтагма 1. В этом виде предикативной синтагмы проявляется имплицитно выраженное категориальное значение несовершенного вида глагольной формы *gā*, связанного с передачей действий, возможных в настоящем, прошедшем или будущем времени. Смысловое наполнение категории несовершенного вида неоднородно и получает конкретизацию категориального значения в зависимости от окружающего контекста, ситуации, коммуникативной установки.

В предикативной синтагме могут употребляться глаголы различных аспектуальных классов, например, глагол *gā* — процессный глагол, *kɔ́pɔ* — квалификативный глагол, содержащий значение состояния: *kɔ́lɪ à kɔ́pɔ* (*мужчина|он|есть толстый*). В предикативной синтагме реализуется одно из значений глагола — значение состояния. Дело в том, что в языке санго есть глаголы, которые могут быть переходными и непереходными в отличие от квалификативных глаголов *kɔ́pɔ* — «быть большим» и *kɔ́pɔ* — «расти», которые, являясь глаголами состояния, бывают непереходными. В том случае, когда эти глаголы употребляются без прямого дополнения (непереходный вариант), в них реализуется значение результата действия (состояния), действия замкнутого в сфере субъекта как его состояния, то есть в этом случае передается общезовратное значение. Рассмотрим один из таких глаголов — глагол *fáà*: 1) переходный — «резать, колоть, пилить», «убивать, ранить»; 2) непереходный — «ломаться, разбиваться, быть отрезанным». Все значения непереходной формы глагола такого типа реализуются в предикативной синтагме: *tà à fáà* (*горшок|он|разбился*), *ngú à tükù* (*вода|она|разлилась*), *kámbà à zí* (*веревка|она|развязалась*).

Предикативная синтагма 2. В данной предикативной синтагме проявляется категориальное значение совершенного вида глагольной формы *gā*. Предикативный элемент совершенного вида *àwè* может находиться как непосредственно в

постпозиции к предикату, так и в конце предложения при распространении предиката. На ряде примеров прослеживается связь между семантикой глагола и употреблением предикативного элемента *àwě*. В минимальных высказываниях, где глагол по своему типу выражает оттенок результативности, употребление *àwě* встречается наиболее часто, например: *mbò pí à uéké nà ndò wà? lò kúí àwě.* — *Где собака? Она умерла.* Или: *bágàrà à dú àwě.* — *Корова отелилась.* Однако когда акцент делается не на достигнутость действия, а на лицо, которое совершало его, и когда совершенный вид глагола уже фигурировал в контексте, употребление *àwě* факультативно. Рассматривая факультативность употребления предикативного элемента *àwě*, можно сказать, что он проявляется только в тех случаях, когда говорящему следует выразить соответствующее значение.

Предикативная синтагма 3. В данной синтагме предикативный элемент *uéké* указывает на длительный вид глагольного значения всех слов, выступающих как второй член предикативной синтагмы или на многократный вид предиката, представляющий действие как повторяющееся. При чем предикативный элемент *uéké* может указывать на повторяемость действия в прошлом, если оно локализовано во времени хотя бы ситуативно.

Предикативная синтагма 4. Кроме вышеуказанного свойства предикативный элемент *uéké* употребляется для обозначения будущего времени, близкого к моменту речи. При наличии точной временной локализации он может указывать и на более дальнюю временную отнесенность от точки отсчета.

Предикативная синтагма 5. В данном типе предикативной синтагмы проявляется категориальное значение будущего времени неопределенного с точки зрения временной локализации. Данное значение передается с помощью предикативного элемента *fàdè* в препозиции к глаголу.

Предикативная синтагма 6. Особенностью этой предикативной синтагмы является реализация в ней будущего неопределенного времени с помощью предикативного элемента *fàdè* и выражение обязательного вида глагольной формы *ga*, в образовании которой принимает участие предикативный элемент *uéké*.

Предикативная синтагма 7. В этом типе предикативной синтагмы также реализуется будущее время с помощью предикативного элемента *ándè*. Будущее время, реализуемое с помощью предикативного элемента *ándè*, отличается от такового, выраженного с помощью предикативных элементов *fàdè*

и уѣкѣ, большей дистантностью по отношению к моменту речи. Однако это не касается тех случаев, когда на временную локализацию указывают обстоятельственные слова типа *завтра*. В этом случае *ándē* и *уѣкѣ* передают одно и то же временное значение: *lò gā ándē kékèrékè = lò уѣкѣ gā kékèrékè*. — *Он придет завтра*.

Предикативная синтагма 8. В данной синтагме с помощью предикативного элемента *уѣкѣ* реализуется обязательный вид, а с помощью предикативного элемента *ándē* — будущее время.

Предикативная синтагма 9. Двухкомпонентный предикативный элемент *fàdē...ándē* употребляется в этом типе синтагмы для образования будущего времени неопределенного по отношению к временной локализации.

Предикативная синтагма 10. Двухкомпонентный предикативный элемент *fàdē ándē* является вариантом предикативного элемента предикативной синтагмы 9, отличающимся от него только контактным расположением компонентов; также употребляется для образования будущего неопределенного времени.

Предикативная синтагма 11. Особенностью этого типа предикативной синтагмы является реализация в ней с помощью предикативного элемента *ngbándā* будущего неопределенного времени. Реализация действия откладывается на очень отдаленное время. Слово *ngbándā* имеет и собственно лексическое значение «позже», которое проявляется при присутствии в высказывании предикативных элементов, выражающих будущее время.

Предикативная синтагма 12. В данной синтагме предикативный элемент *fàdē*, находящийся в постпозиции к предикату, употребляется для образования прошедшего времени, близкого к моменту речи.

Предикативная синтагма 13. В этом типе предикативной синтагмы с помощью предикативного элемента *lání* проявляется категориальное значение прошедшего времени глагольной формы. Предикативный элемент *lání*, который в большинстве случаев занимает позицию после предиката или его распространения, употребляется для образования прошедшего времени более отдаленного от момента речи, чем то, которое выражается с помощью предикативного элемента *fàdē* предикативной синтагмы 12.

Предикативная синтагма 14. Особенностью данного типа предикативной синтагмы является реализация в ней с помощью предикативного элемента *ká* сослагательного наклоне-

ния, выражающего значение возможности, побуждения, предположительности, например: *ká tɔ́ kúí* ([сослаг. накл.] *ты умер бы*) — *чтоб ты умер!* [побуждение], *ká tɔ́ krɛ́* ([сослаг. накл.] *ты убежал бы*) — *даже если бы ты убежал / предположим, что ты убежишь* [предположительность]. Предикативная синтагма, в которой реализуется сослагательное наклонение, может употребляться в главной части сложноподчиненного предложения, придаточной частью которого является условное предложение, например: *tɔ́ngàná kólí à gá bírí, ká lò báà lò* (*если мужчина он пришел бы / вчера* [сослаг. накл.] *он увидел бы его*) — *если бы мужчина пришел вчера, он бы его увидел.*

В рассматриваемых синтагмах второй член — предикат представляет собой процессный предикат, выражающий бытие, состояние или действие. Это может быть и qualificативный предикат, выражающий свойство субъекта. Основными типами процессного предиката являются экзистенциальный, выражающий существование: *kólí à yéké* — *мужчина живет, существует*; статальный, выражающий состояние: *kólí à lāngɔ́* — *мужчина спит*; и акциональный, выражающий действие субъекта в отношении объекта: *kólí à díkɔ́ mbetì* — *мужчина читал книгу.*

Qualificативный предикат выражается qualificативным глаголом типа *kɔ́pɔ́* — «быть большим» или *pèndèrè* — «быть красивым»: *lò kɔ́pɔ́* — *он большой.*

Предикат может состоять из одного из вышеуказанных типов глаголов с предикативными элементами или без них (если значение выражается имплицитно), а также предикат может состоять из нескольких глаголов (сложное сказуемое) и выражать: а) модальную характеристику связи действия с субъектом — сказуемые данного вида включают модальный глагол плюс одну из разновидностей глагола: *tɔ́ língbì tí lɔ́ndɔ́* (*ты должен* [глагольн. часть] *вставать*) — *ты должен вставать*; б) видовую характеристику действия; сказуемые этого вида включают глагол, означающий стадию развития действия (начало, продолжение, конец, его регулярность): *álà lɔ́ndɔ́ tí gá* (*они начинают* [глагольн. часть] *приходить*); *lò dɛ́ tí gùè* (*он продолжает находиться в состоянии* [глагольн. часть] *уходить*) — *он еще не ушел*; *gùgù à ngbá tí sí gígí* (*дым он продолжает* [глагольн. часть] *выходить / наружу*) — *дым продолжает выходить*; *ngú à kòmàseè tí zú* (*вода она начала* [глагольн. часть] *убывать*); *kòbɛ lǎá à níngà tí gá* (*болезнь она опоздала* [глагольн. часть] *прийти*) — *болезнь опоздала прийти*; *ngú à únzì tí zú* (*вода она закончила* [глагольн. часть] *убывать*) — *вода пере-*

стала убывать; в) отношение субъекта к действию; сложное сказуемое данного вида включает элемент, обозначающий желание: *ē ué tí gā* (*мы|хотим* [глагольн. часть] *прийти*) — *мы хотим прийти*.

Характерной особенностью языка санго является употребление цепочки из нескольких глаголов, обычно двух-трех. Глагольные цепочки характерны и для других африканских языков. Они передают сложное действие, которое реализуется как последовательность простых действий, выраженных определенным глаголом. С помощью глагольной цепочки видна каждая фаза сложного действия. Особенностью выражения действия несколькими глаголами в санго является то, что перед каждым глаголом обязательно употребление либо местоименного подлежащего (показателя субъекта *à*), либо любого другого местоимения. Начальную позицию в цепочках, как правило, занимают глаголы движения *gā* — *приходить*, *kíri* — *возвращаться*, *gùè* — *идти*, например: *kòsɔ́ní à gā à sí gè* (*свинья|она|пришла|появилась|здесь*) — *свинья пришла*; *lò gùè lò gā lò vɔ́ kɔ̀bɛ* (*он|пошел|он|пришел|он|купил|еду*) — *он пошел и купил еду*. Первое место в цепочке может занимать и глагол с модальным оттенком, выражающий видовую характеристику действия, например: *mbì dɛ mbì tũ wálí rɛ̀rɛ̀* (*я|остаюсь|я|беру|женщину|не*) — *я еще не женился*. Таким образом, исходя из семантического критерия можно определить цепочку, состоящую из нескольких глаголов и выражающую одно значение, как сложное сказуемое.

Рассмотрев виды предикативных синтагм языка санго и элементы их составляющие — субъект и предикат, отметим, что предикативная синтагма в высказывании языка санго является синтаксически зависимой и вследствие этого сама в большинстве случаев (исключение составляют, как уже было отмечено, бытийные предложения и их разновидности) не способна образовать законченного утвердительного высказывания.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

М. В. Зеликов
ЛГПИ
им. А. И. Герцена

**О ПАРАДИГМЕ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ
И ИБЕРОРОМАНСКОМ АНАЛИТИЗМЕ**

Особое положение баскского языка на лингвистической карте мира обуславливается спецификой ряда явлений, для которых не обнаружено соответствий ни в одном из древних и современных языков Евразии. В наибольшей степени своеобразие баск-

ского обусловлено морфологией его глагола, характеризующейся необыкновенно высокой вариативностью. Так, в современном языке, например, глагол *izan* — *иметь* только в настоящем времени изъявительного наклонения (в любой локальной или функциональной разновидности) насчитывает около 600 форм, а общее их число достигает нескольких тысяч.

Одним из наиболее ярких свидетельств необычности баскской глагольной системы, в равной мере присущей всем диалектам и говорам, является парадигма настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения. Особенность ее состоит в том, что, помимо морфологических элементов, она включает и синтаксические. При этом ряд основных глаголов (*быть / иметь, идти, приходить, есть, говорить, нести* и др.) располагает двумя сериями форм — полисинтетическими и аналитическими. Ср. полисинтетическое спряжение глагола *etorri* — *приходить* в гипускоанском диалекте: наст. время: *nator* — *я прихожу*; *dator* — *он(она) приходит*; прош. время: *nentorren* — *я приходил(а)*; *zettorren* — *он(она) приходил(а)* и т. д.

Развитие полисинтетического спряжения, однако, не препятствует широкому функционированию *etorri* в аналитических формах, образующихся при содействии вспомогательного *izan* — *быть*, в свою очередь имеющего самостоятельное (полисинтетическое) спряжение: гипускоанск. *Gu euskaldunak Europatik etorri gihan.* — *Мы, баски, пришли из Европы*; биск. *An erriyen egun baten etorri ziren juzkeduko bentanara txori baltzak bi*¹. — *В том селении однажды подошли к окну здания суда две черные птицы*, букв.: «Селении в том однажды подошли к зданию суда окну птицы черные две». Нельзя не отметить, что строение аналитических моделей баскского языка, первый компонент которых, собственно, является агглютинативным, а второй — полисинтетическим, довольно своеобразно. Однако главной особенностью аналитических образований баскского изъявительного наклонения является то, что они, в отличие от хорошо известных аналитических образований индоевропейских языков, не сообщают действию оттенок длительности. Так, в отличие от англ. *I come* (*я прихожу*) — *I'm coming* (*я прихожу [сейчас]*); валл. *canaf* (*я пою*) — *R'wy'n canu* (*я пою [сейчас]*); ирл. *tagaim* (*я прихожу*) — *tá mé ag teacht* (*я прихожу [сейчас]*); итал. *faccio* (*я делаю*) — *sto facendo* (*я делаю [сейчас]*) и др., в баскском между полисинтетическим *nator* и аналитическим *etorzen naiz* никакого семантического различия нет: *я прихожу*. Длительность и процессуальность действию сообщается введением в аналитическую структуру дополнительного маркера *agi*,

¹ Сведение баскских глагольных форм в учебнике воспринимается как знаменательная веха в истории баскологической науки, о чем красноречиво свидетельствует и название первой баскской грамматики М. де Ларраменди — «Побежденное невозможное» («*El imposible vencido*»), изданной в 1729 г.

который в сочетании с *izan* имеет лексическое значение «быть чем-то занятым; делать что-то». Ср. *etortzen ari naiz* — *я прихожу (сейчас)*, т. е. «в процессе прихождения я есть».

Появление синтаксических признаков, приведшее к единовременному существованию двух рядов форм в пределах баскской временной парадигмы, сопряжено с особенностями развития аналитизма баскской глагольной системы и, по-видимому, не имеет аналогов в парадигмах языков других семей. Так, в индоевропейских и семитских языках это только флективные, в картвельских — агглютинативно-флективные, в абхазско-адыгских — полисинтетические, в древних переднеазиатских, тюркских, алтайских, финно-угорских и эскимосско-алеутских — агглютинативные формы; в палеоазиатских — аффиксация, присущая также нахско-дагестанским языкам.

Несмотря на то, что количество баскских глаголов с собственным спряжением еще в XVI в. достигало нескольких десятков (в настоящее время полностью собственное спряжение представлено только у глагола *izan*), тенденция к аналитизму, органически присущая баскскому, последовательно проявляется на лексическом и грамматическом уровнях. Например, характерно удвоение при образовании сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий: *eder*=*edera* — *очень красивый*, букв. «красивый — красивый»; *egin*=*eginekoa* — *безупречно*, букв. «сделанный=сделанное»; *doi*=*doi* — *точно*, букв. «точно=точно» и др., равно как и словосложение по моделям N_1+N_2 типа *zillargillea* — *серебряных дел мастер* (=исп. *platero*) букв. «серебро — исполнитель»; *gara*=*gardotegi* — *пивная* (=исп. *cerveceria*), букв. «ячмень=таверна (вино=дом)» и $Adj+V$: *on*=*etzi* — *одобрять*, букв. «хорошо оценивать», сопоставимое типологически с испанским, где не только *aprobar*, но и *tomar por bueno*.

В баскском отсутствуют специальные глаголы для выражения какого-либо действия или чувства. *Бояться, любить, хотеть* и другие глаголы в баскском образуются как *bildur izan*, букв. «страх иметь», *maite izan*, букв. «любовь иметь» и т. д. [4, с. 221], составляя, по мнению ряда ученых, вместе с глагольными моделями описательного спряжения (ср. баск. *gozea izan*, нем. *Hunger haben* — *голодать*, букв. «голод иметь» и др.) отличительную черту синтаксиса языков атлантического языкового союза [17, с. 72]. Отметим, что особое место в рамках этого союза занимают кельтские языки. В языках бриттской группы *bod* — *быть* используется в описательном спряжении и входит органически в глагольную форму (ср. *dyfod* — *приходить*), образуя парадигму [6, с. 391, 354; 20, с. 213]. Аналитические формы древневаллийского претерита с *bod* совпадают с описательными моделями в баскском [2, с. 326]. Сходство поддерживается постпозицией *быть*, вообще характерной для начальных стадий

анализа. О параллелизме конструкций отглагольного имени и вспомогательного глагола в кельтских и баскском языках см. [21, с. 83].

Двусоставные конструкции с глаголом активной семантики *делать* хорошо известны во всех западноевропейских языках. Можно выделить три типа таких конструкций:

1) каузативный тип; ср. итал. far saltar la testa (*отрубать голову*), коррелирующее с decapitare (то же), исп. hacer cono- cer (*извещать*) — avisar (то же) и др.;

2) verba omnibus; ср. катал. пословицу si vols estar ben servit, fes-te tu mateix el llit; исп. si quieres ser bien servido sírvete a tí mismo — *думай о себе сам*; итал. fare un salto — *заскочить*, ср. andare a trovare (то же); исп. hacer las veces — *заменять*, ср. sustituir (то же); нем. das macht nichts — *это ничего не значит* и др.

3) собственно перифрастический тип; ср. лат. verba facere — fabulari — *говорить*; исп. hacer daño — dañar — *вредить*; англ. to make love — to love — *любить* и др.

Особое место здесь занимают конструкции, обозначающие время, а также служащие для выражения явлений погоды и климатических явлений. Первые составляют своеобразие всех западнороманских языков и типологически сходны с берберскими [22, с. 177]. Модели второго типа в романских, кельтских, германских, славянских языках и баскском образуют три подвида; а) активный с глаголом *делать* (баскский, романские и отчасти кельтские языки [15, с. 53]) или с выраженным субъектом (романские и германские); б) стативный с глаголом *быть* (баскский, кельтские, германские); в) односоставные (романские и славянские). Подробнее об этом см. [3].

Модели с глаголом активной семантики *делать* имеют наибольшую частотность и своеобразие в языке басков. Баскские перифразы с egin (*делать*) + существительное далеко не всегда имеют аналитические корреляты в романских и германских языках. Ср. баск. negar egin (*плакать*), букв. «плач сделанный» — исп. llorar, англ. to cry; hegal egin (*летать*), букв. «крыло сделанное» — ит. volare, нем. fliegen; to egin (*спать*), букв. «сон сделанный» — фр. dormir, нем. schlafen и т. д. Органичность функционирования egin в подобных образованиях подтверждается, как мы предполагаем, и возможностью его эллипса, известного во всех баскских диалектах: биск. Arek barre andiyek egin etxoien — *Он громко над нами рассмеялся* [11, с. 194], букв. «Он смех большой [сделавши] над ними». Некоторые баскские двусоставные образования имеют в настоящее время односоставный коррелят. Так, для aginka egin, букв. «укус сделанный», М. Р. Аскуэ приводит варианты usegi, ausiki и др. [9, с. 375]². Не исключено, однако, что эти формы —

² Ср. также и активные образования типа deia izan (ukan) — *иметь зов* вместо пассивного deitua izan — *быть позванным* [см.: 4].

результат стяжения аналитических моделей с *egin*: *usegi* — *usi-egin*; *ausiki* — *ausi-egin*, что не выглядит противоречивым с точки зрения семантической: *ausi-egin* — *ломать*; *разрушать* — *dusi-egin*, букв. «разрушение сделанное».

Ближайшей параллелью упомянутых баскских моделей являются кельтские (бриттские) конструкции отглагольного имени с глаголом *делать* (валл. *ysgrifennu a wnaf* — *я пишу*, букв. «письмо [я] делаю»), объясняющее, по мнению В. Пресслера, специфику английских перифраз с *to do* — *делать* [18, с. 182]³. Другая особенность баскских перифраз — глагол *egin*, увеличивающий экспрессию предиката (ср. биск. *Edo tsantsetan abil, edo erotu egin aiz* — *Или ты шутишь, или ты сошел с ума* [там же, с. 221], букв. «или в шутке идешь [=каст. *vas chanceando*], или с ума сошедший сделавшись ты есть»), может быть отмечена на Пиренейском полуострове. Ср. *hacer* + инфинитив в кастильском Наварры: *Médicos y boticas aunque con haber, la gente, tarde o temprano, morir se hace* [12, с. 81] — *Рано или поздно люди умирают*, букв. «умирать делает, несмотря на врачей и аптеки». Во фразе *Vestido nuevo te vas a estar hecha así* [там же] — *У тебя новое платье, а ты [не наденешь его] и будешь в таком виде?*, букв. «Платье новое ты собираешься быть сделанной так?» мы сталкиваемся с использованием причастной формы *hacer*. Это лежит в русле общебаскской тенденции к использованию результативных форм вместо инфинитивных и личных, присущих индоевропейским языкам, а также вплотную подводит нас к функционирующим в кастильском экспрессивным моделям с причастной формой *hacer*, плохо понимаемым в общероманском контексте. Фраза типа *Ella se puso hecha una fiera* — *Она страшно разъярилась* и многие другие, построенные по моделям *hecho(a)* + существительное, характерны только для испанского языка [5, с. 73].

Экспрессивны и специфические для иберороманских языков конструкции эфазы предиката на базе *hacer*, которые находят параллель в баскских моделях предиката, осуществляемые введением *egin*: *aíta etorri egin da* = исп. *lo que ha hecho el padre es venir* [16, с. 259]. С баскским, несомненно, должны связываться и другие характерные для западнороманского ареала особенности использования глагола *делать* в качестве *verba*

³ Х. Вагнер отличает также и матернальное сходство баскского, кельтского и берберского глагола с семантикой «делать»: баск. *egi*-, бербер. *eg*-, ирл. *gpi*-, валл. *gupaí*, корн. *gupaí* (*я делаю*) [22, с. 177]. Мы предполагаем, что суффикс *-k*-, выделяемый в валлийском глаголе *ehedeg* (*летать*) [6, с. 371], также восходит к этому корню, а сама форма *ehedeg* — результат позднего слияния двусоставной аналитической модели *ehed-eg*, оба компонента которой сопоставимы с баскской перифразой *hegal egin*, букв. «крыло делать». В валл. *d* может соответствовать *l* в баскском, где, в свою очередь, хорошо известно «средиземноморское» чередование *d/r/l*: ср. валл. *eidion*, баск. *idi/ili/iri* — *бык*.

omnibus; ср. катал. *fer saga* — *иметь внешность* в отличие от каст. *tener aspecto*. Отмечается частое употребление в западных диалектах баскского активного *egin* в качестве вспомогательного глагола, замещающего таким образом *izan* — *иметь*, а при оформлении системы датива и глагол *eman* — *давать*. Ср. лабурд. *egran dio* (корень *-i-, gi* — *делать*) — *он сказал ему*, букв. «сказанное это делать ему [он]» [14, с. 61]⁴ и аналогичное использование глагола с активной семантикой *давать/делать* в функции «говорить» в северо-западных говорах кастильского языка. Так, в сантандеринском (в непосредственной близости от бискайского) *la Regula le dio los días* (М. Делибес) — *Регула поздоровалась с ним*, букв. «дала ему дни». Конструкции с *eman* — *давать* играют не последнюю роль в образовании баскских аналитических конструкций.

Велик удельный вес моделей с *dar* в качестве *verba omni-bus* и в разговорном испанском. Особое место здесь, как и в галисийском, занимают перифразы, выражающие начинательность действия. Ср. галис. *deulle en doê-la barriga* — *у него заболел живот* [22, с. 102], исп. *Jorge dio a estudiar* — *Хорхе принялся заниматься*, коррелирующая с безличной *a Jorge le da por la fotografía* — *Хорхе занимается фотографией*. Ср. баск. *euriari eman zion* — *начался дождь*, буквально соответствующая испанской фразе *le dio a llover*. Ср. также модель *dar* + причастие, как в галисийском: *a ver se das bebido este viño* [там же] — *ну-ка, выпей это вино*, исп. *podemos dar el asunto por terminado* — *мы можем считать вопрос исчерпанным*.

Изоглосса «аналитизма» западноевропейских языков, дополняющаяся аспектуальным аналитическим спряжением в языках Западной Африки, наряду с другими реликтовыми чертами (следы активной типологии, порядок SOV, постпозиционный характер следования предлогов и релятивных частиц, двадцатеричное счисление и др.), свидетельствуют о ранней типологической баскско-индоевропейской общности, многочисленные особенности которой еще предстоит исследовать. Важным звеном этой общности являются баскско-кельтские отношения: кельты одними из первых вступили в контакт с доиндоевропейскими автохтонами Западной Европы, один из языков которых — баскский представляет собой субстрат для романских языков Испании и Южной Франции.

Особенности западнороманского аналитизма, имеющие соответствия в языке басков, не ограничиваются перифрастическими образованиями, к ним, несомненно, может быть отнесено и аналитическое прошедшее время в современном каталанском *apar* (*идти*) + инфинитив [10, с. 155]: *A bon pas, el Nen va tombar*

---

⁴ Х. Вагнер соотносит настоящее явление с аналогичными образованиями в некоторых языках Сахары: нубийск. *kag aigi kuz- den* — *открой мне дверь*, букв. «дом мне открытый дай» [14, с. 61].

la cantonada — *Нен быстро свернул* [букв. «идет свернуть»] *за угол*. Значение каталанского аналитического перфекта полностью совпадает со значением синтетического перфекта в других романских языках (ср. исп. *dio la cantonada* — *свернул за угол*, порт. *dobrou a esquina* — то же). Сопоставляя модели *апаг* + инфинитив с аналогичными аналитическими формами в баскском, отметим, что в бискайском диалекте в качестве вспомогательного глагола используется не только *izan* (*быть / иметь*), но и *joan* (*идти*) и *egoan* (*нести*): *etorri poa* — я [обычно] *прихожу*, букв. «пришедший я иду» [13, с. 401].

Для нашего рассмотрения важное значение имеет то, что модель *vadere* + инфинитив, помимо современного каталанского, имеется в гасконском и в восточном арагонском: гаск. *que s'ep ba i ta Pau* — *он ушел в По*; араг. *bas fer* (Бенаск) — *ты сделал* [10, с. 156]. Наличие аналитического перфекта в староиспанском (*van besar las manos* — *поцеловали руки*, Сид, 2093), старопортугальском (ср. *foi amar* — *полюбил*) и старофранцузском (*me va prendre* — *он взял меня*) [10, с. 156] говорит о том, что в настоящее время этот оборот является общепиренейским франко-испанским архаизмом и непосредственно соотносится с аналитическими формами баскского спряжения. В пиренейских языках и диалектах отмечается давнее и органическое функционирование *vadere* + инфинитив: старокатал. *e apam-los ferig* — *и они их ранили* [там же], старогаск. *ba entrar* — *вошел* [19, с. 145]; ср. также *bachte* — *он был* (<*ba este*), отмеченное Г. Рольфсом в западногасконских говорах Верхних Пиренеев: *que bachte oubligat* — *он был обязан* [там же, с. 146].

Занимая особое место в системе романских перифраз [18], аналитический перфект в совокупности с другими перифрастическими образованиями иберороманских языков, среди которых выделяются модели с глаголами движения, выявляет, по словам А. Алонсо, специфическую «внутреннюю форму», не имеющую аналогов в латыни и в близкородственных романских языках [9, с. 191]. Последовательное развитие аналитизма иберороманских языков трудно объяснить как результат греческого влияния (Э. Косериу) [6, с. 401]: последнее не имело регулярного характера. Приведенный в статье материал заставляет еще раз поставить вопрос о внутренних пиренейских истоках исследуемого явления, постепенно проявляющегося в романских языках полуострова как органическое продолжение местных дороманских лингвистических особенностей. Закрепленное в процессе вековых романо-баскских контактов, в настоящее время оно составляет одну из специфических типологических черт романо-баскского языкового союза на Пиренейском полуострове.

---

1. Васильева-Шведе О. К. К вопросу о «нефлективной морфологии» (аналитический перфект в каталонском языке) // Общее и романское языкознание. М., 1972.

2. *Зеликов М. В.* Баскское и иберороманское предложение (параллели субъектно-объектного отношения) // Изв. АН СССР. 1985. Т. 44. № 4. (Серия лит. и яз.).

3. *Зеликов М. В.* К вопросу о семантической основе конструкций с глаголом действия в баскском и иберороманском языках // Аспекты семантического изучения германских и романских языков. Воронеж, 1983.

4. *Зеликов М. В.* Синтаксис вспомогательного глагола в баскском языке и его иберороманские параллели // Синтаксис испанского языка и инженерная лингвистика. Л., 1979.

5. *Курчаткина Н. Н., Супрун А. В.* Фразеология испанского языка. М., 1981.

6. *Льюис Г., Педерсон Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.

7. *Нарумов Б. П.* Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. М., 1987.

8. *Alonso A.* Sobre métodos: construcciones con verbos de movimiento en español // Estudios lingüísticos: temas españoles. Madrid, 1974.

9. *Azkue R. M. de.* Diccionario vasco-español-francés. Bilbao, 1984.

10. *Blasco Ferrer E.* La posizione linguistica del catalano nella Romania // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1986. B. 102. H 1/2.

11. *Holmer N. M., Holmer V. A.* Apuntes vizcainos // Anuario del seminario de la filología vasca «Julio de Urquijo». 1969. T. 3.

12. *González-Oleá F.* El romance nacarro // Revista de Filología Española. 1970—1972. T. 53. N 1—4.

13. *López García A.* Concordancias gramaticales entre el castellano y el euskera // Philologia Hispaniensia. T. 2. Lingüística (in onorem M. Alvar). Madrid, 1985.

14. *López García A.* El preterito perifrástico catalán y la teoría de las perífrasis románicas. Barcelona, 1979.

15. *Mac Mathúna L.* Expresión of «rain» and «it is raining» in Irish // Eriu. 1978. V. 29.

16. *Michelena L.* Notas sobre complementos verbales vascos // Revista de la Dialectología y Tradiciones Populares. 1977. T. 33.

17. *Polác V.* La périphrase verbale des langues de l'Europe occidentale // Lingua. 1949. T. 2.

18. *Preusler W.* Keltischer Einfluss im Englischen // IF. 1938. B. 58.

19. *Rohlf G.* La gascon // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1935. Beiheft 85.

20. *Ternes E.* Zur inneren Gliederung der keltischen Sprachen // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. 1978. B. 92. N 12.

21. *Tovar A.* Réflexions sur la diffusion de l'indo-européen en Europe Occidentale: quelques étymologies celtiques // Cahiers F. de Saussure. 1985. V. 39.

22. *Wagner H.* The typological background of the ergative construction. Dublin, 1978.

23. *Wagner H.* Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln. Tübingen, 1959.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

Т. А. Знаменская
Свердловский
пединститут

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО НАКЛОНЕНИЯ

Одним из наиболее спорных и уязвимых разделов современной английской грамматики является наклонение. Само наличие

этой категории сомнений не вызывает, однако попытки представить исчерпывающую и непротиворечивую систему глагольных форм наклонения наталкиваются на множество трудностей. В общем виде их можно свести к омонимии, многозначности, синтаксической вариативности форм и выражаемых ими значений. Особую сложность этой проблеме придает то, что само понятие модальности — ведущего категориального значения, обслуживаемого формами наклонения глагола, — многогранно и неоднозначно в своих проявлениях. Существующие в лингвистической литературе определения носят довольно общий, неконкретный характер и по сути своей сводятся к следующему: модальность есть отношение события к действительности в представлении говорящего. Эти три элемента (событие — реальность — представления говорящего) могут вступать в такое множество отношений, что зафиксировать и систематизировать все оттенки возникающих значений — задача трудновыполнимая. Неудивительно поэтому, что, как отмечает Н. А. Слюсарева, «в современных английских грамматиках раздел «Наклонение» фактически отсутствует... а если и включен, то представлен... очень скудно» [2, с. 69].

Специфика этой категории заключается в сочетании указанных выше трех элементов, которые подразумевают не только парадигматические отношения в языковой системе, но и включают в них синтагматику. Отношение говорящего к описываемому им событию всегда выражается в условиях определенного речевого контекста. Именно в синтагматических условиях употребления этих глагольных форм в них происходят семантические и функциональные изменения, ведущие к явлениям многозначности, синонимии и омонимии [1, с. 42]. Целью настоящей статьи является попытка показать зависимость смещений в системе оппозиций, на которых строится парадигма наклонений, от синтагматических условий их функционирования в речи.

Традиционная парадигма наклонений представлена триадой «индикатив — императив — сослагательное наклонение». Каждый член этой оппозиции противостоит двум другим ее членам по какому-либо из признаков, свойственных ему и несвойственных двум другим членам или наоборот. Так, индикатив противостоит императиву и сослагательному наклонению по признаку реальность / нереальность. Императив входит в оппозицию с индикативом и сослагательным наклонением по признаку выраженное / невыраженное побуждение и, наконец, сослагательное наклонение противопоставляется двум другим наклонениям по признаку выраженной / невыраженной гипотетичности.

Парадигма форм индикатива достаточно проста и представлена тремя временными формами знаменательного глагола, обозначающими реальное действие. Однако и эти формы могут приобрести иное значение в речевых условиях, например в предложениях типа *That this was love* (H. van Slyke); *If only Fran*

will help (M. Spark); My darling! If it is only true! (F. Caldwell). Глагол to be выступает в трех формах изъявительного наклонения — настоящее, прошедшее, будущее — однако во всех случаях действие мыслится говорящим не как реальный факт, а имеет значение гипотетичности. Таким образом, происходит нейтрализация оппозиции сослагательного наклонения и индикатива по значению реальности / нереальности.

Основное категориальное значение императива — это сема побуждения к действию. Однако в приводимых ниже примерах эта сема тоже фактически нейтрализуется: You make a sound and I'll kill you (J. A. Michener); Come to think of it there was something about the old fellow (M. Innes); Let it fall and I'll murder you (O. Jespersen). Такое употребление формы императива настолько широко распространено, что ряд ученых называют ее псевдоимперативом [4, с. 385; 5, с. 475]. Основным значением этой формы становится сема запрета, часто в сочетании с угрозой, а все предложение на глубинном уровне соответствует условному предложению If you do it I'll kill you; When you come to think of it there was something.

Парадигма форм сослагательного наклонения имеет сложную систему вследствие их омонимии видо-временным формам индикатива, тем более, что каждая из этих форм имеет свою область употребления и в разных моделях может иметь разные модальные и временные значения. Основные значения, по которым противопоставляются глагольные формы внутри сослагательного наклонения, — нереальность и гипотетичность возможности. Таким образом, значение сослагательного наклонения тесно связано с такими видами модальных значений, как возможность и невозможность во всем разнообразии их проявлений: сомнение, желательность, предположительность, нереальность и т. д.

Изменение значений форм сослагательного наклонения в синтагматике идет по двум направлениям. Во-первых, происходит смещение основного значения, его нейтрализация, как в следующих примерах: That this should happen to her (A. Christie); But how odd that she should have left so suddenly (S. Howatch), где фактически описано действие, имевшее место, т. е. вполне реальное. Кроме того, смысловая структура предложения осложняется семой оценки говорящим события как невероятного или нежелательного. Во-вторых, может происходить сложение смыслов: на основное значение нереальности накладывается дополнительное субъективно-оценочное значение: If anyone should hear you! If only she would go away (D. Eden); If only Julius and Morgan had met years ago (I. Murdoch).

В каждом случае актуализация или наложение нового значения подтверждается дистрибуцией этих предложений и такими лингвистическими процедурами, как трансформация, субституция, перифраз и другими.

Проведенное исследование показывает, что в условиях речевого контекста происходит изменение значений многих форм: одинаковые глагольные формы могут иметь разные значения, а разные глагольные формы становятся синонимичными. Так, в результате нейтрализации временных форм по значениям прошедшее — настоящее — будущее синонимичными по употреблению в речи будут предложения *If only he wanted to go abroad* (I. Murdoch); *If it is only true* (T. Caldwell); *If only Fran will help* (M. Spark). Эти предложения характеризуются временной семой настоящее-будущее, что можно объяснить тем, что основное модальное значение, которое они выражают, — желание — устремлено, как правило, в будущее.

Подчинение других значений основному значению волеизъявления с оттенком выражения желания происходит во всех приведенных ниже предложениях, хотя формы наклонений, употребленные в них, различны: *If it were only true* (M. Spark); *If it is only true* (T. Caldwell); *That he should love her? That this was love!* (Short Story ...); *Let her lie to me!* (A. Christie). Примеры демонстрируют тот факт, что актуализация каких-то новых сем происходит в условиях нейтрализации оппозиций, а эти условия, как указывает Е. И. Шендельс, создаются речевой ситуацией, в которой формы могут принимать новое значение благодаря нейтрализации различных смысловых признаков [3, с. 28].

Изменение значений рассмотренных глагольных форм и достаточно регулярное употребление их в ином значении привело к тому, что многие ученые пытаются решить эту проблему путем расширения парадигмы наклонения. Так, Н. А. Слюсарева предлагает ввести «наклонение будущности» вместо существующего традиционно будущего времени для сочетаний *shall/will, should/would* + знаменательный глагол, мотивируя это универсальностью мыслительной категории модальности, которая, как правило, сопровождает значения этих глаголов [2, с. 75].

Нейтрализация значений форм наклонений и их грамматическая синонимия в предложениях, выражающих желание (где в равной мере могут употребляться формы индикатива, императива и сослагательного наклонения), — явление, характерное для ряда языков, в том числе русского, немецкого, английского. В результате многие ученые выделяют особое «желательное наклонение» (А. А. Шахматов, Н. Ю. Шведова, В. Я. Плоткин, Т. Б. Алисова, Р. Мразек и др.). Действительно, из наших примеров видно, что при всем разнообразии форм наклонений и временных глагольных форм значение желательности является общим для предложений, оформленных столь разнообразно. Ученые, выражающие эту точку зрения, относят к средствам грамматикализации синтаксического желательного наклонения употребление форм морфологического наклонения с инвариантным значением желательности или более широкого волеизъяв-

ления и его разнообразными оттенками, актуализирующимися в особых речевых условиях при участии специализированных частиц. Анализ материала подтверждает, что средства субъективного выражения отношения говорящего к сообщению могут быть формализованы и могут относиться к тому же уровню, что и другие синтаксические средства, т. е. к уровню предложения. Однако тот факт, что выявление омонимии этих форм и соответствующих форм наклонения возможно лишь в условиях речевого контекста, а также неопределенность границ глагольных форм, относимых к желательному наклонению (куда входят почти все глагольные формы английского языка), и сохранение некоторыми из этих форм лексических и модальных значений (*will, should*), т. е. их недостаточная формализация, оставляет вопрос об особом наклонении открытым. Проблема многозначности и омонимии форм *shall, will, should, would*, а также употребление *shall, will* в особом императивном значении препятствует однозначному решению вопроса о «наклонении будущности». Анализ материала и различных точек зрения по данной проблеме подтверждает тот факт, что современное языкознание должно отказаться от взгляда на грамматическую систему языка как жесткую застывшую структуру, состоящую из конечного числа неизменяемых категорий. Несомненно, что рассмотренные примеры свидетельствуют о подвижности и открытости языковой системы и диалектическом характере взаимоотношений языка и речи, при котором речь является источником обогащения языковой структуры, в том числе такой важной ее ячейки, как парадигма наклонений. Все это приводит к выводу о том, что глагольная система находится в процессе формирования и закрепления новых средств выражения модальности в современном английском языке.

-
1. Москальская О. И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1973. № 6.
  2. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
  3. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1960.
  4. Green G. M. Main Clause Phenomena in Subordinate Clauses // Language. Baltimore. 1957. Vol. 33. N 3. P. 1.
  5. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part. IV. Syntax. L., 1954.

В. Г. Бойко

Московский
кооперативный
институт

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЕРФЕКТА АНГЛИЙСКОГО И ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

Англо-исландские параллели уже были предметом изучения в рамках системы прошедших времен германских языков, в состав которой входит и форма перфекта [8]. Однако в том ракурсе, в котором анализируется перфект в предлагаемой статье, он еще не рассматривался ни в английском*, ни в исландском, тем более в сопоставительном плане.

Прежде всего остановимся на проблематике и посмотрим, как объясняется перфект указанных языков в лингвистической литературе. Начнем с английского, так как в нем эта грамматическая форма разработана довольно подробно. Теоретических исследований английского перфекта так много, что, очевидно, нет смысла их перечислять, поэтому возьмем их обобщенно, выделив лишь те подходы, которые, на наш взгляд, позволяют более точно раскрыть его парадигматический статус. Одни грамматисты видят в перфекте английского языка только категорию времени, другие — только категорию вида (независимо от того, какое содержание они вкладывают в это понятие), третьи же обнаруживают в нем, кроме темпоральных, различные аспектуальные показатели. Но есть еще один подход, отличный от первых двух и построенный на принципе временной отнесенности, о нем речь пойдет ниже. В данной работе не будем касаться частных видовых характеристик перфекта, а сосредоточим внимание лишь на его темпоральной природе. Тут отмечаются два разных толкования: 1) одни ученые считают перфект формой относительного времени [19, 20]; 2) другие видят в нем не только относительное, но и абсолютное временное значение, т. е. признают в нем сосуществование этих двух временных характеристик, что соответственно требует четкого их разделения на два уровня: парадигматический и синтагматический [7, 10].

Начало разработке принципиально нового взгляда на перфект, объясняющего эту грамматическую форму с позиций, отличных от традиционных (а именно, как форму временной отнесенности), было положено в отечественной лингвистике А. И. Смирницким [13]. Впоследствии его концепция поддерживалась Б. И. Ильишом [6], а также Л. С. Бархударовым [1] и другими, в том числе и автором этих строк, принявшим ее,

---

* Исключение составляет английский перфект, который уже исследовался автором [см.: 3], однако представленная точка зрения была лишь предварительной, без разграничения парадигматического и синтагматического рядов этой формы.

однако, не полностью, а лишь как основу для иного объяснения этой формы. В данной концепции роль момента речи (МР) в определении парадигматической структуры перфекта во внимание не принимается, т. е. категория временной отнесенности устанавливается вне зависимости от абсолютного или относительного временного характера действия. Нам представляется, что при анализе парадигматического статуса перфекта следует исходить из тесной взаимосвязи понятия временной отнесенности с понятием МР, так как последний является тем объективным критерием, с помощью которого определяется абсолютный или относительный характер любого глагольного акта.

Что касается исландского перфекта, то он обнаруживает меньшее разнообразие подходов. Возможно, это в какой-то степени объясняется тем, что в исландском наряду с перфектом существуют конструкции, которые относятся к так называемым устойчивым словосочетаниям с грамматической направленностью [9], как бы берущим на себя выражение части его значений, тем самым сужая его категориальный потенциал.

Объяснение временных форм, в том числе и перфекта, в исландском языке находится под влиянием английской грамматической традиции и нередко дается в терминах английской грамматики. Так, П. И. Т. Гленденинг называет исландский перфект *Present Perfect Tense* (настоящим совершенным временем) [20], той же терминологии, только на исландском языке, придерживается и С. Ейнарсон [21], а С. Сабинин вполне определенно относит исландский перфект к темпоральной категории, называя его прошедшим временем [12]. Основным парадигматическим наполнителем перфектной формы считает временной фактор и В. Л. Якуб: «...перфект в структуре языка представляет одну из форм грамматического времени» [18, с. 14], хотя и не отрицает наличия в нем аспектуальных значений, проявляющихся на синтагматическом уровне.

Приступая непосредственно к анализу английского и исландского перфекта, еще раз подчеркнем, что основное внимание будет сосредоточено на выявлении его постоянных грамматических признаков, которые формируют парадигму; те же дифференциально-семантические признаки, которые являются переменными, так как возникают в нем под воздействием контекста, останутся за пределами данной работы.

Итак, что же следует признать основополагающим признаком перфекта? Представляется, что его надо искать в самой идее предшествования, присущей перфекту как форме грамматической связи двух разных временных планов: прошлого и настоящего. При этом мы исходим из того, что предшествование в перфекте понимается как отношение действия в прошлом к МР, и поэтому считаем целесообразным заменить его термином «разновременность» (РВ), которая совместно с семой соотнесенности более точно передает идею связи действия с ситуа-

цией в настоящем, идею, присутствующую в перфектной форме как таковой: You don't think we *have lost* our way, do you? asked my companion (J. Galsworthy).— «*Не думаете ли вы, что мы потеряли дорогу?*» — спросил мой компаньон; Eg hef heyrt sagt að þú segir aldrei ja nei, hlíðabóndi, sagði systlumaður (H. K. Laxness).— «*Мне довелось слышать, что ты никогда не говоришь ни да, ни нет, старина*», — сказал судья.

Далее, признавая, вслед за А. И. Смирницким и другими авторами, точку зрения на перфект как на форму выражения временной отнесенности, можно заключить, что эта сема проявляется в наборе семантических признаков перфекта не относительно ко времени, а относительно МР, этой основной, конкретной временной точки, выступающей нулевой координатой на оси времени. В этой концепции следует придать МР первостепенное значение, принимая во внимание, что глагольное действие по своему темпоральному назначению проецируется именно на эту фактически данную точку отсчета; от того, каков характер этой проекции, зависит и темпоральная природа действия: оно может быть абсолютным, если его связь с МР осуществляется напрямую, и относительным, если эта связь опосредствована, т. е. сдвинута, что имеет место, например, при транспозиции, когда временной план сдвинут в настоящее.

Как показывает материал исследования, основным парадигматическим наполнителем перфекта в обоих языках является значение абсолютного прошедшего времени, которое мы называем абсолютной разновременностью (АРВ), учитывая обязательное присутствие в перфектной парадигме семы (РВ) как инварианта этой формы. Интересно, что Е. И. Шендельс, считая, что перфект может выражать как абсолютное, так и относительное временное значение [15, 16], не ставит его относительный характер в зависимость от синтаксического принципа, т. е. не утверждает, в отличие от некоторых авторов, что относительное временное значение проявляется в перфекте лишь тогда, когда он выступает в зависимой синтаксической позиции, иначе говоря, в придаточном предложении. Не менее интересно высказывание Л. Размусена на этот счет. Он уточняет (и это представляется очень важным), что относительное значение перфекта раскрывается через его постоянную связь с МР [11]. Примерно ту же мысль подчеркивает и А. С. Шехтман: «...указание на связь действия с определенной ситуацией является одним из важнейших признаков перфекта как относительного времени» [17, с. 30].

Таким образом, относительное значение в перфекте следует связывать не с его синтаксической ориентацией на другое дей-

---

* Межзубные звуки исландского языка обозначены латинскими буквами *r* и *ð*, сходными по начертанию с буквами исландского алфавита.

ствие в рамках данного высказывания, а с его соотносительностью с МР. Но соотносясь с МР по темпоральному признаку, перфектное действие одновременно связано с ним и по аспектуальной линии. Весь парадокс заключается в том, что результативность перфектного действия также устанавливается через его соотносительность с МР (здесь отмечается то, что принято называть контактностью), и это дает основание видеть в перфекте еще одну сему, имеющую относительный характер: мы условно называем ее относительным результативным значением (ОРЗ) (более подробно об этом см.: [3, 4]). Но нет ли в этом противоречия? Ведь получается, что соотношение перфектного действия с МР, с одной стороны, дает абсолютное, а с другой — относительное значение. Очевидно, нет. При внимательном рассмотрении мы убеждаемся в том, что указанные семы разнятся по своему содержанию: в первом случае — это абсолютное временное, во втором — относительное видовое значение. Эта кажущаяся антиномия разрешается довольно легко: соотношение перфектного действия с МР по темпоральной линии способствует передаче его парадигматического потенциала, соотношение же с МР по аспектуальной линии порождает в нем хотя и важную, но все же сопутствующую сему, тяготеющую к другому — синтагматическому уровню.

Какие бы семантические признаки ни отмечались в перфекте в каждом конкретном случае его употребления, нельзя не признать, что предшествование (т. е. РВ) и соотносительность с МР сохраняются в нем постоянно [5]. Если же учесть, что перфект всегда выражает действие в прошлом, то его парадигматическую структуру можно представить себе в виде единого блока, который состоит из трех ячеек, заполняемых постоянными грамматическими признаками — семами прошедшего времени, соотносительности с МР и РВ, причем последняя является инвариантной и в сочетании с семой «соотносительность с МР» дает усложненную сему АРВ.

Установив, таким образом, типологически тождественную парадигматическую структуру перфекта в английском и исландском языках, мы не можем не заметить, что эта семантическая матрица не может быть механически перенесена с одного языка на другой. Это особенно заметно при сопоставлении переводов. Несовпадения, которые при этом допустимы, объясняются тем, что английский перфект более контактен, а исландский — более дистантен. С семантической точки зрения суть этого различия сводится к преобладанию в исландском перфекте семы «прошедшее время». Это бывает особенно заметно, когда перфект употребляется в ненаправленном коммуникативном регистре, т. е. в повествовании о событиях прошлого: *Hann hitti smálapilt og spurdi um mannaferdir sunnan Kaldadal en piltúngur kvad enn ekki hafa verid ridid sunnan í dag* (Н. К. Laxness). — *Он встретил подпаса и спросил его о людях, проезжающих с юга, из Кал-*

дадала, но мальчик ответил, что сегодня никто не проезжал с юга.

В таких случаях главное, на наш взгляд, заключается в том, что темпоральная природа перфекта выявляется не через установление связи с временным центром прошедшего (действие в претерите), а через МР. На это обращает внимание и В. П. Берков, считая существенным «именно то, что действие, обозначаемое глаголом придаточного предложения, произошло до момента высказывания всего предложения, а не до действия, обозначаемого глаголом главного предложения» [2, с. 45]. Связь с настоящим (ОРЗ) в таких случаях может сохраняться, правда, в несколько ослабленном виде. В диахронии встречались случаи, когда перфект замыкался одним лишь претеритальным планом, т. е. выступал «в том же значении, что и плюсквамперфект» [14, с. 117]. Точности ради следует отметить, что примеры использования перфекта на претеритальном фоне можно обнаружить и в английском, преимущественно в дополнительных предложениях: «Yes, Jolyon», she said, «We were just saying that you haven't been here for a long time» (J. Galsworthy). — «Да, Джолион», — сказала она. «Мы только что говорили о том, что вы здесь не были долгое время».

Но это тема отдельного исследования, поэтому здесь мы ее касаться не будем.

-
1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.
  2. Берков В. П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология. Л., 1978. Вып. 399.
  3. Бойко В. Г. Об абсолютном и относительном значении формы перфекта настоящего времени в современном английском, немецком и шведском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
  4. Бойко В. Г. Аспектуальный статус скандинавского перфекта: датско-исландско-норвежско-шведские параллели // Скандинавский сборник. Таллинн, 1986. № 30.
  5. Докучаева И. В. К проблеме исследования внутренней семантической структуры глагольных форм // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1978. Вып. 132.
  6. Ильиш Б. И. Современный английский язык. М., 1948.
  7. Иртеньева Н. Ф. Грамматика современного английского языка. М., 1956.
  8. Казанцева Ю. М. Малая система прошедших времен в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
  9. Москальская О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью // Вопр. языкозн. 1961. № 5.
  10. Натанзон Е. А. Категория английского глагола: Учебн. пособие / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1976.
  11. Размусен Л. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. СПб., 1891.
  12. Сабинин С. Грамматика исландского языка. СПб., 1849.
  13. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
  14. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955.

15. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М., 1954.
16. Шендельс Е. И. О сопоставительно-типологическом анализе в морфологии // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
17. Шехтман А. С. Грамматические функции перфекта и стилистические особенности его употребления в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1953.
18. Якуб В. Л. Вид и время в современном исландском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
19. Ganshina M. A., Vasilevskaya N. M. English Grammar. M., 1964.
20. Glendening P. J. T. Icelandic. London, 1961.
21. Einarsson S. Icelandic Grammar. Baltimore, 1949.
22. Markwardt A. H. Introduction to the English Language. Toronto; N. Y., 1942.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

Н. А. Лихтарникова
Новгородский
пединститут

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЧАСТИ РЕЧИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (на материале французского прилагательного)

Для уяснения специфики лингвистического элемента необходимо установить содержание этого элемента, а также тех формальных признаков, в которых это содержание проявляется. Требование разграничения «плана содержания» и «плана выражения» получило распространение вследствие различия двух сторон языкового знака — означающее и означаемое и связано с признанием положения Ф. де Соссюра о двух основных типах отношений в языке — синтагматических и парадигматических. Выявление содержания и его формальных признаков соотносится с двумя видами противопоставлений: а) контрастами; б) оппозициями, устанавливаемыми в парадигматическом и синтагматическом планах структуры языка. Так, синтагматические отношения, т. е. отношения в «речевом потоке, где реально присутствуют оба члена» [4, с. 41], позволяют выявить формальные признаки или свойства лингвистического элемента, сигнализирующие о специфике его содержания как элемента структуры.

Исследование парадигматических отношений лингвистического элемента, т. е. отношений «в системе, члены которой мыслятся как присутствующие не в одном и том же речевом отрезке, а в лучшем случае в двух параллельных гипотетических отрезках» [там же, с. 40—41], позволяет установить дифференциальные парадигматические признаки этого элемента. Исследование лингвистического элемента в парадигматическом плане предполагает, таким образом, установление семантических оппозиций, без чего не может быть определена семантическая

природа этого элемента. Преимущество такого подхода состоит в том, что лингвистический элемент не рассматривается как образующий замкнутую функциональную систему. Изучение содержания элемента в системе оппозиций, допустимых в данном языке, позволяет устанавливать признаки, одни из которых отличают члены оппозиций друг от друга, а другие, наоборот, сближают их, ограничивая от ряда других элементов. Система оппозиций дает, таким образом, возможность изучать факты не только противопоставления, но и факты соответствия, т. е. такие отношения, члены которых обладают тождественными признаками и именуются эквивалентностными, или отношениями функционального тождества. Такой подход к изучению элемента помогает установить явление нейтрализации оппозиции, т. е. глубже осознать сущность содержания исследуемого элемента. Вместе с тем анализ в этом плане позволяет определить тождественные по своему содержанию члены оппозиций и установить те разнородные элементы структуры, с которыми данный элемент функционально соприкасается в структуре языка. Лингвистические факты, явления, элементы исследуются, таким образом, не как изолированные, а с учетом диалектики их отношений, их взаимосвязанности и в структуре языка. Признание положения о диалектическом единстве формы и содержания влечет за собой необходимость учитывать в равной мере функционирование элемента как в синтагматическом, так и в парадигматическом плане языковой структуры.

Непосредственным объектом анализа в данной статье является прилагательное — «одна из наименее изученных и сложных для исследования частей речи» [2, с. 3]. Отличительной особенностью прилагательных, выражающих своими значениями свойства предметов, оценки их качеств, является широкий смысловой объем сочетаний с предметными именами разной степени абстракции и едва заметные границы их лексико-семантического и семантико-стилистического варьирования [6, с. 196].

Часть речи понимается нами как морфологически оформленная, лингвистически определяемая единица, являющаяся одновременно исходной единицей синтаксического анализа [3]. Признаки прилагательного как синтагматического элемента языковой структуры представляют собой те формальные признаки, в которых в первую очередь проявляется своеобразие категориальных, структурных свойств этой части речи.

К синтагматическим признакам лингвистических элементов обычно относят: а) сочетаемость, т. е. свойство элементов объединяться друг с другом, вступая при этом в определенные отношения (дистрибутивный признак); б) место, т. е. порядок следования; в) позицию в структуре языка. О существенной роли этих признаков Ф. де Соссюр пишет: «Не все синтагматические явления попадают в синтаксис, но все явления синтаксиса относятся к синтагматике» [11, с. 127].

Дистрибутивным признаком прилагательного как части речи является свойство всех слов данного класса выступать в качестве элемента именной синтагмы «артиклъ + существительное». В отличие от существительного прилагательное — факультативный элемент этой синтагмы [9, с. 13]. Сочетаемость с существительным, свойственная всем прилагательным во французском языке, характеризует эту часть речи как ее постоянный синтагматический признак в отличие от сочетаемости с глаголом или наречиями степени и интенсивности, которая распространяется на различные по своему объему группы внутри этого класса слов. Прилагательное в этой позиции обладает свойством перемещаться в синтагме «артиклъ + существительное». В отличие от других частей речи, которые могут входить в структуру синтагмы «артиклъ + существительное» в качестве ее элементов, прилагательное может занимать место до и после существительного как член этой синтагмы [10]: le NA → le AN, но le NV → *le VN; le NAdv (un homme bien) → *le AdvN. Эта позиция прилагательного в синтагме «артиклъ + существительное» представляет собой формальное обобщенное выражение содержания этой части речи, ее дифференциальный синтагматический признак, обусловленный тем типом синтаксической связи, на основе которой прилагательное вводится в структуру языка как ее элемент. Эта структура отражает функцию слов этого класса — обозначать признак предмета и выступать в качестве определения в предложении.

С синтагматическими признаками связываются и лексические особенности прилагательного, изучаемого с точки зрения семиологического принципа и относимого к характеризующим признаковым именам. Так, А. А. Уфимцева отмечает, что особенностью имен прилагательных является то, что это срединные не только по форме, но и по своему языковому статусу единицы: слово — словосочетание — предложение. Спецификой семантики прилагательного является то, что каждый его лексико-семантический вариант вычленяется в большей степени синтагмой, в меньшей мере — парадигмой [6, с. 196]. Семантическая структура имени прилагательного организована иерархически: лексико-семантические варианты манифестируются, как правило, семантически расчлененными знаками — лексическими двучленными синтагмами.

Вещественное содержание имен прилагательных складывается не только из денотативных и сигнификативных семантических признаков, как это имеет место у глаголов и существительных; прилагательные по необходимости включают и оценочный признак, который называется по-разному: оценочный, субъективный, эмпирический, эмотивный и т. п. Таким образом, прилагательные представляют собой своеобразные по характеру знакового значения, а соответственно и по своим функциям номинативно-предикативные знаки, занимая срединную

позицию между именами существительными и глаголами.

Анализ этой лингвистической единицы в парадигматическом плане неотделим от системы оппозиций, устанавливаемой на основе противопоставления прилагательного другим частям речи в рамках предложения — коммуникативной единицы, в структуре которой проявляются все свойства, присущие этой части речи как лингвистическому элементу, т. е. не только как одному из системных виртуальных средств языка, но и с точки зрения речевых актуальных употреблений слов и словосочетаний.

Установление признаков этого типа осуществляется путем: а) изучения и сопоставления преобразований, допускаемых прилагательным как членом оппозиций в структуре предложения; б) учета характера отношений между элементами предложения. Отправным моментом для установления оппозиций служит преобразование словосочетания в предложение. На взаимобратимость словосочетания этого типа и предложения указывают многие языковеды вне зависимости от методологических основ их синтаксических концепций. Так, на первых этапах развития трансформационной теории возник вопрос о соотношении определительной и предикативной структуры как ее глубинного аналога и была предложена трансформация адъективации, предполагавшая возможность порождения атрибутивных структур из глубинных предикативных. Объяснения такой возможности восходили к теории, предложенной еще грамматикой Пор-Рояля. В дальнейшем оказалось, что далеко не всем атрибутивным структурам соответствуют реальные предикативные и что атрибутивные группы представляют гораздо более сложные и разнотипные по семантике образования.

Роль прилагательных как предикатных слов и возникающие в связи с этим вопросы соотношения поверхностных структур с прилагательным и глубинных структур, где аналог прилагательного не всегда ясен, рассматривается при изучении высказывания в рамках порождающей грамматики [7]. Некоторые лингвисты отрицают в глубинных структурах определительные связи [5]. В рамках теории референции различие атрибутивных и предикативных групп трактуется как возможность прилагательного определять референт, а не его систему референции, его свойства [8]. Е. М. Вольф справедливо отмечает, что при этом несоответствие атрибутивных и предикативных групп в каждом частном случае нельзя объяснить только логико-семантическими факторами. Их соотношение во многом определяется построением системы языка, т. е. языковой обусловленностью, где имеет значение семантика конкретных лексем, положение в ряду синонимичных лексем и т. п. [2]. Акад. В. В. Виноградов объясняет это явление тесным взаимодействием атрибутивных и предикативных связей, а Ш. Балли объединяет эти связи в единую психологическую категорию присущности, после-

довательно раскрывая механизм взаимообращения синтагм и предложения.

Так, в словосочетаниях *la rose rouge* и *la chaleur solaire* прилагательные выступают как лингвистические элементы, объединяемые общностью их синтаксической позиции и функции. Но структура словосочетания *la rose rouge* допускает: а) предикативную трансформацию с глаголом *être* (*la rose rouge* → *la rose est rouge*, *la chaleur solaire* → *la chaleur vient (est celle) du soleil* → *le soleil produit (a) de la chaleur*); б) субституцию прилагательного в этой позиции местоимениями *le, la, les* (*Elle est ridicule. — Elle, oui. Mais toi, tu ne le serais pas*), что сближает *rouge* в этой позиции с именем существительным (*Pierre est le professeur de cinquième — Pierre l'est*), но отличает от функции существительного в структуре предложения (*Pierre voit le professeur de cinquième*), где возможна субституция (*Pierre le voit*), но невозможна замена существительного прилагательным в этой позиции (**Pierre voit grand*), так как существительное ограничивает семантику глагола *voir*, дополняя его значение и дифференцируя тем самым *être* и *voir* по признаку переходность/непереходность. Прилагательное *rouge* в позиции после *être* допускает: а) обособление и перемещение с опущением и без опущения глагола *être* (*rouge; cette rose; rouge, elle l'était*); б) сочетаемость с наречиями степени и интенсификации (*La rose est très rouge*).

Таким образом, элементы *rouge, solaire, professeur* вступают друг с другом либо в противопоставительные, либо в эквивалентностные отношения. Анализ их признаков как элементов структуры в парадигме предложений позволяет установить признаки не только дифференцирующие их как членов оппозиций, но и объединяющие их, раскрывая при этом содержание прилагательного как совокупность семантико-синтаксических признаков. Трансформации разобщения и перемещения противопоставляют *rouge, professeur, solaire* как членов оппозиции по признакам «характеризация», «идентификация», «квалификативность», «лимитативность». Способность прилагательного в позиции после глагола сочетаться с наречиями степени и интенсификации показывает, что ему присуще свойство быть средством качественной характеристики предмета, т. е. быть, по выражению Ш. Балли, «прилагательным в собственном значении этого слова» [1, с. 110].

Проведенный анализ прилагательного в системе синтаксических оппозиций, устанавливаемых в парадигматическом плане языковой структуры, позволил выделить в качестве парадигматического признака прилагательного как части речи структуру *det. N est très A*, отражающую свойство слов данного класса указывать на качественную характеристику определяемого существительного.

Синтаксическая позиция предикатива — одна из двух основных позиций прилагательного, в которой прилагательное высту-

пает как самостоятельный синтаксический и коммуникативный элемент, т. е. служит коммуникативным центром сообщения, что отражается в его разнообразных связях с контекстом. Но если атрибутивная позиция характеризует все слова данного класса, то в предикативе при связочном глаголе могут употребляться далеко не все прилагательные и не всякая атрибутивная группа может быть возведена к таким предикативным структурам. Это может зависеть: а) от семантики определяемого существительного, в сочетании с которым прилагательное может образовать термин (*le système nerveux*) или выступать в роли усилителя (*un vrai ami*), т. е. зависеть от семантики конкретной лексемы, определяемой лексической системой данного языка; б) от обозначения субъекта сообщения, т. е. степени его идентификации в тексте. Такая зависимость соотношения атрибутивных и предикативных структур от семантики определяемого существительного объясняется тем, что объективное и даже субъективное значение прилагательного есть всегда, на любом уровне представлений знания о мире — «признак чего-либо, кого-либо». Обозначаемый прилагательным виртуальный, как правило, чрезвычайно обобщенный признак актуализируется, конкретизируется, семантически расчленяется лишь путем сочетаемости его с семантически или узуально совместимыми предметными именами. Лексические сочетания прилагательных с предметными именами можно, по мнению А. А. Уфимцевой, называть полуавтоматизированными синтагмами, в которых оба члена выступают по отношению друг к другу одновременно в двух функциях — разграничения и отождествления, взаимно характеризуя и семантически расчленяя друг друга [см.: 6].

Изучение прилагательного в обоих планах языковой структуры сводится к выделению дифференциальных признаков этой части речи как лингвистического элемента. Дифференциальный синтагматический признак отражает и синтаксическую позицию прилагательного, а парадигматический признак имеет синтактико-семантическую природу и вскрывает специфику семантики прилагательного как элемента целого. Дифференциальные признаки прилагательного служат единым и объективным критерием этой части речи как лингвистического элемента и могут быть положены в основу дифференциации структур, включающих прилагательное, т. е. служить функциональным критерием их различения.

---

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

2. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.

3. Илья Л. И. Проблема частей речи во французской лингвистике // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966.

4. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
5. Падучева Е. В. Семантика синтаксиса. М., 1974.
6. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики. М., 1986.
7. Фельдман Е. Д. К построению именной группы и ее имплицитного варианта // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12.
8. Bolinger D. W. Adjectives in English: attribution and predication // *Lingua*. 1967. V. 18. N 1.
9. Dubois J. Grammaire structurale. P., 1964. V. 1.
10. Hutchinson J. Le désordre des mots, place de l'adjectif // *Le Français dans le monde*. P., 1969. N 62.
11. Saussure F. Cours de linguistique générale. P., 1922.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

О. Л. Озолин
Латвийский
университет

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАДОВ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ АДЪЕКТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В старофранцузском языке основными вариативными средствами номинации вещественного признака служили вещественные прилагательные (ВП) и аналитические конструкции (АК). На историческом материале проблема синонимических средств передачи различных видов относительного признака не изучалась. В современной же теоретической литературе нет единства взглядов по вопросу их взаимодействия. По мнению одних лингвистов, коррелятивные пары представляют собой абсолютно тождественные единицы, тогда как другие считают, что полного тождества между ними нет и не может быть. Мы считаем, что в данном случае, как и в любом другом, когда речь идет о языковом явлении, подход должен быть конкретно-историческим. В силу этого вариативность, трактуемая обычно как множественность способов передачи одного и того же содержания, на разных этапах развития языка может обнаружить разное конкретное наполнение, а именно если в национальном языке мы имеем соотношение функционально обусловленных единиц, то для эпохи складывания национальных литературных норм характерной была множественность номинации, обусловленная отсутствием общепринятых способов обозначения одного и того же содержания.

Можно предположить, что указанные закономерности проявились также в сфере функционирования коррелятивных разноструктурных форм выражения вещественного признака. Познавание механизма их взаимодействия осуществляется в пределах разноструктурных парадигм номинации, которые они составляют на основе одного корня в общей системе имени прилагательного. Изучение системных связей, входящих в данные пара-

дигмы единиц, представлено в работе несколькими параллелями, наиболее адекватно отражающими эти связи в изучаемый период.

Анализ позволил выделить 85 параллелей, включающих разноструктурные однокоренные формы характеристики по материалу. По характеру семантических отношений между их компонентами указанные параллели могут быть подразделены на следующие типы: 1) равнозначные параллели с однокоренными словообразовательными вариантами (ОСВ); 2) параллели с однокоренными синонимами (ОС); 3) смешанные, включающие ОСВ и ОС; 4) разные. Рассмотрим 1, 2 и 4 типы, поскольку 3 тип включает два первых.

1. Параллели, состоящие из многозначных и однозначных коррелятивных единиц, характеризующихся тождеством семантических и синтагматических признаков (36 %).

XII в. *Esmeraudin* = *d'esmeraude* коррелируют по трем ЛСВ. Первый «сделано из» реализуется в сочетании с N_1 и N_2 : *li perrons fu d'une esmeraude* (Anth., 1, 112); *en sa chaire maraudin* (G, 3, 495). Семантическое тождество сопровождается функциональными и синтаксическими различиями: АК в отличие от ВП используется не только в атрибутивной, но и в предикативной функции; более свободно реализует свои позиционные возможности, с одинаковой легкостью употребляясь как в препозиции, так и в постпозиции; может уточняться конкретизатором, в частности неопределенным артиклем, который предстает здесь как средство выделения в имени признака, выражаемого определением. ВП лишено этих признаков, в силу чего семантическая субституция форм не всегда возможна. Второй ЛСВ «подобие, свойственность» идентифицируется в дистрибуции с N_3 : *la pierre d'esmeraude verte resplandissante* (M, 1759); *l'anel a pierre esmeraudine* (Tristan B, 2028). В этом случае как ВП, так и АК тесно примыкают к определяемому, образуя с ним терминологизированное словосочетание. Третьему ЛСВ «подобный по цвету» соответствует сочетаемость с N_3 и N_4 : *d'esmeragde a la culur* (Lap. M, 898); *un paile esmeraudin* (G, 3, 495). И в этом случае АК обладает большей мобильностью, чем ВП. По всем ЛСВ функционально нагруженной оказывалась АК. Обе структуры стилистически нейтральны, встречаются в поэзии.

XII в. *Ermin* = *d'hermine* идентифицируют свое значение «сделано из» в контексте с N_1 : *un grant covertor d'ermine* (Chr., 4250); *suz hermin cuvertur* (G, IV, 467). Единицы имеют одинаковые синтагматические характеристики: выполняют атрибутивную и предикативную функции, могут находиться в пре- и постпозиции к определяемому. Различия выражаются в количественных показателях указанных свойств, так как АК проявляют большую свободу и могут отделяться от существительного квалификаторами, глаголом-связкой и даже целым предложением. Кроме того, структурные особенности АК позволяют ей широко

использовать различные конкретизаторы к именному компоненту, чем обеспечивается дифференциация признака в дополнительном аспекте. Этого лишено ВП, ограниченное лишь одноаспектным выделением признака. Разноструктурные коррелятивы встречаются в одном произведении. Доминирующим способом выступает ВП, что, на наш взгляд, могло бы быть вызвано двумя факторами: 1) его преимущественным использованием в поэтическом стиле; 2) основная масса ВП относится к XII в.

В целом анализ равнозначных разнооформленных образований подводит к следующим выводам: 1) члены равнозначных параллелей образуют в основном двухчленные ряды (82 %); 2) в силу однозначности они коррелируют преимущественно по одному ЛСВ (97 %); 3) все единицы исследуемого типа характеризуются стилистической нейтральностью, тождеством парадигматических и синтагматических характеристик. Однако, как показывает анализ, свобода взаимозамены в большинстве случаев оказывается ограниченной. Абсолютно тождественные и недифференцированные единицы функционируют в один и тот же период, у одного и того же автора и даже в одном и том же произведении. Причины данного явления, по-нашему, следующие: 1) взаимозаменяемость корреляционных пар не всегда допустима в силу структурных особенностей АК, их способности к синтаксическому распространению или же обусловлена ритмической организацией стихотворной речи. Указанные факторы, по-видимому, играли немаловажную роль в поддержании параллельного функционирования равнозначных единиц, ибо позволяли варьировать средства выражения в строго обусловленном законами рифмы и ассонанса поэтическом языке; 2) недифференцированное функционирование разноструктурных лексем было вызвано структурно-системной организацией старофранцузского языка. Оно представляло его типологическую черту, так как было свойственно элементам всех его уровней. Таким образом, результаты анализа подтверждают предположение о том, что функционально-семантическая равнозначность элементов языка является системно-обусловленной типологической чертой любого языка в определенный период его развития, а именно в период формирования национального языка.

2. Параллели, имеющие в своем составе неполностью эквивалентные разноструктурные образования (33 %).

D'or стоит на первом месте по употребительности среди АК исследуемого периода (17 %). Такое пристрастие к определению «золотой» является следствием увлечения золотом в искусстве в этот период, когда красота нередко подменялась роскошью и богатством, а цвет и мерцание золота ценились превыше всего. Поэтому «золотой» часто употреблялось не только для того, чтобы обозначить материал, из которого сделан предмет, но также с целью оценить его, описать красочно и живописно, выразить к нему отношение автора. Вследствие этого номинатив-

ное значение ВП и АК обычно сопровождается гаммой семантико-стилистических оттенков «богатый, дорогой, красивый», которые включают элемент субъективной оценки. Следует, однако, отметить, что ни ВП, ни АК не теряют при этом связь с определенным физическим свойством предмета, благодаря чему выражаемый признак сохраняет свою конкретность. Это обуславливает сравнительно неширокий круг смысловых связей исследуемых единиц в XI—XIII вв. по сравнению с современным языком, где *d'or* все больше утрачивает свой предметный относительный характер, превращаясь в универсальное средство передачи всевозможных эмоционально-экспрессивных оттенков положительной или отрицательной оценки.

В изучаемый период *d'or* включается в пять синонимических рядов. При этом первый и второй ряды по ЛСВ «сделано из» и «содержащий» настолько близко соприкасаются друг с другом, что контекст не позволяет их идентифицировать. *Doré*, взаимодействуя в указанных значениях с вариантными формами, не подлежит в этом отношении исключению: *courone dorée* (Rose, 6537); *une courone d'or* (ibid., 20970); *en curune orine* (Psaumes, XLIV, 9, 79); *des esperons a or* (ibid., 1944); *estriers auriaux* (G, 1, 501). В синонимическом ряду «позолоченный» АК коррелирует также с *sororé* (XII), отглагольным образованием, восходящим к францисскому *sor* «jaune-brun»: *une aguille ... tote de coivre sororee* (Eneas, 6431—6432). Наиболее частотной в ряду явилась АК. ВП обнаружены преимущественно в поэтических произведениях, тогда как *d'or* характеризует оба стиля.

Третий ряд по ЛСВ «шитый золотом» включает *d'or* и *doré*. Значение реализуется в сочетании с существительными, обозначающими одежду и ткани: *dras dorés* (MSE, XI, 32); *estoffe d'or* (ibid., V, 18). Доминирует в ряду *d'or*.

По ЛСВ «цвета золота» *d'or* соотносится не только с этимологически родственными образованиями, но и с этимологически нетождественными ВП *sor*, *soret*: *l'autre (colour) aorine* (G, 1, 309); *d'or a culur* (Lap. M, 928); *de colour sor* (Arte, 227); *li autre sont soret* (ibid., 252). Наиболее продуктивно в выражении цветового признака *sor*, далее идут *d'or*, *orin*.

Пятый ряд по ЛСВ «ценный» объединяет *aureole* — *oreale* — *d'or*: *En son noble livre aureole Qui fet a lire en escole. Rose; C'est medecine cordiale Et tainture plus qu'aureale* (G, 1, 501); *La tierce partie dou Tresor est de fin or, ce est à dire qu'ele enseigne l'ome à parler selon la doctrine de rethorique* (J-S, 729). Использование ВП в первых двух примерах могло быть обусловлено метрическими требованиями, тогда как последний пример отражает тенденцию общеразговорного языка. В этом значении следует говорить о большей степени отвлеченности выражаемого признака, чем при обозначении цветовых качеств. В первом случае речь идет об определении предмета через ука-

знание на физические свойства соотносимого с ним предмета (на его цвет). Эта связь обеспечивает определенную конкретность выражаемого признака, который сопровождается при этом только общей положительной оценкой. Во втором случае предмет характеризуется без какого-либо указания на его физические свойства. Связь с предметным, вещественным значением утрачена. На выражаемое значение наслаиваются различные эмоционально-экспрессивные оттенки в зависимости от семантического разряда определяемого. Так, например, с N₆ проявляются оттенки значения «полезный, остроумный, познавательный», а в сочетании с N₃ (лекарства) — «целебный».

АК d'or в метафорическом значении образует устойчивые сочетания типа *les aages d'or*, где коррелирует с *doré*: *les dorez aages* (Rose, 20033). Кроме того, d'or может выражать объектные отношения: *des batteurs d'or* (Boil., 74). Таким образом, АК, будучи гораздо шире по семантике всех коррелирующих с ней ВП, как бы инклюзирует в себе их семантическое содержание, делая тем самым излишним их функционирование в языке. К тому же АК легко варьирует свои позиции и функции, а ее структурные особенности обеспечивают более детализированное обозначение признака.

3. Параллели, состоящие из семантически не соотносимых разнооформленных образований (25 %). В данном случае выбор между единицами решается однозначно ввиду того, что разные значения воплощены в разных формах. Семантическая дифференциация сопровождается, как правило, нетождеством дистрибутивных характеристик: *terre argilluse* (Rois, VII, 257) (глинистая почва) и *emplastre de ardille* (G, 3, 180) (глиняный).

Наблюдения позволили выяснить ряд преимуществ АК перед ВП: 1) АК присущ в основном относительный признак. В процессе языковой эволюции они в меньшей степени, чем ВП, обрастают различными эмоционально-стилистическими оттенками. В силу этого выражаемый ими признак более конкретен, а метафорические значения и ассоциации более яркие и свежие; 2) объем смысловых связей и сочетаемостных возможностей АК шире, чем у ВП; 3) АК более подвижны и гибки. Они свободнее, чем их однословные корреляты, варьируют свои синтаксические позиции и функции; 4) использование различных конкретизирующих определений к именному компоненту АК способствует более детализированному и точному выражению признака определяемого; 5) структурная стройность и стабильность АК в противовес фоно-морфологической разнооформленности и неустойчивости ВП обеспечивает реализацию парадигматической экономии в языке; 6) АК превосходили ВП своей употребительностью. Следует, однако, учитывать неоднородность употребления языковых моделей в сфере передачи относительных и качественных признаков. Для передачи признака «сделано из» наи-

более продуктивна АК. В исследуемый период функционировали также ряды, где приоритет в выражении значения однородности вещественного состава принадлежал ВП (*laurin, gris, cordoan, vaig, hermin, sabelin*). Но такие ряды значительно уступали в количественном отношении первым. В сфере передачи качественного признака, основанного на отношении к материалу, частотность употребления выше у ВП. Отмеченные свойства АК наряду с активно действующими в языке аналитическими тенденциями, безусловно, способствовали активизации процессов функциональной субституции в старофранцузском языке.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ЛСВ — лексико-семантический вариант.
N₁ — конкретные предметы личного, домашнего и общественного обихода.
N₂ — природные явления.
N₃ — вещества.
N₄ — различные ощущения, зрительные, звуковые и т. п.
N₆ — результаты духовной и творческой деятельности.
Arte — Traduction en vieux français du *De arte venandi cum avibus*: Edition critique du second livre d'après tous les manuscrits / Ed. G. Holmer. Stockholm, 1960.
Anth. — Anthologie poétique française: Moyen âge. Paris. 1967. T. 1—2.
Boil. — Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIII siècle et connus sous le nom du livre des métiers d'Étienne Boileau. Paris, 1837.
Chr. — G. Paris, E. Langlois. Chrestomathie du moyen âge. Paris, 1910.
Eneas — Eneas. Roman du XII siècle / Ed. J.-J. Salverda de Grave. Paris, 1925—1929. T. 1—2.
G — Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle. Paris, 1937—1938. T. 1—10.
J-S — Jeux et sapience du moyen âge / Ed. A. Pauphilet, s. a.
Lap. M. — Les lapidaires français du moyen âge des XII, XIII et XIV siècles / Ed. L. Pannier. Paris, 1882.
M — La chirurgie de Maître Henri de Mondeville / Traduction contemporaine de l'auteur publiée d'après le Ms unique de la bibliothèque nationale par le Dr. A. Bos. Paris, 1897—1898. T. 1—2.
MSE — Les Miracles de Saint Eloi: Poème du XIII siècle, publié pour la première fois d'après le manuscrit de la bibliothèque bodléienne d'Oxford et annoté par M. Peigne-Delacourt. Paris, s. a.
Psaumes — Le livre des Psaumes / Ancienne traduction française publiée pour la première fois d'après les manuscrits de Cambridge et de Paris par Francisque-Michel. Paris, 1886.
Rois — Les quatre livres des rois. Traduits en français du XII s., suivis d'un fragment de moralités sur Job et d'un choix de sermons de St Bernard / Publiés par M. Le Roux de Lincy. Paris, 1841.
Rose — Le Roman de la Rose / Par Guillaume de Lorris et Jean de Meun, publié d'après les manuscrits par E. Langlois. Paris, 1920—1924. T. 1—5.
Tristan B — Le Roman de Tristan par Bérout et anonyme poème du XII siècle / Publié par E. Muret. Paris, 1903.

Л. С. Донгаузер
Свердловский
пединститут

**ТЕМПОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНТАГМ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
ИССЛЕДУЕМОГО НА ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ
УРОВНЕ**
(на материале немецкого языка)

Синтагматика и парадигматика — две формы функционирования единиц языка на всех его уровнях. Исследованию проблем, связанных с данными типами общих отношений между элементами языка, восходящих к известным идеям Ф. де Соссюра, отводится в современной лингвистике значительное место. Парадигма сложноподчиненного предложения схем ГП и ПГ (где Г — главная часть, П — придаточная часть) представлена в настоящей работе совокупностью их вариантов, образуемых изменениями типа подчинительной связи. Последняя выступает неким устойчивым инвариантом, проявляющимся в следующих вариантах: а) с помощью союза; б) при его отсутствии; в) с помощью союза и коррелята в главной части. Сопоставление темповых характеристик синтагм с перечисленными типами связи понимается здесь как исследование на парадигматическом уровне.

Темп как компонент интонации представляет собой «относительную скорость произнесения отдельных слов в синтагме или одной синтагмы по отношению к другой» [3, с. 276]. Основная функция, традиционно приписываемая темпу, связывается с различием более важного и менее важного. Так, синтагма, характеризующаяся замедленным темпом, несет в своем смысловом содержании более важную информацию по отношению к синтагме, произнесенной с ускоренным темпом. Наиболее полное раскрытие функции темпа может быть достигнуто на синтагматической оси, соединяющей две синтагмы, поскольку «...быстрое и медленное являются таковым лишь в сопоставлении» [5, с. 19].

Темповые показатели анализировались в работе на материале 276 сложноподчиненных предложений с группой обстоятельственных придаточных (уступительных, условных, временных и причинных) в произнесении трех дикторов. Средняя индивидуальная длительность звука колеблется в пределах 80,4 мс у второго диктора, 68,5 мс у третьего диктора, 71 мс — темп первого диктора. Анализ средних абсолютных данных длительности звука показал, что все сложноподчиненное предложение произносится дикторами с приблизительно одинаковым темпом в главной и придаточной части (62,3:62,7; 79,6:80,4; 74,4:75,3 и т. д.). Имеются случаи значительной разницы в темпе (79,5:54,9; 85,9:55,9; 90:71,8 и т. д.). Количество про-

чтения частей предложения с приблизительно одинаковым темпом распределяется следующим образом: первый диктор — 7 %; второй диктор — 13,3 %; третий диктор — 14,3 % случаев от общего числа проанализированных примеров. Соответственно остальные 93, 86,7, 85,7 % — случаи прочтения предложений со значительной разницей в темпе частей. Преобладание последних очевидно.

В предложениях с союзным типом связи темповые характеристики распределяются в таком порядке: в 53 % случаев средняя длительность звука в придаточном предложении меньше, чем в главном, в 36 % случаев — больше, чем в главном, и в 11 % случаев темп приблизительно равный в обеих частях сложного предложения. Эти данные свидетельствуют о содержательной значимости сообщения в синтагме главного предложения, что подтверждает положение, высказанное в ряде работ по исследованию интонации сложноподчиненного предложения, о том, что смысловой центр обычно сосредоточен в главном предложении, придаточное же оказывается менее самостоятельным членом сложноподчиненного комплекса [см.: 1, с. 327—328]. Случаи с замедленным прочтением придаточной части (36 %) в основном приходятся на предложения, в которых придаточная часть в звуковом отношении меньше, чем главная. Известно, что средняя длительность звука изменяется обратнопропорционально количеству звуков во фразе: чем меньше звуков, тем больше средняя длительность звука [2, с. 76]. Таким образом, здесь имеет место тенденция к изохронности.

Сопоставление темповых характеристик в предложениях с союзной и бессоюзной связью дало следующие результаты. В ряде случаев тенденция, наблюдаемая в предложениях с союзным типом связи, имела место и в примерах с отсутствием союза: а) замедленное произнесение главной части и ускоренное произнесение придаточной части (см. табл., предложения 2, 6 — дикторы первый, второй, третий; предложения 4, 8 — дикторы первый, второй; предложения 9, 12 — дикторы первый, третий; 10, 13 — дикторы первый, третий; 11, 14 — дикторы первый, второй); б) замедленное произнесение придаточной части и ускоренное произнесение главной части (см. предложения 1, 5 — диктор второй; 3, 7, 11, 14 — диктор третий). В других случаях тенденция менялась, т. е. если в предложениях с союзной связью средняя длительность звука в главной части была больше, чем в придаточной, то в бессоюзном варианте этих предложений главная часть стала произноситься быстрее, чем придаточная (см. предложения 1, 5 — дикторы первый, третий; 3, 7 — дикторы первый, второй; 4, 8 — диктор третий; 10, 13 — диктор второй). Это явление объясняется двояко. Замедление темпа в придаточном предложении с опущением союза может произойти в результате изменения длительности синтагмы, а также перемещения центра смыслового содержания в придаточ-

Темп в синтагмах сложноподчиненных предложений с союзной и бессоюзной связью (структуры ГП и ПГ)

Предло- жения	1 диктор	2 диктор	3 диктор
Препозиция главной части			
Союзная связь			
1	74,9 : 68,3	76,7 : 83,1	74,3 : 70,8
2	79,5 : 54,9	87,0 : 75,6	77,3 : 65,8
3	73,7 : 70,2	85,7 : 84,9	69,3 : 70,5
4	75,0 : 63,1	76,1 : 72,3	66,0 : 64,1
Бессоюзная связь			
5	74,4 : 78,1	85,9 : 96,6	75,5 : 87,8
6	84,5 : 74,2	83,5 : 74,4	76,0 : 71,1
7	74,7 : 85,6	86,7 : 107,5	69,1 : 91,0
8	72,1 : 68,9	78,5 : 77,2	59,1 : 61,6
Препозиция придаточной части			
Союзная связь			
9	59,1 : 71,4	76,9 : 77,2	67,5 : 71,9
10	58,4 : 74,0	74,4 : 75,3	62,9 : 69,5
11	60,5 : 71,6	65,3 : 73,9	67,2 : 58,5
Бессоюзная связь			
12	73,1 : 77,5	84,7 : 82,2	71,2 : 76,9
13	63,6 : 68,3	80,4 : 79,9	61,2 : 67,9
14	64,4 : 68,2	72,9 : 77,1	68,6 : 66,2

ное предложение. Союз — маркированный указатель места смыслового центра в предложении. Отсутствие его приводит к тому, что придаточная часть, имевшая ранее союз, становится более важной в смысловом отношении [см.: 4, с. 63]. По данным таблицы видно, что в предложении с бессоюзной связью наблюдается замедление темпа придаточной части по сравнению с придаточной частью, имеющей союз. Наиболее яркими примерами являются предложения 1, 5 в произнесении первого и третьего дикторов, 3, 7 — всех трех дикторов.

В предложениях с коррелятивной связью имеет место одинаковое распределение темпа, как и в предложениях с союзной связью, например: союзная связь — 76,75 : 83,1, союзная связь с коррелятом — 71,1 : 76,9, а также случаи обратного прочтения, например: союзная связь — 72,6 : 68,4, союзная связь с корреля-

лятом — 57,9:63,8. Данные темпа приводятся для предложений 14, 15 в произнесении второго диктора. Соотношение темповых характеристик в предложениях с коррелятом в главной части, обратное их соотношению в предложениях с отсутствием коррелята, можно объяснить следующим образом: а) в предложении 14 важное в смысловом отношении содержание находится в синтагме главной части, в предложении 15 присутствие в главной части коррелята делает ее менее самостоятельной и переносит «важное» в синтагму придаточной части, что и отражается на темповых характеристиках; б) привнесение коррелята увеличивает длительность главной части сложноподчиненного предложения, следствием чего является ускорение темпа в ней.

Итак, анализ материала, проведенный на парадигматическом уровне, позволил шире раскрыть функцию передачи смысловых отношений между частями сложноподчиненного предложения, выполняемую темпом. Изменение типа связи между главной и придаточной частью неизбежно приводит к перемещению центра смыслового веса в сложном предложении, меняет количественное соотношение звукового состава его частей, что, в свою очередь, отражается на темповых характеристиках. Варьирование темпа в частях сложноподчиненного предложения с разными типами связи объясняется еще и индивидуальными особенностями диктора, его эмоциональным состоянием, пониманием содержания материала. В разных случаях диктор по-разному распределяет «данное» и «новое» в частях сложноподчиненного предложения. Такое свободное распределение смыслового веса возможно в рамках исследуемого материала, поскольку он представляет собой отдельные предложения, не связанные контекстом и имеющие сходный лексический состав. Таким образом, не имея возможности почерпнуть смысловую информацию из контекста, диктор в каждом конкретном случае самостоятельно выделяет ту часть в сложном предложении, где, по его мнению, содержится более важное по смыслу содержание. «Различие в темпе,— пишет Т. М. Николаева,— обладает большей степенью свободы (в отличие от паузы.— Л. Д.), и его распределение зависит от понимания важного и неважного данным диктором» [4, с. 69]. Она называет темп, «наиболее индивидуальной и наименее предсказуемой характеристикой интонации» [5, с. 15].

Ниже приводятся предложения, произносимые дикторами.

1. Er braucht keinen Schirm, wenn es auch regnet.
2. Ich bleibe hier, wenn ich die Uni auch absolviere.
3. Er braucht keine Mütze, wenn es auch schneit.
4. Ich bleibe in Rostock, wenn ich die Uni auch absolviere.
5. Er braucht keinen Schirm, regnet es auch.
6. Ich bleibe hier, absolviere ich auch die Uni.
7. Er braucht keine Mütze, schneit es auch.
8. Ich bleibe in Rostock, absolviere ich auch die Uni.
9. Wenn es auch regnet, er braucht keinen Schirm.

10. Wenn ich die Uni auch absolviere, bleibe ich in Rostock.
11. Wenn er die Uni auch absolviert, verläßt er Rostock nicht.
12. Regnet es auch jetzt, braucht er keinen Schirm.
13. Absolvire ich auch die Uni, bleibe ich in Rostock.
14. Absolvire ich auch die Uni, verlasse ich Rostock nicht.
15. Er braucht doch keinen Schirm, obwohl es regnet.

-
1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973.
  2. Гейтенби Дж. Х. Эластичные слова // Исследования речи. Труды Хаскинской лаборатории. Новосибирск, 1967.
  3. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
  4. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
  5. Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

В. П. Донгаузер
Свердловский
пединститут

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (на материале заимствований русских имен собственных в немецком языке)

«Свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» (К. Маркс)

Задача исследования, результаты которого изложены в данной работе, состояла в попытке определения возможных изменений в фонологической системе консонантизма немецкого языка при немецко-русском языковом контакте. Материалом исследования явилась транскрипция русских имен собственных в трех словарях [см.: 6, 7, 8], а также некоторые имеющиеся научные данные по консонантизму немецкого языка [см.: 4, с. 14].

Известно, что консонантные системы немецкого и русского языков различаются по своему инвентарному составу. Одной из причин такого несоответствия является отсутствие в фонологической системе немецкого языка такого дифференциального признака, как палатализованный — непалатализованный; точнее, по этому признаку в консонантизме немецкого языка нельзя в настоящее время выделить пропорциональные, т. е. повторяющиеся в ряде фонемных пар противоположения, как это имеет место в русском языке [2, с. 14].

Артикуляция таких фонем немецкого языка, как [l], [j], [ç], во всех их реализациях палатальна, а [ç] противопоставлена [x] по признаку палатализованный — непалатализованный.

Сходность фонетической позиции этой пары в таких словах, как *gauche* [ˈgaoxəp] и *Frauchen* [ˈfraoʦən], *Kuchen* [ˈku:xəp] и *Kuchen* [ˈku:ʦən], *tauchen* [ˈtaoxəp] и *Tauchen* [ˈtaoʦən], не вызывает сомнений — оба согласных следуют за одним и тем же гласным. Принадлежность [x] корню, а [ʦ] уменьшительному суффиксу только способствует признанию фонологической противопоставленности [x] — [ʦ], так как основным признаком, отличающим фонему от аллофона, является ее способность сигнализировать о значащих единицах языка.

Произношение в немецкой речи билабиальных, лабиодентальных, заднеязычных согласных и фарингального [h] в позиции перед гласными переднего ряда с оттенком палатализации давно замечено и даже экспериментально доказано [5, с. 11]. Недопустимость палатализации переднеязычных в слоге с последующим гласным переднего ряда — один из постулатов нормативного немецкого произношения.

Обратимся к примерам и попытаемся выяснить, в каких случаях и каким образом в упомянутых словарях передается палатализация в заимствованиях из русского языка. Примеры приводятся в три колонки из словарей [6, 7, 8] соответственно:

<i>hi'ki:ta</i>	<i>ni'kji:ta</i>	<i>ni'kʲi:ta</i>
<i>le'vi:tʃ</i>	<i>le'vji:tʃ</i>	<i>le'vʲi:tʃ</i>
<i>hit'vi:nʃ</i>	<i>li:t'vji:nʃ</i>	<i>li:t'vʲi:nʃ</i>
<i>ka'ʃi:nikʃ</i>	<i>ka'ʲinikʃ</i>	<i>ka'ʲi:nʲikʃ</i>
<i>kaba'ʃeʃski</i>	<i>kaba:ʲeʃski</i>	<i>kaba:ʲeʃski</i>
<i>'ʃepin</i>	<i>'ʲe:ni:n</i>	<i>'ʲe:nʲin</i>
<i>a'ri:na</i>	<i>a'ʃi:na</i>	<i>a'ʲi:na</i>
<i>ʃe'ʃe:na</i>	<i>ʃeʲiza'vje:ta</i>	<i>ʃeʲiza'vʲe:ta</i>

Всего собрано более четырехсот примеров. Приводимое количество примеров в данной работе представляется достаточным для понимания дальнейшего поиска и рассуждений.

Итак, рассмотрим сначала, каким образом передается палатализация в заимствованиях из русского языка. В пояснениях к транскрипции словарь Зибса выделяет две особые графемы для обозначения переднеязычных палатализованных согласных русского языка — [п'] и [л'], объясняя их реализацию как *p + j* и *l + j*. В остальных же случаях палатализация согласного передается графемой *j*, следующей за графемой согласного, как и в словаре [7]. Словарь [6] приводит палатализацию также в виде графемы *j*, но меньшей размером и расположенной в верхней части графемы согласного как некий признак, отличающий его от других.

Попытаемся интерпретировать данную транскрипцию с фо-

нологической точки зрения, т. е. исходя из системы фонем немецкого языка.

Само стремление объединить фонетические признаки двух различных фонем одной системы (в данном случае системы немецкого языка) для выражения одной фонемы другой системы говорит о том, что немцы не воспринимают палатализацию как дифференциальный признак, на основании которого в системе можно выделить пропорциональные противоположения. Палатализованность немецкого [ɪ], так хорошо воспринимаемая русскими, немцами очень часто не осознается, иначе не было бы необходимости обозначать ее при передаче русского палатализованного [ɪ'] особой палатализованной фонемой собственной системы или особой графемой, объединяющей в себе фонетические свойства двух фонем немецкого языка. Итак, с позиции фонологической системы немецкого языка мы вынуждены признать, что рассмотренные графемы и другие не что иное, как бифонемное сочетание непалатализованного согласного с палатализованным j.

Несколько по-иному представляется смысл применения j как признака согласного (см. транскрипцию в третьем столбце), т. е. составители словаря стремятся таким образом передать реализацию заимствования не бифонемным сочетанием, а монофонемно, согласно системе русского языка, применяя графему j в качестве маркера палатализованного характера согласного.

Отсутствие обозначения палатализованности в некоторых случаях сначала кажется совершенно лишенным закономерности (как, собственно, и его присутствие). Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что обозначение палатализации гораздо чаще присутствует в фонетически сильной позиции, т. е. когда палатализованный согласный начинает ударный слог, находясь в позиции перед гласным переднего ряда. Отсутствует же обозначение палатализации чаще у билабиальных, лабиодентальных и заднеязычных согласных, находящихся в позиции перед гласными переднего ряда в безударном слоге (особенно часто в слове [7]). Объяснение этому можно найти в том, что названные согласные реализуются в немецкой речи в подобной позиции с известной степенью палатализованности, и поэтому палатализация не является для немцев совершенно чуждой, а значит, и во всех случаях заметной. Такого рода признаки В. М. Жирмунский при исследовании смещения немецких диалектов в России назвал вторичными [см.: 3], т. е. менее заметными, более стойкими. Думается, что и в данном случае имеет место явление подобного рода.

Стремление передать палатализованный характер согласных не только в фонетически сильной позиции, но и в безударных слогах в слове [6] свидетельствует о все большем осознании палатализованности как фонологического признака.

Степень интерференции связана, по-видимому, со степенью внимательности и знания русского произношения составителями данных словарей, иначе не представляется возможным объяснение таких явлений, как присутствие и отсутствие обозначения палатализованности в одной и той же фонетической позиции разных слов.

Контакт немецкого и русского языков, обусловленный интенсивностью сотрудничества наших государств в различных областях современной жизни, приводит к некоторым языковым изменениям. Так, наши примеры свидетельствуют о возрастании осознания собственной палатализованности на основе русских заимствований и повышающегося интереса немцев к русскому языку.

На основе данного исследования можно сделать следующий вывод: заимствуя имена собственные и слова, выражающие новые понятия, язык приноравливает звуковое выражение заимствований к собственной звуковой системе, обнаруживая не только различия и сходства между контактирующими системами, но и свои потенциальные возможности. Система языка — это не только то, что есть в языке, но и то, что возможно, это система возможностей, существующих в данном языке, обнаруживающаяся лишь при контакте с другими языками, с другими системами.

-
1. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1951.
  2. Бондарко Л. В., Вербницкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. Л., 1983.
  3. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1978.
  4. Зиндер Л. Р. Фонема и морфема. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
  5. Кириллова Л. И. Нормативные особенности реализации согласных в слоге, содержащем гласный переднего ряда. Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Горький, 1983.
  6. Krech E.-M. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1982.
  7. Krech H. Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1969.
  8. Siebs. Deutsche Hochsprache. Berlin, 1961.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

В. В. Наумов
Куйбышевский
пединститут

**ПАРАДИГМАТИКА ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ
В УСЛОВИЯХ ФОНЕТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРФЕРЕНЦИИ**
(на материале лексических заимствований
современного немецкого языка)

Процесс преобразования графической субстанции в звуковую можно условно представить как совокупность нескольких, по-

следовательно сменяющих друг друга операций, которые должен выполнить носитель языка-реципиента: 1) семантическую идентификацию слова, предполагающую, во-первых, зрительное или слуховое восприятие плана выражения иноязычного слова; во-вторых, соотнесение данного материального объекта с его денотатом; 2) квантование лексемы на сегменты различной линейной протяженности, соответствующие морфемам (слогам); 3) орфографическую идентификацию слова; 4) фонацию.

Семантическая идентификация иноязычной лексики в условиях субординативного двуязычия во многом детерминирована лингвистической компетенцией носителя заимствующего языка. В этом плане наибольший интерес для исследователя представляют слова, осваиваемые узусом, так как фонетическая интерференция в чистом виде проявляется именно на этапе освоения заимствований.

Вторая фаза — сегментация слова не всегда необходима. Этот «рычаг» декодирования может быть использован, например, в случае стечения согласных в многосложных словах. Кроме того, механизм квантования слов с протяженной линейной структурой запрограммирован в немецкой речи психологически. Известно, что значительной части немецкой лексики присуща четкая морфологическая разложимость, причем нередко морфемные и слоговые границы совпадают [3]. Это имеет существенное значение, поскольку процесс сегментации у наивного носителя языка по своей природе интуитивен, а несовпадение морфемных и слоговых границ заставляет искать другие приемы членения слова. Слог, являясь минимальной произносительной единицей, служит опорной базой сегментации. И поэтому если носитель заимствующего языка прибегает к слоговому анализу, то этот анализ необходим для последующего синтеза звуковой материи.

На этом этапе начинают «работать» правила орфографии контактирующих языков. Их несовпадение приводит к конфликту основных принципов орфографии, разрешение которого, как правило, не обходится без нарушения кодифицированной нормы. Фактору лингвистической компетенции в данном случае не без успеха противостоят особенности дистрибуции фонем в заимствованиях, а точнее, способы звуковой интерпретации сочетаний графем в последних. Речь идет об интерференции орфографических систем. Последний этап — фонация — наиболее ответствен. Переход от буквы к звуку не просто трансформация одного вида деятельности (мышления) в другой (речь), материализованному звуковой стороной языка. Зная из опыта, что идентичное в графике далеко не всегда совпадает в фонетике, носитель языка-реципиента часто предлагает свои, отличные от кодифицированной нормы варианты реализации. Таким образом, взаимодействие звуковых и графических систем порождает вариантность нормы.

Исследованию принципов фонетической сегментации заимствований в немецком языке, на наш взгляд, должен предшествовать анализ слоговой структуры иноязычной лексики. В свое время Л. В. Щерба настаивал на четком различении фонетического и орфографического слогоделения [4]. Эта мысль актуальна не только в плане методики обучения иностранному языку. Есть основания предполагать использование фонетического способа слогораздела в тех случаях, когда орфография заимствованного слова не дает однозначных рекомендаций по его озвучиванию. Нарушения нормы, выраженные в фонетическом «онемечивании» заимствований, более чем вероятны.

Так, по данным слухового анализа английское слово *all-round*, в начале которого согласно требованиям орфографии языка-донора должен быть долгий [ɔ:], в 60 % случаев реализовано немцами (в записи принимало участие 30 человек) с начальным слогом *al*. Заметим, что значение слова было понятно всем испытуемым. С другой стороны, буква *a* в таких словах, как *Wall Street*, *almost* дала адекватную оригиналу звуковую интерпретацию данного сочетания почти у всех информантов (26). Значит ли это, что выбор способа декодирования ничем другим, кроме языкового опыта и условий реализации (изолированные слова, текст), не обусловлен? На этот вопрос, разумеется, должны дать ответ носители языка, а мы попытаемся выявить дистрибутивные возможности слоговой структуры заимствований.

Материалом исследования стала выборка из словаря иностранных слов (*Großes Fremdwörterbuch*, Leipzig, 1980) объемом около 300 лексем. Основная часть представлена английскими и французскими заимствованиями. Вся лексика была подвергнута орфографическому и фонетическому слогоделению. В данной статье ограничимся констатацией несовпадения в большинстве случаев результатов слогораздела, выраженного различиями количественными и качественными. Для немцев спорными моделями в сегментации служат канонические с точки зрения частотности и линейной протяженности слоги родного языка: *cv*, *vc*, *svc*. Основное препятствие в разработке формальных критериев членения слова в любом языке — стечение согласных. В немецком наверняка будут неоднозначные решения в сегментации таких слов, как *Gangster*, *Gentleman*, *Eutrecote*. Е. Курилович полагал, что выделение слогов состоит в основном в разделении групп согласных [2]. Если иметь в виду вариантность слогораздела лексемы, имеющей стечение согласных, то приведенное заключение бесспорно. Многочисленные исследования не опровергают польского лингвиста, утверждавшего, что граница слога проходит всегда перед такой группой или внутри ее. Что касается сочетаний гласных, то их место можно прогнозировать на границе слогораздела. Компоненты вокалических бифонемных соединений занимают вершины сло-

	a	i	e	u	o	<u>u</u> (a)	<u>u</u> (i)	<u>a</u> (e)	<u>e</u> (i)	<u>y</u> (i)	<u>ee</u> (i)	<u>ea</u> (i)	<u>eo</u> (i)	<u>ey</u> (i)	<u>ou</u> (u)	<u>oa</u> (o)	<u>ai</u> (e)	<u>ou</u> (a)	<u>eau</u> (o)	<u>oo</u> (u)
f	+	+	+	+	+							+			+		+			+
d	+	+	+	+	+	+				+					+				+	
r	+	+	+	+	+					+					+	+	+		+	
s	+	+	+	+	+			+		+		+		+	+		+		+	
l	+	+	+	+	+				+	+					+		+		+	
k	+	+	+	+	+					+		+			+		+		+	+
t	+	+	+	+	+					+					+				+	+
n	+	+	+	+	+					+		+			+		+		+	+
b	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+					+					
h	+	+	+	+	+			+		+					+					
g	+	+	+	+	+					+					+					
m	+	+	+	+	+				+	+					+			+		
j (dz)	+	+	+	+	+					+		+			+					
p	+	+	+	+	+			+		+	+		+		+		+			
q	+	+	+	+	+										+					
c (s)		+	+							+					+					
c (ts)		+								+										
c (k)	+	+	+	+	+	+									+	+				
j (x)				+	+										+					
j (z)	+	+	+	+	+										+					
v	+	+	+	+	+										+				+	
z (ts)	+	+	+	+	+					+										
g (z)	+	+			+															
ck (k)	+														+					
ch (ts)	+	+	+	+	+												+			
sch (ʃ)	+	+	+	+	+										+					
ch (ʃ)	+	+	+	+	+															
ch (k)	+	+	+	+	+															
ph (f)	+	+	+	+	+															
sh (ʃ)	+	+	+	+	+			+												
x (ks)	+	+	+	+	+															
w	+	+	+	+	+															

гов в таких словах, как Fiasko, Heroine, Altair, Adriano. Сочетания гласных в конце слов, являясь частью слоговой структуры св, фонетически представляют собой равновесные или нисходящие дифтонги: adagio, Aloe, Каное. Их реализация не должна вызывать трудностей.

Перейдем к анализу слоговой структуры заимствований. В матрице¹ зафиксированы возможные в объеме программы варианты сочетаемости графем в слогах св и вс.

Интерпретацию данных матрицы начнем с анализа количественных характеристик. Вокалический ряд располагает 20 единицами, из них 12 сочетаний. Консонантный ряд насчитывает 32 позиции, включающих 6 двусоставных сочетаний и одно трехсоставное sch. Таким образом, общий объем сочетаемости со-

¹ Все сочетания, а также некоторые графемы с неадекватным звуковым выражением имеют в скобках фонетическую транскрипцию.

ставляет 460 вариантов слогов *cv* и *vc*. Парадигма аналогичных слоговых структур в немецкой лексике представлена 460 вариантами. Столь заметные расхождения могут быть объяснены совершенством немецкого алфавита. Это тот случай, когда графика коррелирует с фонетикой, т. е. немецкая графика в значительно большей мере выполняет свой основной принцип — «обеспечивать однозначное чтение слов» [1], чем это свойственно графике взаимодействующих языков. С другой стороны, именно жесткая корреляция между буквой и звуком является в немецком основным препятствием в декодировании графики заимствований.

Вернемся к матрице. Первые пять гласных *a*, *i*, *e*, *o*, *u* характеризуются практически абсолютной сочетаемостью. Некоторые ограничения присущи лишь семи графемам: *x* [ks], *ck* [k], *j* [dz], *s* [s], *g* [z], *j* [x], *c* [ts]. Выделим в этой группе слогов те, реализация которых неоднозначна. Графема *c* в сочетании с гласными имеет три варианта реализации: [k/s/ts]. Аффриката [ts] как правило, встречается в греческих заимствованиях, например *Cicero*; *s* распространено в английской, реже французской лексике — *rease*, *anponse*. Наиболее частотной является реализация графемы *c* как [k]. Она представлена семью вариантами слогов. К названным гласным, звуковая интерпретация которых идентична графической, добавляются еще две графемы — *a* [e] и сочетание *ou* [u]. Приведем примеры: *Cambridge* [kembridz], *Coupe* [ku'pe:]. Также три звуковых варианта имеет графема *j*. В английских заимствованиях это [dz], например *Jeans* [dzins], во французской лексике — [z]: *Joungleur* [zon'lø:r], в испанских заимствованиях — [x]: *Juan* [xu'an]. Вариантная реализация присуща и диграфам. Так, сочетание *ch* может быть представлено в слове *cv* тремя реализациями: аффрикатой [ts] — *Charleston* ['tʃa:lstn], [ʃ] — *Shapiteau* [ʃapi'to:], [k] — *Chianti* [kianti]. Таким образом, являются случаи обозначения разных фонем одной буквой. Анализ матрицы свидетельствует также о возможности обозначения одной фонемы разными буквами. Так, например, фонема [ʃ] имеет три варианта графического выражения: *sch* — *Scherif* [ʃɛ'ri:f], *Schema* [ʃe:ma], *ch* — *Chef* [ʃɛf], *sh* — *Shop* [ʃɔp]. Фонема [z] обозначается двояко: *z* — *Zabot* [za'bo:], *g* — *Gemie* [ze'ni:]. Фонема [f] также имеет два варианта фиксации: *f* и *ph*. В данном случае, равно как и в случае с фонемой [v], обозначаемой буквами *v* и *w*, не должно быть затруднений, так как их реализация идентична той, которая имеет место в немецкой лексике. Наконец, три варианта обозначения имеет фонема [k] — *ck*, *c*: *Cocktail*, *Christ*, *Casanova*.

Перейдем к гласным. Максимальной вариантностью графического обозначения характеризуется фонема [i]: *e* — *behavio-*

ral [biheviə:ɹəl], ea — Leader ['li:də], ey — Jersey ['dzo: zi:], u — Business ['bisnis], ee — Weekend ['ui:kent], eo — People ['pi:pl], y — Agency ['eidzənsi]. Как показывают примеры, лексика в основном из английского². Однако следует заметить, что широкий диапазон консонантного примыкания свойствен лишь графеме у, с которой 20 согласных формируют слоговые структуры св и вс. В остальных случаях сочетаемость обозначающих фонему [i] букв ограничена 2—3 вариантами. Фонема [a] имеет два варианта буквенного обозначения: u — jumpen [dzampn], ou — Double [dabl]. В сочетании с согласными d, b, c [k], m формируются, таким образом, четыре разновидности слога св, не отличающегося заметной частотностью. Фонема [e] представлена в заимствованиях двумя вариантами а и ai. Удельный вес слогов с данными графемами достаточно высок; каждая из них конституирует соответственно 6 и 8 вариантов. Фонема [u] обозначается на письме (преимущественно во французских заимствованиях) диграфом ou. Отметим значительный удельный вес слоговых структур с + ou, например Moulage [mulaz], Gourmand [gur'ma:]; 22 согласные являются их конституентами. И, наконец, фонема [o] обозначается на письме двумя сочетаниями: oa — Broadside [brɔ:dsæt] и трехсоставным соединением eau — Truimeau [tru'mo:]. Последнее, как правило, представляет собой абсолютный исход французских слов. Пять согласных могут предшествовать данному сочетанию в слоге св.

Подведем итоги. Исследование сочетаемости является необходимым этапом анализа парадигматики единиц графического, орфографического, фонетического уровней интерференции, в отношениях которых прослеживается четкая иерархия. Основная цель дистрибутивного анализа — формирование инвентаря фонологических слоговых структур заимствований. Проникновение в графическую систему языка-реципиента букв и их сочетаний в составе слогов св и вс обуславливает нарушение основного принципа немецкой графики и делает возможным неоднозначное чтение заимствований. Вариантность реализации буквенных сочетаний в иноязычной лексике является результатом взаимодействия основных принципов орфографии контактирующих языков. Орфографическая интерференция является причиной ассимиляции фонетической структуры иноязычной лексики, которая в свою очередь не исключает модификации графики заимствований в современном немецком языке.

² Здесь не учитываются варианты слоговых структур, в которых графика адекватна фонетике, т. е. а на письме соответствует а в звучании.

1. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
3. Проконова Л. И. Структура слога в немецком языке. Киев, 1973.
4. Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983.

В. Н. Бурчинский

Горьковский
пединститут
иностранных
языков

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(парадигматический аспект)**

Концепция функционально-семантической категории (ФСК) подразумевает объединение разнородных элементов на основе инвариантного и функционального принципов и их сочетания. В ФСК входят взаимодействующие и связанные семантико-функциональной общностью элементы, относящиеся к разным уровням языка, «с этой точки зрения она может трактоваться как своего рода „комплексная категория“» [2, с. 10]. Под парадигматическим углом зрения изучаются единицы всех уровней языка, включая и семантику с ее объектами. В лингвистической литературе описаны различные виды смешанных парадигм, особенностью которых является то, что они «содержат в своем составе единицы разных уровней и разных частей речи» [1, с. 17]. Возможность исследования парадигматических отношений между элементами разных уровней объясняется тем, что в любой парадигме, если рассматривать ее под семантическим углом зрения, можно выделить инвариантную часть и варьирующую, которая обеспечивает дифференциацию. Одним из отношений между единицами в группах языковых элементов являются именно парадигматические отношения, «члены одной и той же парадигмы относятся друг к другу как варианты инварианта, связанные его тождеством и противопоставленные своими различиями» [5, с. 76]. Выделение же ФСК осуществляется «на базе общности семантики — при наличии некоторого семантического инварианта в значениях языковых средств» [3, с. 44], входящих в данную ФСК. Таким образом, выделение ФСК и семантических парадигм осуществляется на едином основании — общности семантики, наличии семантического инварианта у конституирующих элементов*.

Для выявления структуры ФСК, системно-парадигматических отношений между ее конституентами используется процедура, или методика, конструирования ФС-поля, отражающего

---

* Понимание парадигмы, связанное с понятием позиции, не применимо при исследовании ФСК в ее полном объеме. Ср. два известных определения «позиционной» парадигмы: «парадигму составляют единицы, взаимонескользящие друг друга в одной позиции», «парадигматическими называют отношения между единицами, могущими занять место друг друга в одной позиции» [7, с. 198]. По своей структуре ФСК и «позиционная» парадигма любого вида не совместимы, так как в ФСК входят средства разных уровней, понятие общей позиции к которым не приложимо: «для конструирования парадигм на лексико-семантическом и семантическом уровнях понятие позиции в строгом смысле становится нерелевантным» [6, с. 121].

структурные отношения между конституентами. Построение поля производится на основе заданной семантической зоны, обозначаемой элементом с достаточно широким значением, называемым обычно доминантой, путем заполнения этой зоны конкретными элементами, противопоставляющимися своими особенностями. Эти дифференцирующие признаки и образуют основу противопоставления элементов внутри поля. Исследование ФС-поля не ограничивается составлением инвентаря средств и обоснованием критериев их отнесения (особенно важного для средств, стоящих на периферии) к данному полю. Необходимо также показать различия между конституентами, которые не всегда выявлены, так что «поле выступает как наметка для парадигмы, своего рода предпарадигма» [1, с. 19].

Данный этап исследования помогает установить внешнюю системность группы языковых элементов, ограничив их от смежных явлений, установить состав конституентов ФСК на основе наличия у них как языкового содержания, так и языкового выражения. Если на этом этапе мы можем постулировать вхождение в ФСК отрицания грамматических, лексико-грамматических, словообразовательных и лексических средств, то мы не можем ничего сказать ни об отношениях между самими этими группами, ни об отношениях между образующими их единицами. Для того чтобы выявить внутренние отношения между элементами ФСК, на основании которых можно было бы разработать их внутреннюю системность, необходимо упорядочить поле, определить в его структуре место каждого отдельного элемента. С этой целью выявляется структура поля, устанавливается иерархия его компонентов, отношения «центр — периферия», отношения между отдельными элементами, так как всякое поле создается их взаимодействием, отмечается пересечение с другими полями.

Упорядочение поля возможно только на основе выделения семантических, функциональных, структурных и стилистических особенностей образующих его конституентов, за счет чего предпарадигма переводится в подлинную парадигму.

Дифференциальные признаки всех единиц поля можно выявить либо путем их противопоставления доминанте, либо посредством их противопоставления друг другу, либо же с помощью того и другого метода. Чем больше компонентов значений (сем) содержится в семантической структуре единицы, тем дальше в иерархической структуре поля она находится от доминанты (ядра поля). То же самое можно сказать и о функциях: чем большим количеством функций обладает единица, тем ближе ее положение к периферии.

Основой для выделения ФС-поля отрицания является грамматическая категория; «представляющие ее грамматические формы взаимодействуют с единицами разных языковых уровней, заключающими в своей семантике элементы, соотносимые

со значением данной категории» [3, с. 42]. Таким образом, грамматическая категория отрицания является доминантой, вокруг которой формируется ФС-поле.

Формой, наиболее специализированной и однозначно выражающей грамматическую категорию отрицания в современном французском языке, является приглагольное отрицание *ne ... pas*. *Ne ... pas* не содержит в себе других сем, кроме семы «отрицание». Эта форма не имеет лексического, так называемого предметного содержания, получает свое смысловое выражение только в составе синтаксической единицы; поэтому правомерно ее называть грамматическим формантом. Максимально грамматизованный характер, однозначность, специализированность, стилистическая нейтральность позволяют рассматривать эту форму в качестве доминанты ФС-поля отрицания. Грамматическое отрицание выражает негативную семантическую связь между предметом и признаком (процесс, состояние также рассматриваются как признаки предмета), не исключая возможности положительной связи предмета с любым другим признаком, тем самым устанавливая отношения противоречия (противоречащие значения) между данным признаком и всеми другими возможными. Для грамматического форманта отрицательная функция, реализующаяся в установлении негативных семантических связей между элементами предложения, — функция «разъединения» является не только ведущей, но и единственной. *Ne ... pas* структурно относится к формам сложного отрицания, может быть введено в любое предложение при личной форме глагола, не влияя на его синтаксическую структуру.

Основой для объединения грамматических, лексических и словообразовательных средств отрицания может быть их способность выражать одну денотативную ситуацию, одну семантическую структуру. Одна и та же семантическая структура может соответствовать нескольким структурам плана языкового выражения. Значение отрицания в составе высказывания может содержаться в грамматических, словообразовательных или лексических элементах. Значение отдельного компонента в составе высказывания отходит на второй план, оно подчиняется значению всего высказывания в целом [см.: 4, с. 96]. Грамматические средства отрицания участвуют в номинации на уровне предложения, а словообразовательные отрицательные компоненты так же, как и лексические средства, участвуют в номинации на уровне слова и, кроме того, в составе слова формируют семантическую структуру предложения, отражающую данную денотативную ситуацию.

Иерархическая структура ФС-поля, включающего элементы разных уровней, отражает способность парадигмы также обладать иерархической структурой. Если в поле выделяются отдельные участки, микрополя, то возможно выделять общие и частные парадигмы. В одной общей семантической парадигме

(все конституенты ФСК) могут осуществляться внутренние классификации на основе дополнительных общих признаков, свойственных лишь данной группе элементов,— «парадигма в различных своих проявлениях обладает иерархической структурой» [6, с. 121]. В случае смешанных семантических парадигм группировка элементов происходит прежде всего на основе структурных признаков. В результате образуются субпарадигмы, или парадигматические серии, отношения между элементами которых можно рассматривать на «позиционной» основе, «под парадигматикой в таком случае понимают относительно небольшие классы единиц, каждая из которых может заменять одну из единиц последовательности, входя в последовательность на ее место» [8, с. 227]. Возможно еще более дробное членение парадигматических серий, образующих отдельные участки ФС-поля с иерархическими отношениями между конституирующими их единицами.

Выделение участков ФС-поля, или микрополей (после упорядочения элементов их можно рассматривать в качестве парадигматических серий), на основе структурных особенностей средств отрицания может послужить началом для выявления парадигматических отношений между конституентами ФСК.

По своим структурным особенностям средства отрицания неоднородны. Грамматические средства отрицания современного французского языка различаются формами простого и сложного отрицания. Основное различие между ними состоит в том, что формы сложного отрицания могут сочетаться с глаголом в личной форме, а формы простого — нет. Формы сложного отрицания построены по единой модели не + отрицательное слово. Вторые компоненты сложного отрицания могут при определенных условиях выступать также в форме простого отрицания. Отдельные группы образуют словообразовательные средства отрицания: отрицательные префиксы, участвующие в формировании значения лексической единицы — слова, и лексические средства, содержащие отрицание как компонент своего значения. Отрицательные словообразовательные префиксы являются компонентами постоянной структуры: отрицательный префикс + основа, к которой он присоединяется.

Таким образом, принимая во внимание структурные особенности средств отрицания, выделяются четыре группы элементов, образующих микрополя (после упорядочения элементов их можно рассматривать в качестве парадигматических серий): 1) микрополе форм сложного отрицания; 2) микрополе форм простого отрицания; 3) микрополе словообразовательных средств отрицания; 4) микрополе лексических средств отрицания. Совокупность средств отрицания, образующих парадигматические серии, поддается внутренней классификации на основе функциональных и стилистических особенностей конституентов.

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
3. Бондаренко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
4. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971.
5. Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
6. Мурясов Р. З. К теории парадигматики в лингвистике // Вопросы языкознания. 1980. № 6.
7. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
8. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

Г. А. Бухмастова
Тулский
пединститут

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЕН ЛИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Сплошная выборка из словаря А. С. Хорнби дает возможность получить представление о множестве имен английского языка, объединенных на основе категориального признака предметности и дополнительных семантических признаков конкретности и лица. Таких имен около 350.

Смысловое содержание слова *person* (*лицо*) представляет собой сумму семантических признаков разной степени обобщенности, таких как «предмет», «одушевленный», «пол», «отношение» и др. Указанные признаки составляют область парадигматических противопоставлений, определяющих место семантических групп и подгрупп в семантической микросистеме (СМС) имен лица в целом и отношения между ними, т.е. область семантической парадигматики. Что касается характеристик человека по возрасту, внешнему облику, нравственным качествам, то это область не парадигматических противопоставлений различных семантических групп лица по отдельным семантическим признакам, а область семантической синтагматики, актуализации семантической синтагматики, актуализации семантических свойств имен лица в высказывании.

К качественным именам лица, занимающим определенное место в СМС и составляющим предмет настоящего исследования, можно отнести две семантические группы: 1) имена лица, содержащие собственно качественные характеристики (прямо указующие на внешние и внутренние особенности человека), например *coward*, *fool*, *dwarf* и др.; 2) имена лица, дающие качественную характеристику или оценку лицу по его поведению, например *rig*, *camel*, *ass* и др., т.е. содержащие в своей семан-

тической структуре (СС) семы оценки и качественной характеристики.

Качественные имена лица обычно определяют лицо по качествам, свойствам, получившим общественное одобрение или порицание, поэтому во многих из них, даже взятых изолированно, явно чувствуется оценочность положительная (eagle, falcon, lion) и гораздо чаще отрицательная (pig, bull, ass).

Однако существуют характеристики, указывающие на нейтральные признаки предметов, не имеющие единой общественной оценки и получающие одобрение или неодобрение в зависимости от позиции говорящего, ситуации, контекста и т.п. У этих имен отсутствует выраженная языковая оценочность, закрепленная в их лексическом значении, она проявляется только в употреблении. Такие характеристики можно назвать потенциально оценочными (в отличие от оценочных узואульно) или двуполюсными (в отличие от однополюсных, имеющих только положительную оценочность или только отрицательную).

Естественно предположить, что однородность семантических свойств качественных имен лица предполагает единство их функционирования в речи, а именно их предрасположенность к предикатному или субстантивному употреблению и сочетаемостные свойства.

Наблюдения над языковым материалом показали, что качественные имена лица, благодаря наличию в их семантической структуре сем качественной характеристики и оценки, прежде всего предикаты, поэтому употребление этих имен лица в синтаксической позиции предикатива в английском языке явление довольно распространенное, например: How was it this morning? — asked Rain. — How could he tell how it was? — This morning he had been a liar and a traitor (Murdoch); I don't believe it! He may not be a fancy millionaire's flunky but he's honest (O'Neill); He thought to himself, what a pig am I, what a poor dirty pig! (Murdoch) etc.

На предрасположенность качественных имен лица к предикатному употреблению указывали Н. Д. Арутюнова [1], О. П. Ермакова [4], Г. Г. Кошель [5] и другие, отмечая, что для качественных имен лица, сигнификаты которых выражают один из признаков денотата, характерны предикатные употребления.

В приведенных высказываниях наряду с актуализацией сем предмета и лица происходит также актуализация сем качественной характеристики и оценки в СС имен liar, traitor, pig, что дает возможность отнести называемые ими объекты не только к классу людей, но и дать им оценку, например: liar — person who habitually tells lies; traitor — person who betrays a friend, is disloyal to a cause, his country etc.

Необходимо отметить, что признаковость семантики качественных имен лица сближает их с глаголами и прилагательными (ср.: you are sunning, you are a real fox; you loaf, you

are a loafer; you are obstinate, you are an ass), а форма существительного субстантивирует признак характеристики, превращает его в основное свойство лица или предмета. Однако, если в позиции предикатива имена существительные обозначают постоянные свойства и качества предметов, не зависящие от времени, а имена прилагательные характеризуют состояние объекта, то глаголы, как правило, описывают только некоторый момент или отрезок бытия объекта, ср., например: You are idle; you are and idler, you cheat, you are a cheat.

Как и следовало ожидать, признаковый характер качественных имен лица предопределяет их предикатные употребления в предложениях качественной квалификации (предикации) и квалификативный (оценочный) характер прилагательных и местоимений, определяющих их, например: You are a public kill-joy, a professional hypocrite! (O'Neill); Oh, no, I'm not a big optimist but I cannot agree with something as that statement! (O'Neill); She is coming downstairs. You win on that. I guess I'm a damned suspicious louse (O'Neill).

В составе предикатных именных групп а public kill-joy, a big optimist, a suspicious louse определения public, big, suspicious указывают на степень признака характеристики, выраженного именем, его градацию или усиливают этот признак.

Небезынтересно отметить, что при предикатном употреблении качественных имен определения public, bug, suspicious сочетаются с ассертивными семантическими признаками (в данном случае это будут семы качественной характеристики и оценки), например: The young people thought him to be a gloomy misanthrope (Carter).

Употребляясь с качественными именами лица, имена прилагательные могут не только модифицировать заключенный в этих именах признак, но и охарактеризовать соответствующее имени действие или его результат, например: The German government is not a liberal paymaster, as a rule, but no doubt they can be made to disgorge substantial remittance in such a case as this (Christie); He is a foolish boaster (Eadem).

Субстантивные употребления качественных имен лица для английского языка явление нехарактерное и представляет собой «цитации» — постоянные наименования объекта [2] либо требует обязательного использования актуализаторов — местоимений и артиклей. Так, цитатным, например, является употребление прозвища Lady в пьесе Т. Уильямса «Orpheus Descending»: «... and then one by one the lamps would be lighted again, and the Wop and his daughter would sing and play Dago songs... But sometimes all of a sudden Lady would not be there».

В указанном примере прозвище Lady, имплицитное наличие таких качеств, как деликатность, умение держаться, является на протяжении всей пьесы стандартным обозначением женщины — владелицы магазина. Отсутствие артикля перед

прозвищем является следствием того, что в пределах данной пьесы прозвище однозначно указывает на референт, т. е. фактически становится именем собственным.

В качестве примеров субстантивных употреблений качественных имен лица с актуализаторами можно привести следующие высказывания: The old idiot! All he knows about medicine is to look solemn and preach will power! (O'Neill); Is Jack there? The receiver at the other end of the line is replaced. That poor bitch! Poor Eccles probably sitting there, his heart bleeding to hear the word and she going back and telling him wrong number, that poor bastard being married to that bitch (Updike).

Есть основания полагать, что в данных высказываниях имена лица idiot, bitch, bastard имеют дополнительное предикативное значение, поэтому рассмотрим один из примеров более подробно. Так, из первой конситуации видно, что один из сыновей бывшего актера Тайрона Джемми говорит о докторе Гарди, к которому он записан на прием. Джемми считает, что доктор Гарди не разбирается в медицине, потому что несколько лет тому назад поставил ему неправильный диагноз. Результат этого неправильного диагноза — чахотка, которой Джемми неизлечимо болен. Это дает Джемми право считать и называть доктора Гарди the old idiot.

Как в предикатном, так и в субстантивных употреблении качественные имена лица определяются квалификативными прилагательными («определениями по сигнификату», в терминологии О. П. Ермаковой (см. об этом [3]), например: The padlock is all scratched. That drunken loafer has tried to pick the lock with a 'piece of wire... (O'Neill), что дает возможность предположить, что в целом сочетаемостные свойства качественных имен лица в предикатных употреблении идентичны их сочетаемостным свойствам в субстантивных употреблении. Существенным различием, однако, является то, что в субстантивных употреблении качественные имена лица не определяют общеоценочными прилагательными splendid, terrible, awful etc.

Так, например, можно сказать He is a real painter при невозможности A real painter entered the room. Такое употребление уместно лишь при цитации. Е. М. Вольф, например, объясняет это явление следующим образом: «...в случае a real painter entered the room возникает семантическое несоответствие между оценочным словом, определителем подлежащего в теме, и сказуемым, обозначающим действие в реме, которые должны быть определенным образом согласованы по смыслу. Оценочное слово в составе подлежащего как бы дает «коммуникативную заявку» на содержание дальнейших частей высказывания, чей предикат должен быть семантически завязан с оценкой, ср., например: *Замечательный художник вложил в картину всю свою душу*. Эта связь (как правило, она имеет

причинный смысл) может быть синтаксически обозначена обособлением дескрипции, что подчеркивает существование дополнительной предикации, например: *Глупый мальчик, он не понял!..* [см.: 3].

Таким образом, особенности употребления качественных имен в высказывании, т.е. их тяготение к предикатному типу употреблений, и сочетаемостные свойства определяются прежде всего спецификой и особенностями семантики этих имен, что еще раз указывает на близость имен этой семантической группы к предикатной лексике.

-
1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
  2. Везжицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
  3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
  4. Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и непроизводных слов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1977.
  5. Кошель Г. Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
  6. Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. = Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. М.; Оксфорд, 1982.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

А. Д. Огуй
Черновицкий
университет

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГРУППЫ НЕМЕЦКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (на материале парадигмы со значением «бесстрашный»)

Как известно, в синхронии лексическая парадигматика представляет собой динамически устойчивую систему парадигматических группировок (семантических полей, лексико-семантических групп и пр.) в виде совокупности вариантов, объединенных общим инвариантом, которые закономерно чередуются, выдвигая в тексте то один вариант, то другой при синхронном развертывании речи [2]. В диахронии парадигматические отношения вследствие нестабильности состава чередующихся вариантов подвержены определенным изменениям, которые в настоящее время еще недостаточно изучены, так же, как и в малой мере описаны отдельные исторические парадигмы слов.

В статье рассматриваются механизм, причины и тенденции развития лексических парадигматических отношений в диахронии на конкретном примере становления в VII — XVII вв., не-

мечских прилагательных со значением «бесстрашный»*, выделенных на материале исторических словарей [8, 9, 10, 11, 12]. При этом использованы богатый синтагматический материал, конкретные примеры словоупотреблений и типологические данные из 15 индоевропейских и тюркских языков.

Учитывая то, что существуют определенные пробелы в исторических словарях, и в частности отсутствие достаточного толкования, обратимся к живой среде обитания парадигмы — к текстам, где прилагательные вступают в синтагматические и парадигматические отношения, варьируя и сочетаясь с себе подобными.

В текстах литературных произведений реализуются синтагматические характеристики, соответствующие исследуемым парадигматическим отношениям, функционирует лексико-семантическая парадигма и проявляется общественная идеология, ее требования к предлагаемому идеалу. В литературных памятниках формируется общественный идеал, «герой своего времени» с основными требованиями к нему в виде определенного комплекса представлений, который может измениться в другом историческом жанре (исторически сформированном типе литературных произведений: шпильманском эпосе, куртуазном романе и т. п.) или в другой социально-классовой литературе: рыцарской, клерикальной или бюргерской. Таким образом, утверждение в куртуазном романе новой морально-идеологической установки на «*māze*» (меру в своих поступках) после пропагирования в героическом эпосе чрезмерности в бою закономерно приводит к изменению состава лексико-семантической парадигмы, относящейся к определенной ЛСГ и вследствие этого к изменению парадигматических отношений на этом новом срезе диахронии. Последнее находит в тексте свое воплощение в изменении соответствующих им синтагматических отношений — определяемых существительных, характерных консоциаций (парных словоупотреблений нескольких прилагательных со сходным значением).

В диахронии вследствие внешнего воздействия общественной идеологии и структурной тенденции к дифференциации языковых значений парадигматические отношения преобразуются и выражаются в процессах притяжения, давления и отталкивания [6]. Результаты этих процессов проявляются в изменении чередующихся вариантов, что находит соответствующее синтагматическое выражение в изменении характеристик контекста. Привлечение этимологического значения (далее ЭЗ) как исходной точки амплитуды семантических колебаний может послужить для определения тенденций в изменении парадигматики

---

* Прилагательные со значением «бесстрашный» представляют собой одну из пяти парадигм или лексико-семантических центров, вычлененных по семантико-синтагматическим критериям в составе одной и той же лексико-семантической группы [см.: 5].

[4]. Таким образом, изучение лексической парадигматики в диахронии происходит в настоящем исследовании на основании социально-исторических, семантических и синтагматических данных.

В древневерхненемецкой (ДВН) социальной лексике (750—1050 гг.) отражается мировоззрение дикого, храброго и грубого германца как человека, стоящего (по Ф. Энгельсу) на высшей ступени варварства [1], что сказалось на относительно позднем формировании прилагательных, обладающих значением «бесстрашный». В 1000—1050 гг. отношения притяжения связывают переносное употребление *bald* (ЭЗ — толкование спорное) и *unarforaht* (ЭЗ «небоязливый»). Прилагательное *bald* образует значение «бесстрашный» на основании предыдущих сем «уверенный, спокойный» (см. *securus* [10, т. 2, с. 236]) и «преисполненный какого-то качества» [см.: *Otfr.* 1. 17. 61], сочетаясь при этом не только с обозначением воинствующего лица (это удел *unarforaht*), но и с антропонимическими характеристиками (сердце) и с абстракциями. В латинских подстрочниках появляется его эквивалент «неустрашимый»: *Tû gefureuungôst mit palden (=intrepidis) wizegtuomen* [N.: *M. Cap.* 156.17].

В лексике средневерхненемецкого (СВН) периода (1050—1350 гг.) отражаются отношения развитого феодального общества, формирование его морали, в которой первоначально господствует представление о рыцаре как о носителе высших качеств, в том числе бесстрашия. Варианты, чередующиеся на этом участке, выражают, как правило, характеристики витязя XI—XII вв. (рыцаря XIII—XIV вв.), нетрусливого, без чувства страха в бою и благородного в жизни (типичные консоциации с прилагательными внешности (3), физической силы (3): *küene, snel, balt* — 30 словоупотреблений). При этом архаичное франкское *balt* становится типичным украшательным эпитетом в полудесемантизированных речевых формулах типа *küener degen balt*, где сближается с *küene, snel* и уходит из парадигмы. На него оказывало сильное давление *unervorht* (ДВН *unarforaht*, ср. др. рус. *неустрашенный* [Миняя, 1096 г., сент., 1.13, пол.]), которое подчеркивает, как правило, черты витязя-христианина: *Kristinen waren helethe vile mare ein liut harte unervorhten* [Rol. 5471].

В 1150—1200 гг. в парадигме выделяется экспрессивное новообразование *unverzagt* (ЭЗ «не ставший трусом»): *Morolf der degen unverczeit czu forderst in den streit reit* [Sol. u. Mor. 3055]. Оно значительно теснит в чередованиях *unervorht* и рыцарское новообразование *unervaert* (ЭЗ «не боящийся коварных помыслов врага, бесстрашный»), ср. однотипн. англ. *fearless*, гол. *invervaard*, дат. *unorfadet*, чеш. *neohrozeny*. В результате двустороннего давления *unervaert* отталкивается из языка. *Unervorht*, заметно уступая (9 словоупотреблений против 64

при выборке 3 млн слов), перенимает дифференциальные семы «благородный поведением, происхождением; христианский», а *unverzagt* — семы «не ставший трусом вследствие фаталистического предрасположения»: *ведь будет все, что будет, что должно случиться* [Parz. II. 97].

Вследствие сильнейшего давления в куртуазно-эпигонских произведениях (1230—1300 гг.) лишенное экспрессивности *unvervorht*, неоднократно характеризовавшее лиц благородного происхождения (исключительно христиан) [Tand. 3658], вынуждено окончательно уступить своему более демократичному сопернику, употребляющемуся с обозначениями лиц любого общественного положения и происхождения, любого вероисповедования (одно словоупотребление против 240). Прилагательное *unverzagt*, употребляясь при характеристике воинствующих лиц, отталкивает свое производное *unverzagetlich* в сферу определения абстракции (дух, сердце, поведение) [Mel. 9500].

Чрезмерное употребление постпозиции слова в архаичных формулах обезличило прилагательное, сблизив его с исчезающими или десемантизированными *balt*, *snel*, *kün*. В начале XIV в. в произведениях мистиков, выражавших качественно новое мирозерцание с характерным для него обращением к внутреннему миру человека, выдвигается новый элемент парадигмы *unerschrocken* (ЭЗ «не вскакивающий от испуга; неустрашимый»), имеющий большие перспективы, чем *unerzagt*, за счет повышения экспрессивности: *doch werdent sie nimmer so gesunt, daz sie gotlichen warheit und den ewigen brennenden sunnenglast mit unerschrocken anpicke mugen angesehen — der sünden stein falget in den ougen* [DMd. 14; Tauler, 364.20].

В ранненововерхненемецком (РНВН) периоде (1350—1650 гг.) ниспровергается культ рыцаря с его чрезмерностью, постоянным нарушением моральных и прочих барьеров. Вместо него клерикальная идеология создает концепцию «господнего витязя», управляемого божественной волей, стойкого, бодрого духом и твердого в намерениях, что, в свою очередь, отражается (особенно в период Реформации) на прилагательных со значением «бесстрашный». В итоге у прилагательных возрастает совместное употребление в консоциациях (58 случаев на 2 млн слов выборки), утверждаются консоциации с положительными моральными характеристиками. Оппозиция *unverzagt* — *unerschrocken* пополняется новыми компонентами парадигмы *frisch* (ЭЗ «растущий», *getrost* — ЭЗ «бесстрашный, бодрый духом благодаря вере»), а также *keck* (ЭЗ «живой»), вытесненное из своей парадигмы экспрессивными производными от *leben* («выживший после вражеского набега») и *freidig* (ЭЗ «отверженный→изгнанный→бесстрашный»).

В конце XVI в. парадигма исключает слово *frisch*, обладавшее слишком конкретным значением и употреблявшееся преимущественно с предметными обозначениями (дерево, зелень,

масло). Прилагательное *getröst*, образованное по непродуктивной в РНВН модели, уходит из языка в результате снижения влияния клерикальной идеологии. Бывший инвариант в эпоху Реформации *freidig*, характеризовавший морально-эмоциональное состояние воина, противопоставляемый в текстах *frech* и *tol* [Luth. III, Abendmahl. 318. 10], уступает под давлением прилагательным *keck* и *unerschrocken*, *dapfer* и *brav*, а также *mutig* и развивается (отталкивая *unverzagt* благодаря фонетическому сходству с *Freude* — «радость») в направлении недогруженной парадигмы прилагательных со значением положительных эмоций: ср. консоциации с *froelich* и *unerzagt* [Luth. IV: 204.2 *Warnung*]; ср. *beherzt und freudig sein in dieser letzten Zeit* [Opitz. 236. 12].

На протяжении всего XVI в. длится противоборство чередующихся членов парадигмы *keck* — *unerschrocken*. Вследствие этого во второй половине XVI в. *keck* на основании консоциаций с *kün*, *freck*, ослабившими свою семантику, отталкивается *unerschrocken* в значение «бесстрашный и стойкий духом под воздействием адских сил», а затем «дерзкий» [Faust, 43. 12]. В период Тридцатилетней войны (1618—1648) появляется инновация *furchtlos* (ср. однотипные рус. *бесстрашный*, 1704 г., дат. *frygtlos*, норв. *fryktlos*), которая дифференцируется от *unerschrocken* — «непоколебимо бесстрашный» семей «бесстрашный в защите добродетели» [Opitz, 212. 5]. Таким образом, в XVII в. складывается оппозиция *unerschrocken* — *furchtlos*, которой новообразования типа *ungeschreckt* (из Герхардта) не могут долго противопостоять.

Следует отметить, что благодаря сходной сочетаемости, взаимным консоциациям к исследуемой парадигме тяготеют и компоненты из других участков. В основании этих слов лежат признаки «живость духа» (СВН, РНВН *wacker*, *quec*; РНВН *frisch*), «присутствие духа» (СВН, РНВН *muotriche*, *muozveste*, *gemuot*; РНВН *mutig*), «наличие сердца» (СВН, РНВН *geherze*, *herzehaft*; РНВН *beherzt*), что, несомненно, является языковой тенденцией (ср. гол., дат. и швед. *modig*, лат. *cordatus*, итал. *coraggioso*, фран. *courageux*, тур. *yürekli*, азерб. *чурэтли*, казах. *жау журек, журекті*).

Как видим, к концу РНВН возрастает актуальность вариантов парадигмы прилагательных со значением «бесстрашный». При этом парадигматические отношения под воздействием внешних и структурных факторов проходят своеобразные пульсирующие изменения, которые, как правило, диалектически повторяются на высшем уровне — от варьирования нескольких компонентов через увеличение числа вариантов, вступающих в отношения притяжения, до последующего сокращения их количества вследствие отталкивания, вызванного тенденцией к дифференциации значений.

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
2. *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979.
3. *История немецкой литературы*: В 5 т. Т. 1. М., 1962.
4. *Маковский М. М.* Что такое этимология // Иностр. языки в школе. 1986. № 1.
5. *Огуй О. Д.* Про розвиток лексико-семантичної групи прикметників зі значенням «сміливий, хоробрий» // Іноземна філологія. Львів, 1986. Вип. 84.
6. *Пелевина Н. Ф., Левицкий В. В.* О внешних и внутренних факторах семантических изменений // Материалы XIX научной сессии. Черновцы, 1963.
7. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
8. *Diefenbach L.* Wörterbuch der mitteleren und neueren Zeit. Basel, 1885.
9. *Götze A.* Frühneuhochdeutsches Glossar. Bonn, 1920.
10. *Graff F. G.* Altdeutscher Sprachschatz: In 6 Bd. Berlin, 1834—1842.
11. *Lexner M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1891.
12. *Müller W.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch: In 3 Bd. Leipzig, 1854—1866.
13. *Schade O.* Altdeutsches Wörterbuch: In 2 Bd. Halle a. S., 1872—1882.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- Faust — Historia von D. Johann Fausten. Leipzig, 1963. 183 S.
 Luth. III — Luthers Werke in Auswall / Hrsg. von O. Clemen. Bd III. Berlin, 1934. 516 S.
 Luth. IV — Luthers Werke in Auswall. Bd IV. Berlin, 1935. 434 S.
 Mel. — Pleier. Meleranz / Hrsg. von K. Bartsch. Stuttgart, 1861. 387 S.
 N.: M. Cap. — Notkers des Deutschen Werke. Bd II. Marc Capella. De nuptiis philologiae et mercurii Halle a. S., 1935. VIII. 220 S.
 Opitz — Ausgewählte Dichtungen von M. Opitz / Hrsg. von J. Fittmann. Leipzig, 1869. LXXX. 276 S.
 Otf. — Otfirids Evangelienbuch / Hrsg. von O. Erdmann. Halle a. S., 1882. LXXVII. 4938.
 Parz — Wolfram von Eschenbach. Parzival. Berlin, 1926. LXXII. 640 S.
 Rol. — Das Rolandslied / Hrsg. von K. Bartsch. Leipzig, 1874. 382 S.
 Sol. u. Mor. — Solomon und Morolf / Deutsche Gedichte des Mittelalters. Berlin, 1808. S. 40—60.
 Tand. — Pleier. Tandareis und Flordibel. / Hrsg. von F. Khull. Graz, 1885. 248 S.
 Tauber — Die Predigten Taulers / Hrsg. von F. Vetter. Berlin, 1910. 370 S.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

М. В. Лукичева
 Свердловский
 пединститут

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАЗГОВОРНЫХ НОМИНАЦИЙ

Тематической гомогенности нейтральных номинаций противостоит гетерогенность разговорных единиц: Auto — Adventsauto, Chromkreuzer, Asphaltblase, Ami, Chromobil, Blechdampfer, Luxusschlitten, Gehhilfe, Leukoplastbomber, Vehikel, Lustmobil usw. Коллоквиализм, как правило, вторичен, ибо именуется объект, уже названный нейтральными средствами. Экономность

языка избегает просто дублетов. Смысловая, точнее предметно-понятийная, избыточность компенсируется и оправдывается образностью и экспрессивностью разговорной номинации, способностью передавать сложное содержание, которое не может быть выражено нейтральной доминантой соответствующего синонимического ряда. Значение исходного нейтрального синонима соответствует лишь предметно-понятийному ядру семантики коллоквиализма. Отсутствие в значении нейтральной единицы какой-либо информации делает ее коммуникативно недостаточной и стимулирует появление разговорно-маркированной номинации.

Частично о лингвистических и экстралингвистических стимулах появления коллоквиализмов позволяет судить разветвленная система помет, которыми снабжается словарная единица наряду с основной функционально-стилевой пометой — *ugs. (umg.)*. Каждая дополнительная помета свидетельствует о каком-либо семантическом составляющем значения, фиксирует оттенки и функциональные особенности, характеризует сферы преимущественного использования [5, с. 682]. Так, пометы *fam., salopp, derb, vulg., obszön* указывают на функционально-стилистическую закреплённость единицы в лексико-семантической системе, степень отступления от нейтрального; *Schimpfwort, abwertend, pejorativ, abschätzend, verächtlich, spöttisch (leicht, stark, oft, selten)* указывают на негативно-оценочное отношение, заключенное в слове, и его степень; *scherzhaft, ironisch, vertraulich, verächtlich, übertrieben, verhüllend* — на интенсивность оценки и возможность использования единицы в различных эмоциональных контекстах, на определенную стилистическую окраску; *Kinderspr., Studentenspr., Schülerspr., Seemannsspr., Jugendspr.* — на социальный, возрастной, корпоративный характер распространения и использования; *DDR, BRD, österr., landsch., berlinisch, süddt., norddt.* — на территориальную, региональную и государственную распространенность; *Neuwort, Neuprägung, Modewort, veraltet, historisch, nazistisch, marxistisch, Religion* — на степень новизны и употребительности, принадлежность определенной исторической эпохе, тому или иному идеологически связанному фонду, неологичность, архаичность и т. п. Словарные пометы характеризуют слово, таким образом, по разным параметрам, фиксируя и факторы, не затрагивающие предметно-понятийного ядра и денотативной отнесенности единицы, находящиеся вне самого объекта номинации, связанные с особенностями его отражения познающим субъектом, с отнесенностью с другими объектами и всей действительностью, с его различной ценностью, распространенностью, неодинаковыми социальными и территориальными условиями использования, различными аффективными состояниями коммуникантов и др.

Сравнение компонентных составов разговорного и нейтраль-

ного синонимов показывает, однако, и наличие у многих коллоквиализмов собственно семантической индивидуальности, заключающейся в присутствии в его семантике предметно-понятийных сем, которых нет в значении коррелирующего нейтрального синонима. Отличительное, индивидуальное качество объекта может стать основой его номинации — появляется окказионализм. Если это особенное качество встречается регулярно, отмечается языковым коллективом, то основанная на нем номинация превращается в узуальное имя объекта — нейтральное, если им фиксируется только сам объект по одному из его признаков, или разговорное, если объект и соответствующее его качество, свойство попадают в сферу активного оценочного отношения и эмоционального переживания субъекта: Drecknest — «schmutzige Stadt, schmutziges Dorf»; Bärenhunger (Bomben-) — «großer Hunger»; Wasserstoffblondine — «Frau mit künstlich blondiertem Haar»; Butterseite — «vorteilhafte, beste Seite von etwas»; Bildungsprotz — «Mensch, der mit angelesener Bildung prunkt».

Имя появляется в языке, когда обозначаемая ситуация становится частотной, чем определяется распространение единицы. Кроме того, ситуация должна приобрести некую социальную значимость. Тогда ее обозначение с помощью развернутого словосочетания оказывается слишком громоздким и избыточным — возникает единица, значение которой соотносимо с данной комбинацией признаков и явлений. Многие коллоквиализмы — слова и ЛСВ (особенно свернутые суждения — конденсаты) — основаны на специфическом наборе признаков Wandaktien — «Bilder, die man kauft, um sie später mit Gewinn zu verkaufen»; Weichensteller — «Person, die die Fragen auf das vom Prüfling beherrschte Fachgebiet lenkt». Поэтому они и не сводятся к однословному нейтральному синониму, а нередко даже описательным путем могут быть переданы лишь весьма приблизительно: Druckposten, Gehirnwäsche, Kinderklau, Stammtischlöwe, Torschlußpanik usw., ибо в них происходит компрессия деталей, отражаются специфические признаки понятия, а референтная отнесенность сужается, конкретизируется. «Перевод» смысла таких коллоквиализмов с помощью нейтральных средств осложнен наличием в семантике разговорной единицы экспрессивно-оценочной информации: «...специфически сниженная экспрессия... препятствует оформлению адекватного смысла средствами других стилей... Сам их смысл «непереводим» на средства другого стиля. Вместо перевода мы можем дать лишь описание, что неминуемо отразится на точности и «экономности» выражения» [1, с. 57, 59].

Нейтральная и разговорная системы номинаций отражают одну и ту же действительность, однако параллелизма наименований нет. Нейтральному имени объекта может соответствовать целый ряд разговорных единиц, каждая из которых отра-

жает качественную или количественную особенность обозначаемого, его парадигматически и/или эстетически существенные признаки. Номинативную систему коллоквиализмов усложняют и многочисленные потребности варьирования. В то же время объекты, для обозначения которых имеется несколько нейтральных и/или возвышенных синонимов, могут не иметь ни одного разговорного наименования.

Тематически система разговорных номинаций в принципе не ограничена. Вся окружающая человека действительность, вся его жизнь (дом, работа, семья, взаимоотношения с другими людьми, политика, искусство и т. д.) втянуты в сферу разговорных номинаций. Все, хотя бы малейшим образом касающееся жизнедеятельности, забот и хлопот человека, обращающее на себя его внимание, — объект таких номинаций. При этом недостаточно, чтобы человек просто часто сталкивался с объектом. Только то, к чему его отношение осмысленно, что он замечает, выделяет из общей массы, требует и специальных номинаций, иначе говоря, то, что отмечается и оценивается как подходящее/неподходящее, хорошее/плохое. До тех пор пока автомобиль не интересует говорящего, его номинативные потребности удовлетворяет слово *Auto*. Стоит, однако, объекту попасть в сферу жизненных интересов, необходимыми становятся специальные, характерологические номинации. В зависимости от того, в каком плане объект актуален (хочется купить; у всех знакомых есть; надо заменить на новый; от этих машин лишь шум да грязь; несетя как на пожар; еле тащится — не дожدهшься; если покупать, то лишь такой-то и т. п.), нужны и разные обозначения, которые отвечали бы экспрессивно-эмоциональным и информативным потребностям.

Система разговорных номинаций, как уже отмечалось, отражает ту же действительность, что и система нейтральных имен, но отражает эту действительность и ее объекты иначе, выделяет в ней специфические объекты, а также по-новому оценивает и соответственно маркирует известные объекты, имеющие нейтральные названия. Так, некоторые проявления вполне привычных действий (*essen, gehen, sehen, trinken*), предметов (*Kopf, Buch*), качеств (*klug, dumm*), хотя и существуют объективно, но названы могут быть лишь в условиях обиходно-разговорной речи, т. е. соотносятся с особыми, так называемыми «разговорными» денотатами: *fressen, schlabbern, schnabulieren, Schiebebrot essen; torkeln, bummeln, schlendern; linsen, gaffen, lutschen, ein Auge riskieren, glupschen, ankullern, blickvögeln; Rübe, Quadratschädel, Gedankengenerator; Schwarze, Schmöker; pfiffig, clever, strohdumm, behämmert, superdoof, saudumm usw.* [4, с. 19]. Многие действия человек совершает машинально, не придавая им особого значения и не заботясь о специальных маркированных номинациях. Коллоквиально обозначаются проявления, не соответствующие типовым пред-

ставлениям о характере и способе осуществления этих действий: *schlabbern* — «есть *чавкая*», *pippen* — «пить *небольшими глотками*», *abstinken* — «удаляться *благоухая духами*», *planschen* — «играть *в воде (плескаться)*». Равноценных по информативной насыщенности таким разговорным единицам нейтральных номинантов нет и быть не может, так как в официальной и возвышенной, а также просто нормированной речи отсутствуют соответствующие денотаты. Думается, наличие особых объектов номинации не исключено и в других функциональных стилях. Наименования таких особых объектов создают лексическую специфику, своего рода терминологию каждого стиля.

Однако не все коллоквиализмы основаны на уникальности объектов или специфике условий речевого акта. Многие нейтральные номинации (как правило, предметов утилитарной ценности и назначения) буквально обрастают маркированными синонимами. Это реалии, с которыми человек сталкивается постоянно, которые не оставляют его равнодушным как в практическом, так и в этико-эстетическом плане. Как одевается он сам и его окружение, какого качества бытовой и иной техникой пользуется, какую музыку слушает, сколько и какими путями зарабатывает — эти и подобные, казалось бы, содержательно не сложные референты постоянно притягивают новые и новые единицы для констатирующего и для аффективно-оценочного обозначения. Это точки синонимической концентрации разговорной лексики. Для нейтральной лексики в синонимическом плане более активны другие темы, у возвышенной — свои «горячие точки». Помимо сфер, объединенных общей идеей престижности (мода, искусство, техника, мировоззрение и т. п.), к извечным потребностям относится желание назвать и охарактеризовать внешний вид, умственные и моральные качества, поведение и поступки окружающих людей. К сугубо разговорным относятся области номинаций, избегаемые нейтральной лексикой: интимные части тела, взаимоотношение полов, физиологические потребности, т. е. то, о чем не принято говорить вслух, но что притягивает своей табуированностью.

Создание коллоквиализмов осуществляется разными путями, с привлечением разнообразных средств и способов: нейтральных и маркированных, узуальных и окказиональных, лексических, морфологических, фонетических, синтаксических, паралингвистических и культурно-фоновых элементов. Внешне пути появления коллоквиализмов совпадают с тремя традиционно выделяемыми путями развития лексики. Это словообразование, заимствование и семантическая деривация при количественном и качественном преобладании последней, ибо переосмысление действует не только самостоятельно (появление разговорных ЛСВ у какой-либо единицы), но и сопутствует словообразовательным процессам и ассимиляции заимствований. Традицион-

ные пути при создании разговорных номинаций демонстрируют немало особенностей. Внутренне этот процесс еще сложнее: разговорный синоним обладает семантической общностью с нейтральным, но одновременно имеет и различия, способен передавать то же содержание, но в то же время конфрontiрует с нейтральной номинацией, так как содержит в значении, а иногда и в форме элементы, воплощающие связь с общесемантическим ядром синонимического ряда, и элементы, отражающие различия. Общие и дифференциальные признаки таких синонимов прослеживаются по обоим планам языкового знака: по линии плана выражения и по линии плана содержания. Кроме типичных способов для появления коллоквиализмов характерны и специфические. Количественно они уступают традиционным. Но созданные «патологическими» [3, с. 48] способами единицы отличаются исключительной яркостью, выразительностью и могут существенно воздействовать на общий тон высказывания: *Philosuff*, *Atmungssphäre*, *Primatonne*, *Viehsitte*, *Radiot*.

Не случайно, а закономерно во многих случаях своеобразное давление нейтральной единицы, ее формы и семантики. Нейтральное слово становится стимулом появления коллоквиализма (не удовлетворяет коммуникативным тенденциям) и тормозом, ибо является общеизвестным, наиболее типичным и вероятным наименованием, подходящим в принципе к самым разнообразным речевым условиям как наикратчайший номинативный путь к предмету.

Основной закон, непременно участвующий в создании любого коллоквиализма,— действие противоречивых, даже противоборствующих тенденций. Коллоквиальное имя всегда возникает на линии поиска нового обозначения, которое стремится в направлении от оценочно-экспрессивного «нуля», от нормативного, общеизвестного, а потому часто стертого, невыразительного имени. Контрастность, непохожесть маркированной единицы на нейтральный эталон должны ощущаться коммуникантами, поэтому ее разговорность чаще эксплицитна [2, с. 220]. Это достигается или какой-то нетипичной, экстраординарной формой, или алогичностью, парадоксальностью семантики, неожиданностью переносов, а также во многих, особенно неологичных, коллоквиализмах полной немотивированностью значений. К типичным оппозициям, рождающим разговорно-нейтральные параллели, можно отнести следующие: корневое нейтральное заменяется сложным или производным разговорным (*Koch* — *Küchenbulle*); сложное нейтральное слово — корневым (*Auffassungsvermögen* — *Grips*); немотивированное производное — мотивированным (*Bettler* — *Klinkenputzer*); конкретное — абстрактным (*Senf* — *Jugenderinnerung*) и наоборот (*Geschwätzigkeit* — *Schlappmaul*); одушевленное — неодушевленным (*beliebter Mensch* — *Dicksack*); слово заменяется словосочетанием

(Büchsenmilch — eiserne Kuh; besuchen — Besuch schieben) и наоборот (durch künstliche Befruchtung entstandenes Kind — Retortenbaby); вместо нарицательного коллоквиально используется имя собственное (Durchschnittsmensch — Lieschen Müller) и наоборот (Sepp Herberger — Bundessepp); нейтральное заимствование онемечивается или оформляется средствами немецкого языка (Boogie-Woogie — Zittertanz; Call Girl — Abrufemädchen); обычные общеизвестные слова заменяются разговорными псевдозаимствованиями (Arbeitsscheu — Infaulenza); тривиальные бытовые — серьезными, наукообразными (Regenschirm — Gewitterverteiler), а сложное научное, социальное, политико-экономическое явление именуется на базе обыденной, семантически несложной лексики (Gehirnwäsche, Maulsperre). Не имеющее отношение к технике получает техническое наименование: Mund — Freßmaschine; Empfangsvermögen — Gefühlsantenne, а номинации технических приборов, устройств избавляются от экспликации «технических» сем: Auto — Gehhilfe, Schreibmaschine — Klapperkiste. На базе нейтрального слова создается фразеологизм: abwesend sein — durch Abwesenheit glänzen, а фразеологизм лексикализуется: Korb (из jm. den Korb geben) — Ablehnung; asten (из etw. auf den Ast nehmen) — etw. auf die Schulter nehmen; löchern (из jm. ein Lech in den Bauch fragen) — in ausfragen; известный фразеологизм трансформирует семантику в результате аналогии и созвучия лексем: die Liebe geht durch den Wagen (по аналогии с die Liebe geht durch den Magen) — der Autobesitzer hat mehr Heiratsansichten, als der Mann ohne Auto. Слово, обозначающее нечто объективно негативное, в коллоквиализме нобилизируется: Prostituierte — Freizeitgestalterin, Kosmetikerin, а явно положительное явление намеренно пейорируется: Filmtheater — Schuppen, имена малых предметов заменяются именами больших: Kinderwagen — Ehestandslokomotive, а больших — именами малых: Ozeandampfer — Kahn. Номинации престижного, высокого заменяются сниженными, даже вульгарными: Meer — Pisse, а табуированное, стыдное — нейтральной или возвышенной лексикой: Nachtgeschirr — Thron. Все это так называемые субкатегориальные переходы.

---

1. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

2. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.

3. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

4. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache: In 6 Bd. Bd 3. Hochdeutsch — Umgangsdeutsch. Hamburg, 1965.

5. Schippan Th. Zum Problem der Konnotation // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1979. Bd 32. H. 6.

А. Д. Хаютин,
А. С. Шакиров,
А. У. Эшанкулов
Самаркандский
университет

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
НУМЕРАТИВНЫХ СЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКИ
(фразем и паремий)
С ПОЗИЦИЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Поскольку лингвистические единицы, реально существующие и/или выделяемые в языке (в различных языках), имеют свой особый статус и место в системе понятий отдельных отраслей науки о языке, постольку терминологические инновации, вводимые для обозначения уже известных единиц и явлений языка с позиций той или иной отрасли науки о языке, представляются нередко если не необходимыми, то, по меньшей мере, оправданными. Отсюда — оправданность ведения для нужд теоретической и практической лексикографии особого термина, обозначающего те языковые единицы, которые в словарях обычно описательно трактуются как идиоматика, пословицы, поговорки и фразеология. В такой связи мы здесь будем понимать под сложными единицами лексики (СЕЛ) неоднословные, графически раздельнооформленные, т.е. состоящие более чем из одного графического слова (словоформы), языковые единицы, выделяемые в филологических или энциклопедических словарях (либо хотя бы в одном из словарных изданий отмеченных типов) в качестве самостоятельных единиц словника (лемм) или в качестве единиц левой части словарной статьи, т.е. единиц дефиниенса.

В зависимости от своей синтаксической структуры СЕЛ могут представлять собой непредикативные словосочетания или сочетания слов (фраземы), или предложения (паремии, «паремиологические единицы») [см.: 4, с. 59]). Конкретным объектом дальнейшего рассмотрения здесь будут нумеративные СЕЛ, включающие имена числительные, выступающие или не выступающие в качестве их лексикографически опорного слова (ЛОС) [1], на материале ряда генетически родственных (германских, славянских, романских) и генетически не родственных первым (тюркских) языков. Под парадигматическими характеристиками нумеративных СЕЛ мы будем понимать межъязыковые и внутриязыковые характеристики парадигматического плана рассматриваемых единиц, т.е. их лексические парадигмы, объединяющие эквивалентные, аналогичные, синонимичные и вариантные формы рассматриваемых СЕЛ. Под эквивалентными формами мы понимаем полные межъязыковые соответствия СЕЛ (в нашем случае — нумеративных СЕЛ) различных языков по их структуре, глобальной семантике и лексическому наполнению; ср. разноразличные нумеративные СЕЛ — фраземы с глобальным значением неопределенности, неясности, неточности (во временном плане): *в один прекрасный день*

(русск.)=*един хубав ден* (болг.)=*one fine day* (англ.)=*=un beau jour* (франц.) и т.д. Под аналогичными формами подразумеваются неполные межъязыковые соответствия СЕЛ (ср. франц. *à quatre pas* [d'ici] и русск. *поблизости, в двух шагах [отсюда]* и др.).

Анализ синонимичных и вариантных форм должен быть подробнее. Как показывают наблюдения, структурные схемы синонимических рядов нумеративных (да и не только нумеративных) СЕЛ сохраняют свою стабильность во многих языках, в том числе и разносистемных. Ср., например, структурную схему синонимических рядов нумеративных СЕЛ с инвариантным значением «две соперничающие стороны не могут ужиться в одном месте», построенных по модели: ИЧ(2) → К(мн) → → ИЧ(1) → К..., где ИЧ — нумеративные компоненты с отдельными парадигматическими вариантами словоформ числительного; К(мн) — нумеративные компоненты СЕЛ, соотносённые с первым ИЧ и поэтому употребляемые только во множественном числе; К... — ненумеративный компонент (или компоненты) СЕЛ, соотносённый (соотносённые) со вторым ИЧ и поэтому употребляемый (употребляемые) только в единственном числе, например:

русск.: *Двум хозяйкам в одной избе не ужиться; Двум медведям в одной берлоге не улечься; Двум шагам в одних ножнах не поместиться; Две бараньи головы в один котел не лезут;*

болг.: *Двама господари в една къща не биват (=Двум хозяйкам в одной избе не ужиться); Двама просяци на една врата не стоят (=Двое нищих у одних ворот не стоят); Два бика в една чарда не живеят (=Два быка в одном стаде не живут);*

польск.: *Dwie gospodynie w jednej izbie nie zgodzą się (=Две хозяйки в одной избе не помирятся); Dwa koguty na jednych smieciach nie zgodzą się (=Два петуха на одной мусорной куче не помирятся);*

англ.: *Two women (wives) in one house never agree in one (=Две хозяйки в одной избе не проживутся); Two dogs to one bone never agree (accord) (=Две собаки одну кость не поделят);*

нем.: *Zwei Bären vertragen sich nicht in einer Höhle (=Два медведя в одной берлоге не проживутся); Zwei Hähne taugen nicht auf einen Mist (=Два петуха не подходят для одной навозной кучи);*

узб.: *Икки кўчқорнинг боши бир қозонда — қайнамас (=Две бараньи головы в одном котле не сварятся); Икки қилич бир кинга сигмас (=Две сабли в одни ножны не влезут);*

тур.: İki arslan bir posta sigmaz (=Два льва в одну шкуру не влезут); İki kilic bir kına girmez (=Две сабли в одни ножны не войдут); İki bülbül bir dala kaynamaz (=Два соловья на одну ветку не садятся).

Подобные примеры легко могут быть умножены, но их общим признаком является относительная стабильность числительных в СЕЛ при вариантных заменах нумеративных компонентов в их составе. Напротив, варьирование нумеративных компонентов (как правило, одного из нумеративных компонентов в составе СЕЛ-паремий) создает в различных языках межъязыковые, а в одном и том же языке — внутриязыковые варианты нумеративных СЕЛ. При этом подвижность в варьировании нумеративного компонента СЕЛ различна, зависит от конкретного языка и может включать от двух до шести различных ИЧ (форм ИЧ)*. Ср. показательные случаи нескольких возможных замен нумеративного компонента в составе СЕЛ различных языков:

а) три возможных варианта нумеративного компонента в составе СЕЛ (как фразем, так и паремий):

русск.: *работать за двоих (троих, семерых)*;

болг.: *три (седем, девет) пѣти мери, един пѣт режи* (букв. *три (семь, девять) раза отмерь, один раз отрежь*);

чешск.: *na devět (dest, sto) honu* $\cong$ *за тридевяť земель* (букв. *за девять, десять, сто гон*; гон — старая мера длины = 125 шагам);

узб.: *бир (икки, турт) огиз (ган)* $\cong$ *два слова* (букв. *один, два, четыре рта*);

б) четыре возможных варианта нумеративного компонента в составе СЕЛ, ср.:

русск.: *двадцать (сорок, сто, тысячу) раз говорить* (повторять);

болг.: *деветдесет и девет (сто, триста, хиляда) пѣти му казах това* $\cong$ *двадцать (сорок, сто, тысячу) раз говорить* (букв. *девяносто девять (сто, триста, тысячу) раз говорить*);

польск.: *ni w pięć, ni w dziesięć (dziesięć, jedenastie, szesnastie)* $\cong$ *ни к селу ни к городу; ни то ни се* (букв. *ни в пять, ни в девять (десять, одиннадцать, восемнадцать)*);

в) пять и шесть возможных вариантов нумеративного компонента в составе СЕЛ, ср.:

русск.: *десять (двадцать, сорок, сто, тысячу) раз говорить* (повторять);

тур.: *он (kirk, seksen, yuz, bin, bin bir) kere söylemek* =

* Этот факт имеет психологическое обоснование: «Мы способны запомнить с одного взгляда и правильно воспроизвести семь взятых наугад десятичных цифр, около семи не связанных между собой слов, около семи наименований» [см.: 2, с. 127].

=многократно говорить (повторять) (букв. десять (сорок, во- семьдесят, сто, тысячу, тысячу один) раз говорить).

Показательно, что для польского, чешского, немецкого и узбекского языков, а также для французского языка самым распространенным является трехкомпонентное варьирование ИЧ в составе СЕЛ, варьирование четырех компонентов ИЧ в составе СЕЛ отмечается в болгарском и польском языках, тогда как в русском и турецком отмечается по одному примеру вариативности пяти и шести нумеративных компонентов в составе исследованных СЕЛ. Основные типы вариативности ИЧ в составе нумеративных СЕЛ в различных языках сводятся к следующим:

1) дублирование ИЧ, т.е. взаимозамена тождественных по своей семантике. Ср. русск. *раз-два (да) обчелся; один-два (да) обчелся*; англ. *meet two ends—meet both ends=сводить концы с концами* (букв. *сводить два (оба) конца*); нем. *auf zwei Schultern tragen—auf beiden...=служить и нашим и вашим* (букв. *носить на двух (на обоих) плечах*);

2) варьирование количественных и порядковых ИЧ в составе СЕЛ. Ср.: чешск.: *tri dni po smrti—treti den po smrti=никогда* (букв. *через три дня после смерти; на третий день после смерти*); нем.: *von einem Streiche fällt keine Eiche—von erstem Streiche fällt keine Eiche=одним ударом дуба не сва- лишь; с первого удара дуба не свалишь* и др.;

3) варьирование нормативных и эллиптированных ИЧ в составе СЕЛ. Ср. англ.: *the upper ten thousand—the upper ten=верхушка общества, аристократия* (букв. *верхние десять тысяч; верхние десять*) и т.п.;

4) варьирование грамматической или словообразовательной формы ИЧ в составе СЕЛ, имеющее место в языках преимущественно синтетического строя: славянских (за исключением болгарского), немецком и др. Ср. русск.: *глухому две обедни не служат; глухому двух обеден не служат* и др.; нем.: *in einigen Worten; mit einem Wort=одним словом* и т.п. Сюда же можно отнести варьирование современной и архаичной форм ИЧ в составе СЕЛ, ср. русск.: *семь раз отмерь, один отрежь; семью отмерь, однава отрежь; семеро в семье, в них восьмеро больших; семеро в семействе, в них осьмеро больших* и т.п.;

5) в составе СЕЛ-паремий, включающих ИЧ, варьирование (взаимозаменяемость) может основываться на эвфонических созвучиях такого рода варьирующихся ИЧ. Ср. чешск.: *kouká jako by devět vsi vypalil; kouká ka jako by devadesát devět vsi vypalil=выглядеть хмуро, угрюмо, задумчиво* (букв. *глядит так, будто девять деревень сжег; глядит так, будто девяносто девять деревень сжег*). Подобные примеры можно привести и из других языков. Характерная особенность такого рода

вариантных СЕЛ заключается в том, что количественная характеристика дублирующего, менее распространенного варианта ИЧ в составе СЕЛ выше, чем у ИЧ исходного варианта, в результате достигается большая экспрессивность дублирующего варианта СЕЛ;

б) противоположный предыдущему случай варьирования ИЧ в составе СЕЛ также относится к чешскому языку и отражает уменьшение количественного значения вторых нумеративных компонентов СЕЛ. Ср. чешск.: hospodarit od čtyr na nic, hospodarit od peti k čtyrem; hospodarit od deviti k peti, hospodarit od desíti k peti; hospodarit od sta k desíti, hospodarit od tisíce k stu. Буквальные переводы приведенных вариантов СЕЛ отражают общее денотативное значение инварианта СЕЛ, ср.: *хозяйничать от четырех к ничему (к нулю), хозяйничать от девяти к пяти, хозяйничать от десяти к пяти, хозяйничать от ста к десяти, хозяйничать от тысячи к ста*, т.е. вариантный ряд строится на противопоставлении убывающих по количеству величин, передавая в каждом случае понятие убыточности.

Другие вариантные формы нумеративных СЕЛ, по наблюдениям исследователей, могут включать факультативные варьирующие ИЧ (ср. русск. *за одно спасибо — за спасибо; за одного битого двух небитых дают — за битого двух небитых дают*), а также факультативные компоненты, представляющие собой служебные (ср. русск.: *на своих на двоих — на своих двоих*) или, реже, полнозначные слова (ср. русск.: *десять шансов против одного — десять против одного* и т. п.).

Обратимся теперь к лексикографическому аспекту рассмотренного вопроса. Очевидно, одной из важнейших задач лексикографа является правильный выбор ЛОС, позволяющий наиболее рационально разместить в словаре СЕЛ, выделив те лексические парадигмы, в которые они входят.

Как видно из приведенных примеров, ИЧ в составе нумеративных СЕЛ нередко не представляют собой ЛОС, поскольку ИЧ чаще всего не являются в составе СЕЛ константными словами, присутствующими во всех вариантах, как не являются они также «грамматически опорными словами» или же словами, не знакомыми пользователю словаря, не имеющему филологической подготовки: числительные ведь принадлежат к общеизвестным и (особенно ИЧ первого десятка натурального ряда чисел) наиболее широко употребительным словам языка. Поэтому ИЧ в составе нумеративных СЕЛ могут использоваться в качестве ЛОС лишь в следующих случаях: а) если ИЧ является первым полнозначным словом в составе СЕЛ; б) если ИЧ является семантически опорным словом СЕЛ; в) если в соответствующем словаре СЕЛ повторяются во всех словарных

статьях на слова-компоненты, входящие в их состав [3]. Наконец, при ономаσιологическом подходе к описанию лексики одного или нескольких языков (например, в идеографическом словаре и некоторых других типах словарей) СЕЛ, наряду с цельнооформленными словами, могут быть включены в одну лексическую парадигму, хотя ИЧ, входящие в их состав, выступают в качестве ЛОС лишь в определенных случаях. В остальных же случаях для лексикографа открывается возможность следовать другим принципам размещения СЕЛ, точное определение которых на данном этапе теоретической и практической (традиционной) лексикографии не представляется возможным.

1. Бушуй А. М. Словарная репрезентация фразеологии // Фразеология в тексте и словаре / Самаркандск. ун-т. Самарканд, 1986.
2. Ингве В. Гипотеза глубины // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4.
3. Малаховский Л. В. Размещение фразеологизмов в словаре. Теоретические соображения составителя и интересы читателя // Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984.
4. Эшанкулов А. У. Паремнология и /или фразеология? // Фразеология в тексте и словаре / Самаркандск. ун-т. Самарканд, 1986.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

Г. Г. Соколова
МГПИ
им. В. И. Ленина

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

Изучение транспозиции фразеологических единиц (ФЕ) во французском языке непосредственно связано с рассмотрением исходных и производных этого процесса*. Для того, чтобы составить более полное представление об одном из продуктивных подвидов вторичной транспозиции — эллиптической транспозиции, необходимо проанализировать коммуникативные ФЕ, представляющие, как и номинативные ФЕ, исходные исследуемого явления [2, с. 59].

Коммуникативные ФЕ, имеющие структуру предложения, широко распространены во французском языке и представляют собой один из основных структурных типов фразеологических единиц, несмотря на свою относительную изученность (основное внимание во фразеологии, как известно, уделяется переменным сочетаниям и номинативным ФЕ). Коммуникативные ФЕ образуются по существующим схемам обычных предложений, но в отличие от свободно конструируемых предложений для них характерен постоянный количественный и качественный состав

* В статье используются данные фразеологических и толковых словарей французского языка; фразеологическая единица обозначается сокращенно ФЕ.

компонентов, устойчивое фразеологическое значение и встречаемость в определенных типах контекста. Отсутствие полной парадигмы у глаголов, входящих в их состав, является грамматической особенностью этого класса ФЕ.

Номинативные и коммуникативные ФЕ сближаются по использованию в качестве исходных эллиптической транспозиции и образуют вторичные ФЕ различных функциональных классов. В отличие от субстантивных и особенно вербальных ФЕ коммуникативным единицам свойственна невысокая фразеологическая активность [3, с. 23], что скорее всего объясняется их структурно-семантическими параметрами: во-первых, неполной парадигмой глагола, во-вторых, традиционной однозначностью многочисленных коммуникативных ФЕ, представляющих собой сентенции. Вместе с тем нельзя не заметить участия коммуникативных ФЕ в формировании вторичных номинативных ФЕ: ряд ФЕ восходит именно к исходным этого структурно-семантического типа.

Множество коммуникативных ФЕ выражают констатацию факта, что свойственно фразеологическим единицам вообще и этому их виду в частности. Кроме того, структура коммуникативных ФЕ — основ вторичной транспозиции весьма разнообразна. Во французском языке возможны такие формы коммуникативных ФЕ, как простое, сложносочиненное и сложноподчиненное предложения. Простое предложение относится к наиболее распространенной форме коммуникативных ФЕ — исходных эллиптической транспозиции. Особое место в формировании производных фразеологических единиц среди коммуникативных ФЕ занимают те из них, которые представляют собой безличные и неопределенно-личные обороты, в состав которых входят глаголы, относящиеся к различным лексико-семантическим группам, — *falloir* и *être*. Например, исходная ФЕ *il ne faut pas mettre le doigt entre l'arbre (le bois) et l'écorce* образует вторичную вербальную ФЕ с опорным компонентом — глаголом широкого значения *mettre*: *mettre le doigt entre l'arbre et l'écorce*; исходная коммуникативная ФЕ *il ne faut pas dire les nouvelles de l'école* — вторичную вербальную ФЕ с опорным компонентом — глаголом говорения *dire*: *dire les nouvelles de l'école (d'une coterie, d'une compagnie)* и, наконец, исходная коммуникативная ФЕ *il ne faut pas mettre le chandelier sous le boisseau* — также вторичную ФЕ с опорным глаголом широкого значения: *mettre le chandelier sous le boisseau*. Вторичные вербальные ФЕ с глагольным компонентом широкого значения включают не только глагол *mettre*, но и *faire*. Например, *les jeunes médecins font les cimetières bossus* — *faire les cimetières bossus*. Коммуникативная ФЕ *ce n'est pas pour enfiler des perles* является исходной в образовании вторичной ФЕ с опорным компонентом, относящимся к ЛСГ глаголов активного действия — *enfiler des perles*: 1) «тратить время попусту»; 2) «зани-

маться чепухой, пустяками» [3, с. 39]. Вторичная ФЕ с опорным глаголом широкого значения *faire*: *ne faire ni chaud ni froid* — происходит из коммуникативной ФЕ *cela (ça) ne (me) fait ni chaud ni froid*.

Вместе с тем коммуникативные ФЕ ведут к образованию вербальных ФЕ как с опорными компонентами, представляющими ЛСГ глаголов активного действия, так и состояния. Так, исходная ФЕ *bon chien chasse de race* образует трехзначную ФЕ *chasser de race*: 1) «принадлежать к хорошей охотничьей породе» (о собаке); 2) «быть достойным своего рода, своих предков»; 3) «унаследовать пороки предков». Или: первичная ФЕ — *c'est un saint qu'on ne chôme (ne fête) plus*, вторичная — *chômer (fêter) un saint*.

Весьма редко в функции исходных, используемых эллиптической транспозицией выступают коммуникативные ФЕ с глаголом в личной форме — *il paye son écot*. Производной этой фразеологической единицы является однозначная вербальная ФЕ *payer son écot*, относящаяся к унилатеральным фразеологическим единицам [1, с. 51].

Таким образом, однозначные коммуникативные ФЕ со структурой простого предложения способствуют формированию вторичных вербальных ФЕ с опорными компонентами, относящимися к ЛСГ глаголов широкого значения, активного действия, говорения и некоторым другим.

Уже указывалось, что эллиптическая транспозиция ФЕ предполагает редукцию от одного до четырех компонентов [3, с. 112]. Коммуникативные ФЕ при образовании номинативных производных теряют, если судить по нашему материалу, от одного до пяти компонентов. В ряде случаев наряду с обычными компонентами опускаются варьирующие компоненты, и тогда вариантность исходных утрачивается и не переходит к производным. Подобная утрата компонентов происходит в рамках исходной *cela (ça) ne (me) fait ni chaud, ni froid*; в результате опущения местоименных компонентов образуется безвариантная вербальная ФЕ *ne faire ni chaud, ni froid*. В другой исходной вариантной ФЕ варьирующий компонент сохраняется, но эта характеристика исходной не заимствуется производной: *il ne faut pas mettre le doigt entre l'arbre (le bois) et l'écorce (entre l'écorce et le bois) (entre l'arbre et l'écorce il ne faut pas mettre le doigt) — mettre le doigt entre l'arbre et l'écorce*.

С другой стороны, безвариантные исходные ФЕ способны к образованию вариантных производных, подтверждая уже отмеченную тенденцию эллиптической транспозиции номинативных ФЕ. Так, *il ne faut pas dire les nouvelles de l'école* безвариантна, в ее производной *dire les nouvelles de l'école* варьирует именной компонент — *de l'école (d'une coterie, d'une compagnie)*, проявляя свойственную ему фразеологическую, а не лексическую вариантность.

Между коммуникативными и производными номинативными фразеологическими единицами существуют отличия, затрагивающие не только их компонентный состав. Естественно, что значения этих ФЕ различаются между собой, как значения исходных и производных фразеологических единиц, степенью абстрактности, иногда объемом фразеологических значений. Для иллюстрации этих положений подходит пример коммуникативной ФЕ *bon chien chasse de race* и ее трехзначной производной *chasser de race*. Между значением «принадлежность к хорошей охотничьей породе» (о собаке) и значением исходной коммуникативной ФЕ «породистого пса не надо учить» устанавливаются метонимические отношения, сопровождаемые расширением значения производной; значение «быть достойным своего рода» представляет собой расширение первого производного значения (перенос значения с животного на человека, и, как следствие, более высокая степень абстракции), развивающееся на его основе путем последовательного переосмысления. Значение «унаследовать пороки предков» возникает в результате сужения первого значения, между этими значениями возникают антонимические отношения.

Не только номинативные ФЕ, производные от коммуникативных ФЕ со структурой простого предложения, приобретают многозначность. Подобная характеристика присуща также ФЕ, восходящим к коммуникативным ФЕ, имеющим структуру сложноподчиненного бессоюзного предложения. Примером такого типа коммуникативных ФЕ может служить *il est comme saint Jaques de l'Hôpital: il a le nez tourné à la friandise*, на основе которой образована вербальная ФЕ с опорным компонентом *avoir: avoir le nez tourné à la friandise* («быть сластолюбивым, лакомкой»; «быть сластолюбцем»). В этом примере развитие значений производной ФЕ идет посредством последовательного переосмысления в характерном для фразеологических единиц направлении от конкретного к абстрактному.

Несмотря на явное преобладание производных — вторичных вербальных ФЕ, на основе коммуникативных ФЕ образуются вторичные номинативные ФЕ других функциональных классов — субстантивные, адverbиальные и адъективные. Безвариантные коммуникативные ФЕ являются исходными в образовании вариантных ФЕ *cela sert comme une cinquième roue à un carross — cinquième roue à un carrosse (de la charrette)*. И наоборот, в результате эллиптической транспозиции вариантных коммуникативных ФЕ формируются безвариантные номинативные ФЕ: *il avalerait (mangerait) le diable et ses cornes — le diable et ses cornes*. Производные субстантивные ФЕ отличаются от исходных не только компонентным составом, но и степенью абстрактности и значением. Подтверждением этого положения служит, например, номинативная ФЕ *le diable et ses cornes*. Исходная коммуникативная ФЕ включает дифференциальные фразеосемы

«величина», «аппетит», «интенсивность» [5, с. 95]; ее производная — соответственно «трудность», «занятие», дифференциальные у производной и потенциальные у исходной ФЕ. Отношение внутренней производности этих единиц выявляется посредством проведения семного анализа.

При образовании субстантивных ФЕ на основе коммуникативных ФЕ возможно опущение одного из предложений, входящих в состав сложносочиненного предложения: *c'est un bon enfant, il ne mange pas la chandelle*. В результате эллиптической транспозиции приведенной ФЕ образуется двузначная субстантивная производная ФЕ *bon enfant* («весельчак, компанейский парень»; «простак, добряк, добрый, славный малый»). Значения производной ФЕ соотносимы между собой, так как включают дифференциальные фразеосемы «веселость» и «добродота» и являются результатом параллельного переосмысления исходной. Рассмотренные примеры эллиптической транспозиции подтверждают, что соотношение значений исходных и производных, как и формирование значений производных ФЕ, соответствуют отношениям, характеризующим отношения и связи между исходными и производными ФЕ при других видах транспозиции.

Анализ эллиптической транспозиции коммуникативных ФЕ свидетельствует о том, что производные относятся к таким функциональным классам, как вербальный и субстантивный, и используются для характеристики самых различных действий и лиц. Многие из перечисленных производных отличаются абсолютной степенью национальной специфичности [4, с. 302]. Следует заметить, что не все коммуникативные ФЕ, независимо от принадлежности глагольного компонента к той или иной лексико-семантической группе, способны служить исходными вторичного фразообразования. К их числу относятся коммуникативные ФЕ, включающие глаголы движения, ощущения, широкого значения и активного действия (*du choc des opinions jaillit la véreété, le dos lui démange, la discorde est au camp d'Agramant, il faut tendre le voile selon le vent, c'est un grand docteur aux échecs*). В том, что фразеологическая активность свойственна не каждой коммуникативной единице, проявляется специфика фразеологии, французской в частности, и ее системный характер.

-
1. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976.
  2. Соколова Г. Г. Фразеология французского языка (семантический аспект фразеологических единиц). М., 1986.
  3. Соколова Г. Г. Фразообразование во французском языке. М., 1987.
  4. Соколова Г. Г. Тенденции образования фразеологических единиц (на материале французского языка): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1987.
  5. Соколова Л. Г. Внутренняя структура фразео-семантической группы *empêchement* // Иностранные языки: Сб. статей. М., 1974. Вып. 10.

Л. А. Чеславская
Брянский
пединститут

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СТРУКТУРЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП «ГЛУПОСТЬ»,
«ЛЕГКОМЫСЛИЕ»
(на материале французского
и немецкого языков)**

Сопоставительные исследования, позволяющие проникнуть в сущность процесса фразеологизации, установить межъязыковые сходства и различия, обнаружить общие для всех языков закономерности, имеют важное значение для разработки общей теории фразеологии. Изучение фразеологических систем языков в целом может быть успешным лишь при условии тщательного анализа отдельных подсистем и микросистем как носителей общих и специфических признаков, свойственных всей системе. Большая часть современных исследований по сопоставительной тематике осуществляется на уровне конкретных фразеологических единиц или отдельных фразеологических групп и разрядов [см.: 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11 и др.].

В настоящей статье проводится параллельное описание эквивалентных фразеосемантических групп французского и немецкого языков с целью выявления общего и специфического в их внутренней организации. Исследование осуществляется на парадигматическом уровне без учета контекстуальных связей фразеологических единиц: 1) определяется характер парадигматических отношений между фразеологическими единицами (ФЕ) в составе фразеосемантических групп в каждом из языков и приведение их в систему; 2) сопоставляются результаты анализа для выявления сходства и различий в отношениях между элементами эквивалентных групп в обоих языках. Материалом послужили пейоративные субстантивные фразеологические единицы (СФЕ), содержащие отрицательный оценочный компонент либо в денотативном, либо в коннотативном аспекте их значения, отобранные путем сплошной выборки из наиболее авторитетных фразеографических источников французского и немецкого языков. Общий объем выборки равен 700 СФЕ. Выделенные СФЕ объединены во фразеосемантические группы (ФСГ), при этом под ФСГ понимается совокупность фразеологизмов «с общим семантическим инвариантом, обусловленным единой тематической принадлежностью и единой оценочностью» [12].

Непосредственным объектом исследования явились две частные ФСГ «глупость» (отрицательная оценка интеллектуальных качеств человека) и «легкомыслие» (отрицательная оценка моральных качеств человека), относящиеся в обоих языках к числу наиболее фразеологичных. Высокую фразеологичность названных ФСГ можно объяснить тем, что ФЕ, входящие в их

состав, обозначают качества, имеющие важное значение для жизни и деятельности человека. Сопоставляемых СФЕ со значением «глупость» во французском языке 18, в немецком — 9; со значением «легкомыслие» во французском — 6, в немецком — 5. Различие в количественных характеристиках рассматриваемых ФСГ объясняется тем, что французский язык располагает более широким, чем немецкий, арсеналом фразеологических средств выражения отрицательной оценки применительно к одним и тем же явлениям действительности.

В соответствии с задачами исследования применительно к ФСГ в каждом из языков использовался метод семантического анализа с опорой на словарные дефиниции, дополненный затем сопоставлением внутренней организации эквивалентных ФСГ в обоих языках.

Принятое в статье понимание ФСГ позволяет предположить, что отношения между ФЕ, входящими в ее состав, могут носить синонимический характер. Иными словами, ФСГ представляет собой синонимический ряд, который должен рассматриваться не как группа «абсолютно тождественных ФЕ, а как совокупность синонимов, имеющих самые разнообразные индивидуальные признаки и способных в силу этого выполнять не только функцию равноценной взаимозамены, но также служить средством уточнения мысли и стилистического варьирования средств выражения» [14]. Отношения между членами ФСГ могут рассматриваться с точки зрения их образной, смысловой и коннотативной дифференциации.

В ФСГ «глупость» входят следующие французские СФЕ: *grande dinde* (разг.) — *большая дура*, *âne bêté* — *набитый дурак*, *à trente-six / à vingt-quatre, à vingt-trois / carats* — *круглый дурак*, *fou de bécarre et de bémol* (разг.) — *набитый дурак*, *maître sot* (пренебр.) — *дурак, олух*, *romme à l'eau* — *круглый дурак*, *fleur de pave* (апро) — *дурень, олух*, *tête de chou* (разг.) — *дурная башка*, *cerveau vide* — *безмозглый, пустоголовый человек*, *cervelle de moineau* — *безмозглый человек*, *grosse bête* — *дуралей, дурак*, *vieille noix* (фам.) — *дурень, недотепа*, *abruti de Chaillot* — *болван*, *grosse caboche* — *пустая башка*, *esprit creux* — *пустая голова*, *cerveau léger* — *недалекий человек*, *cervelle creuse* — *безмозглая голова*, *tête de lard* (прост.) — *дурная башка, тупица*;

немецкие СФЕ с тем же значением:

eine dumme (alberne) Gans (разг., бран. слово) — *дура*, *eine dumme (blöde) Ziege* (разг., фам.) — *дура*, *eine dumme Trine* (разг., фам. груб.) — *дура, дуручка*, *ein blöder Sack* (разг., фам.) — *дуралей, дурачина*, *ein dummes (albernes) Huhn* (разг., фам.), *ein dummes Luder* (разг., фам., груб.), *ein dämlicher Affe* (разг., фам.) — *дурак, идиот*, *ein dämliches Aas* (разг., фам.) — *дурень, дуралей*, *geistiger Kleinrentner* (разг. презр.) — *духовно убогий человек*.

Все французские СФЕ, входящие в ФСГ «глупость», могут быть отнесены к числу образных с различными ассоциативными признаками [см.: 4]. Так, значения ряда СФЕ возникли по сходству с образами животных (индюшка, осел, свинья, воробей): *grande dinde*, *âne bête*, *tête de lard*; растениями — *potte à l'eau*, *vieille noix*. Многие СФЕ данной ФСГ связываются с представлением об органах мышления: *cerveau vide*, *cervelle creuse*, *tête dure*, *grosse caboche*. В основе фразеологических образов могут лежать и ассоциации из области практической и творческой деятельности человека: *sot à trente-six carats*, *fou de bécasse et de bémol*.

Синонимический ряд анализируемой ФСГ констатирует семантические и стилистические ограничения в употреблении СФЕ.

Ядро синонимического ряда составляют нейтральные СФЕ, имеющие в лексикографических источниках сходные толкования: *cervelle de moineau*, *esprit creux*, *cerveau léger*, *cerveau vide*. Они выделяются общей семьей «глупость, отсутствие интеллектуальных способностей».

Между членами синонимического ряда выявляются семантические различия разного вида.

Различие в степени интенсивности выражаемого признака: значение ряда СФЕ, не выходя за рамки семантического инварианта, подчеркивает абсолютное отсутствие у человека интеллектуальных способностей: *sot à trente-six / à vingt-quatre* — «*sot parfait*» [17]; *à vingt-trois / carats* — «*celui qui est très sot*» [16]; *âne bête* — «*un homme très fort ignorant*» [16].

Различия в семантических оттенках значения СФЕ, которое может быть продемонстрировано на примере следующих фразеологизмов: *abruti de Chaillot* — «*personne stupide comme une brute, hébétée*» [18] (основное значение с семантическим оттенком «грубость», «туповатость»); *grosse bête* — «*personne bête, naïve*» [18] (значение содержит семантический оттенок «простоватость»).

Семантическое различие, свойственное СФЕ, значение которого содержит эмоциональную окраску, так, СФЕ *maître sot* отличает от других единиц с аналогичным значением оттенок презрительности.

Стилистические различия между синонимичными СФЕ в данной ФСГ возникают вследствие их принадлежности к различным функциональным стилям. Будучи семантически равноценными, они имеют различную сферу употребления: *potte à l'eau* (фам.), *fleur de nave* (апро), *tête de chou* (разг.) — «*imbécile*» [17].

Функционально-стилистические различия могут сочетаться с семантическими, например СФЕ *fou de bécasse et de bémol* (разг.) противопоставлена синонимичным единицам по степени интенсивности выражаемого признака и принадлежности к разговорному стилю и т. д.

Анализ отношений между синонимичными СФЕ в составе эквивалентной ФСГ немецкого языка показал следующее. В пределах исследуемого синонимического ряда немецкие СФЕ различаются по видам образности. В основе фразеологических образов лежат ассоциации с животными (коза, гусь, обезьяна): *eine blöder Gans*, *ein dämlicher Affe*, с предметами обихода: *ein blöder Sack*, с понятиями из социальной сферы: *geistiger Kleinrentner*.

В составе ФСГ можно выделить СФЕ, совпадающие по значению и сфере употребления (равноценные, адекватные синонимы) [8, 10]: *eine dumme Gans* (разг., фам.), *eine blöde Ziege* (разг., фам.), *ein albernes Huhn* (разг. фам.) — *eine dumme weibliche Person* [15].

Различия между СФЕ связаны с разными семантическими оттенками, сочетающимися с инвариантной семой «глупость». Например: *eine dumme Trine* (разг., фам.) — *einfältige törichte, Person* [15] (семантический оттенок «сумасбродство»); *ein dämlicher Affe* (разг., фам.) — *ein dummer eingebildeter Mensch* (семантический оттенок «самоомнение, чванство»).

Между членами исследуемого синонимического ряда не отмечено абсолютных функционально-стилистических различий, они сопровождаются, как правило, различиями в оттенках семантического значения, а иногда и в эмоциональной окраске: *geistiger Kleinrentner* (разг., презр.) — *beschränkter, geistig anspruchloser Mensch* [15] (в значении СФЕ присутствует семантический оттенок «непритязательность», одновременно она отличается от других элементов ФСГ принадлежностью к разговорному стилю и наличием эмоциональной окраски).

В состав ФСГ «легкомыслие» вошли такие СФЕ, как французские *esprit léger, tête (homme) sans cervelle, tête vagabonde, tête écervelée (de linotte, à l'évent), mauvaise tête légère*, немецкие *Hans Liederlich* (разг.), *Hans Ohnesorge* (разг.), *ein leichter Bruder* (разг., неодобр.), *ein loser Vogel* (разг., фам.), *ein lockerer Zeisig* (разг., фам.).

Французские СФЕ, объединенные в данную ФСГ, как и СФЕ, входящие в состав проанализированной выше группы «глупость», характеризуются разными видами образности. Образы СФЕ рассматриваемой группы преимущественно связываются с понятиями о мыслительной способности человека и об отсутствии мышления у животных: *легкость (tête légère)*, *пустота (tête sans cervelle)* и др.

Между членами синонимического ряда, лежащего в основе анализируемой ФСГ, не отмечено стилистических различий, все они относятся к нейтральному стилю, сближаются по значению и по употреблению: *tête sans cervelle, tête écervelée, tête légère* — *étourdi* [17].

Вместе с тем СФЕ, совпадающие по употреблению, могут различаться оттенками значения: *esprit léger* — *celui qui a peu*

de profondeur, de sérieux, inconsistant [18] (семантический оттенок «неосновательность», «поверхность»); tête vagabonde — celui qui change sans cesse, n'est pas fixé, tenu par une règle ou par une disposition naturelle [18] (семантический оттенок «беспорядочность»).

Между элементами эквивалентной ФСГ в немецком языке также существует различие по видам образности. Их значения связываются с образами животных (ein lockerer Zeisig, ein loser Vogel), с понятиями из социальной сферы (ein leichter Bruder) и др.

В составе группы можно выделить синонимичные СФЕ, совпадающие по употреблению, значению и эмоциональной окраске: ein loser Vogel (разг., фам., шутл.), ein lockerer Bruder (разг., фам., шутл.), ein lockerer Zeisig (разг., фам., шутл.) — ein Mann ohne sittlichen Halt, licherlich [19].

Между синонимичными СФЕ рассматриваемой ФСГ не отмечено абсолютных функционально-стилистических различий, они выступают в сочетании с семантическими. Семантические различия представлены оттенками значения: Hans Licherlich (разг.) — licherlicher Mensch [19] (оттенок значения СФЕ «безалаберность», «беспорядочность»); Hans Ohnesorge (разг.) — sorgloser, leichtsinniger Mensch [19] (оттенок значения СФЕ «беспечность», «беззаботность»).

Сопоставив отношения между элементами эквивалентных ФСГ «глупость» и «легкомыслие» во французском и немецком языках, можно отметить следующее: 1) в обоих языках эти отношения носят синонимический характер; 2) парадигматика членов синонимических рядов обнаруживает оппозитивные связи по видам образности, семантическим оттенкам значения, семантическим оттенкам значения в сочетании со стилистической и эмоциональной окраской; 3) только для французского языка характерны оппозитивные связи между синонимичными фразеологизмами по степени интенсивности выражаемого признака, принадлежности к различным функциональным стилям.

Таким образом, коррелятивность синонимичных СФЕ в составе проанализированных ФСГ развивается по линии семемно-денотативных и экспрессивно-стилистических оттенков, при этом французский язык характеризуется более широкой сферой семемно-денотативных и стилистических корреляций, чем немецкий.

---

1. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.

2. Гатиатуллина З. З. Сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом — глаголом движения (на материале английского, немецкого и шведского языков): Автореф дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

3. Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1973.

4. *Зибуцайте Э. И.* Глагольные фразеологические синонимы в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
5. *Куркова Л. С.* Структурно-семантические модели фразеологизмов семантического поля «мышление» в немецком и русском языках. М., 1979.
6. *Назаров К.* Сопоставительно исследование фразеологических единиц с ономастическим компонентом немецкого, английского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
7. *Неведомская О. М.* Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.
8. *Сидоренко М. И.* Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л., 1982.
9. *Траутман Ф.* Сравнимое и несравнимое в немецко-русских фразеологизмах // Русский язык в национальной школе. 1977. № 1.
10. *Чернышева И. И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
11. *Чеснокова Е. Н.* О семантике субстантивных фразеологических единств немецкого и русского языков // Труды МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978. Вып. 118.
12. *Шорабаева Н. К.* Оценочная функция фразеологических единиц в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
13. *Французско-русский фразеологический словарь* / Под ред. Я. И. Рецкера. М., 1963.
14. *Ходос Б. С.* Синонимия фразеологизмов в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
15. *Friederich W.* Moderne deutsche Idiomatik. München, 1966.
16. *Littre P. E.* Dictionnaire de la langue française. Monte-Carlo, 1968.
17. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions figurées. P., 1984.
18. *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 1980.
19. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*: In 6 Bd./Hrsg. von R. Klappenbach, W. Steiniz. Berlin, 1961—1977.

Парадигматические отношения в языке. Свердловск, 1989.

О. Г. Путырская
Свердловский
пединститут

БЕЗМОРФЕМНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи давно пришли к более широкому пониманию словообразования, не полагая его только морфемным. Терминологически существуют несколько названий этого явления: безморфемное словообразование, семантическое, словообразование, ориентированное на содержание, и т. п. Лингвистическая суть названий одна, и в основу их положено понимание словообразования как процесса безморфемного пополнения словарного состава средствами самого языка [4, с. 3—12]. Семантическое словообразование установлено и во многих аспектах описано и для русского языка. Выявлены специфика соотношения производящего и производного при семантическом словообразовании, особенности словообразовательных типов и многие другие вопросы теории и практики словообразования [2, 3].

Являясь языковой универсалией, безморфемное словообра-

зование (далее БС) специфически присуще отдельным языкам. Представляется, что специфика БС в отдельном языке зависит от следующих факторов: лингвистической природы регулярных способов номинации в конкретном языке; морфологического типа языка; национального языкового сознания (национальной языковой традиции). Можно предвидеть возражения и замечания по поводу смешения таких разноуровневых явлений. Однако и традиционно изучаемое морфемное словообразование часто выступает как синтез лексики и грамматики, отдельного слова и текста, фонологии и морфологии. Словообразование — это наиболее выразительная область соприкосновения и взаимодействия уровней языка. Иногда в современных работах наблюдаются весьма бесплодные попытки их условного разделения.

Установлено, что отношения производности при БС возникают на основе внешнего сходства и разнообразных ассоциаций смысла между производящим и производным. Богатейшие ассоциативные связи между лексическими единицами — имманентная черта французской лексики в целом. Французские лингвисты неоднократно отмечали абстрактный характер французского языка [5]. Внешнее сходство лексем так же частотно во французском языке из-за распространенности омонимии, в частности омонимии-омографии, которая сложилась в результате исторического развития лексики и расхождения значений многозначного слова. Внешнее сходство лексем частотно и из-за легкого взаимопроникновения частей речи в современном французском языке. Многие лексические значения, представляющие собой единое неразделимое смысловое целое, выражены расчлененно. Таким образом, безморфемное словообразование распространено в современном французском языке едва ли не шире, чем морфемное. Перечисленные явления достаточно изучены, но не с точки зрения словообразования, без применения методики словообразовательного анализа. В описании системы французского словообразования существует значительный пробел — исключена огромная сфера пополнения словарного состава языка. Данная статья не претендует на полное описание БС во французском языке. Ее цель — выявить типологию БС в современном языке и наметить возможные пути его исследования.

Практически все части речи современного французского языка пополняются за счет БС. Причем можно отметить существование единиц, занимающих промежуточное положение между морфемным словообразованием и БС. Таков, например, случай одноосновных лексем *considérer* — *considération* — *considérable*. В этом ряду значение прилагательного удалено от значения глагола и, несмотря на формальную морфемную производность, явно граничит с БС. Подобных примеров в разных сочетаниях во французском языке много. Предварительный, самый общий анализ языкового материала позволяет констати-

ровать взаимопроникновение и перекрещивание различных способов БС у разных частей речи, поэтому в обзорной работе целесообразно рассматривать их в совокупности, отмечая большую выраженность отдельных типов и их частотность у определенных частей речи.

Наиболее частым результатом БС в современном французском языке представляется лексическая омонимия. Однако под этим обобщающим названием скрывается целый ряд типов БС. Расхождение значений многозначного слова, приводящее в конечном итоге к омонимии, проходит множество стадий — от сужения или расширения значения слова, разной природы переносов смысла до полного его переосмысления. Некоторые стадии, еще не достигнув омонимии, представляют собой БС, требующее особого изучения и систематизации. Следует отметить, что уже специализацию значения лексемы (сужение или перемещение) можно считать БС, хотя специализация значения может предшествовать собственно омонимии. Наглядно иллюстрирует это предположение семантическая структура слова *le cadre*. Основное значение слова — «рамка, окружающая зеркало, картину, панно». Его специализированные значения — «гамак, постель в кубрике из полотна, укрепленная на деревянном шасси» (морская лексика), и «рама окна», «косяк двери» (строительные термины). Эти значения образуют самостоятельные лексемы, функционирующие в замкнутых сферах лексики; правомерно считать их БС. Другое значение лексемы: «то, что ограничивает пространство, сцену, действие» — представляется второстепенным. Полная омонимия проявляется в значениях «личный состав войск», «кадры предприятия» и сравнительно новое значение «руководящий состав промышленного предприятия». Три последних значения сопровождаются сменой артикля м. р. ед. ч. на артикль мн. ч., и в этих значениях лексемы употребляются только с названным артиклем. БС формируется не только омонимией и омографией, но и изменением грамматических характеристик слова: *le calculateur* — *la calculatrice*, *le voile* — *la voile*. Подобное БС сопровождается контекстуальной актуализацией значения, которая может осуществляться сопровождающим словом (*mettre la table*, *mettre au courant*, *mettre des chaussures*) и быть дистантной, обусловленной общим смысловым содержанием текста.

Особые случаи контекстуально обусловленного БС образует многочисленная группа глаголов, которые в прономинальной форме полностью изменяют свое лексическое значение: *mettre* — *se mettre à faire qch*, *passer* — *se passer de qch*. Наблюдается большое количество промежуточных случаев — от сдвига значения *effacer* — *s'effacer* до полного БС. Частотное явление для французского языка — контекстуально обусловленное употребление одного и того же глагола в качестве переходного и непереходного — тоже создает условия для возникновения БС.

Достаточно сравнения значений глагола *finir* переходного и непереходного. Их изучение с точки зрения БС в синхронном и диахронном планах внесло бы существенный вклад в разработку теории словообразования и семантики глагола. Контекстуальная обусловленность значения лексемы во французском языке лежит в основе многих регулярных случаев БС, которые являются результатом переосмысления. Установлено, что переосмысление составляет во французском языке 70 % случаев создания номинации [1, с. 47]. Рассмотренные выше случаи БС имеют аналогии с теми типами морфемного словообразования, которые оставляют лексему в рамках той же части речи и не меняют ее денотативного значения.

Вторым по частотности результатом БС представляется переход значения от предметности к действию, от признака к предметности, т.е. имеющий прямые аналоги в морфемном словообразовании — переход из одной части речи в другую. В традиционном словообразовании он назван либо синтаксической деривацией, либо конверсией и содержит несколько типов, свойственных как определенным частям речи, так и универсальным для большинства частей речи во французском языке. Наиболее легко пополняется способом конверсии класс существительных, наименее проницаем класс глаголов. Во французской лингвистической литературе отмечена возможность отнесения конверсии к БС, отмечен и очень высокий уровень абстракции этого способа словообразования [7, с. 73—74] *.

К конверсии примыкает контекстуальное БС с помощью предлогов, в результате которого образуются так называемые аналитические слова. Их семантическая структура сложнее семантической структуры конверсии, так как предлог способствует не только новой грамматической актуализации производной единицы, но и переосмыслению лексического значения производного. Особенности таких лексем: расчлененное выражение лексического значения, фразеологичность лексического значения, утрата составными элементами грамматической автономии. Подобные лексемы пополняют класс наречий: *à pied, en vain, d'habitude* — и прилагательных: *(santé) de fer, (rue) de ville*, — выражая словообразовательную семантику соответствующих частей речи (образ действия, признак и качество). По мере усложнения структуры аналитических лексем, введения в их состав частей речи усложняется структура их значения, и они выражают уже местонахождение в пространстве, способ действия, предметность и т.д. Наибольшее разнообразие форм и содержания (структуры и семантики) представляют глагольные аналитизмы, часть из которых представляет собой

---

* Способ словообразования, названный нами в статье безморфемным способом, получил у французских лингвистов название *péologie sémantique*. И хотя он изучается ими не на уровне словообразования, его суть и механизм описаны как словообразовательные [6, с. 186].

аналоги, или синонимы, неаналитических лексем типа: *donner un conseil — conseiller, prendre place — s'asseoir*, — а другие таких аналогов и синонимов не имеют: *mettre fin/finir, faire une piqûre/piquer*. Их аналоги могут быть выражены формально различающимися (неодноосновными) лексемами, семантика которых даже при аналогии структуры неоднородна, так как одни соответствуют однокоренному именной части аналитизма глаголу (*mettre en vente — vendre, donner des soins — soigner*), другие — неоднокоренному именной части глаголу (*mettre le feu — incendier*), третьи эквивалентны только аналитическим лексемам и не имеют аналогов среди синтетических лексем (*faire une piqûre — faire une injection*).

Изучение БС в современном французском языке, по нашему мнению, должно идти по следующим направлениям:

— типологизация структуры лексем, образованных безморфемным способом;

— определение специфики отношений производности;

— обнаружение семантической соотносимости с морфемным способом словообразования, проливающее свет и на каждый способ в отдельности, и на систему словообразования в целом;

— выявление стилистических особенностей лексем, образованных БС.

Названные направления можно рассматривать как наиболее общие задачи изучения БС. Углубление в каждую из них вызовет необходимость решения многих частных задач, связанных с определением лингвистического статуса конкретных типов. Изучение становления способов и типов БС в диахроническом аспекте представляет собой огромное поле деятельности для лингвистов.

-
1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
  2. Данилова З. П. Адъективные образования от прилагательных со значением цвета // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984.
  3. Еселевич И. Э. Словообразовательный тип при семантическом словообразовании // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ижевск, 1982. Вып. 2.
  4. Марков В. М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984.
  5. Brondal V. Le français, langue abstraite. P., 1936.
  6. Désirat C., Hordé T. La langue française au 20e siècle. P., 1976.
  7. Guilbert L. La créativité lexicale. P., 1975.

Е. В. Аверьянова
Ленинградский
университет

ОППОЗИЦИЯ DE/DES КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ИМЕНИ

Артикль множественного числа *des*, самый поздний из элементов системы французского артикля, до сих пор не получил однозначного отражения в грамматиках. Разногласия в трактовке *des* обусловлены сосуществованием трех омонимичных форм, выделяемых Ж. Дюбуа [1, с. 154]: *des* — сочетание «предлог + определенный артикль»; *des* — партитивный артикль; *des* — неопределенный артикль. Возникшая в XI—XII вв. форма получает распространение лишь во второй половине XVI в. и определяется для этого периода либо как партитивный артикль [1, 6, 9, 17], либо как две омонимичные формы партитивного и неопределенного артиклей [3, 8, 13].

Современный артикль *des* также определяется весьма противоречиво. Можно выделить четыре тенденции в трактовке этой формы: одни ученые рассматривают *des* как предложное сочетание (слитный артикль), другие — как партитивный артикль [4, 18], третьи — только как неопределенный артикль [2, с. 29; 5, с. 494; 11, с. 61; 16, с. 30] и, наконец, последние — как неопределенный и партитивный артикль [3, 8, 10, 12, 14].

Противоречивость трактовки значения *des* в современной лингвистике обусловлена тем, что становление формы не получило достаточного освещения в исторических грамматиках, где изменение значения артикля лишь механически регистрируется. В целях преодоления разрыва между описательным уровнем представления исторических данных о форме *des* и теоретическим анализом современных форм следует обратиться к периоду возникновения *des*. Тексты XI—XII вв. свидетельствуют о наличии двух форм — *de* и *des*, выполняющих, на первый взгляд, одну смысловую функцию: выделение неопределенной части из определенного объема. Ср.: *Cligès, tant con lui plot et sist, D'avoir et de conpaignons prist* (Cliges, 4283—4284) — *Клижес взял имущество и спутников, сколько хотел*; *Getro lor dist: seignors, des dras Me donez de saint Nicolas...* (Saint Nicolas, 968—969) — *Джетро им сказал: господа, дайте мне от одеяний святого Николая*. Поскольку нам известен результат эволюции форм артикля, *de* может показаться формой более архаичной и «незрелой» по сравнению с *des*. Однако обращение к более обширному языковому материалу эпохи дает иное объяснение роли *de*.

В языке XI—XII вв. категория определенности регулярно находила выражение на языковом уровне: из 2202 существительных конкретной семантики ед. и мн.ч. 2037, или 92,6 %, сопровождаются артиклями *le* и *les*, из 964 существительных

абстрактной семантики 674, или 69 %, сопровождаются артиклями, ср.: *Sire compere, ouvrez moi l'uis!* (Renart, III, 216) — *Кум, откройте же мне двери!* или: *De noif furent les voies blanches* (Renart, III, 435) — *От снега дороги стали белыми.* Ср. с именами абстрактной семантики: *Morz est — mes vos ne le savez — Vostre oncles del duel* que il ot... (Cliges, 6724—6725) — *Скончался — но вы этого не знаете — дядюшка ваш от горя...* и: *Devant envoie l'escuirol Por les noveles apporter* (Renart, XI, 2476—2477) — *И белку вперед посылает Новости сообщить.*

Категория неопределенности, напротив, имела относительно устойчивый показатель ип только для имен конкретной семантики ед.ч. (685 имен, или 60,3 %, из 1135 сопровождаются артиклем), а группы имен конкретной семантики мн.ч. и имен абстрактной семантики ед. и мн.ч. не имели постоянного грамматического показателя; ип оформляет лишь 135 из 1091, или 12,4 %, абстрактных имен; артикль мн.ч. ипс ввиду ограниченной лексической сочетаемости непродуктивен, а артикль *des* еще не утвердился. Ср.: *...Del sanc i aveit granz ruisseaus de ceus qui muerent a tropeaus* (Roman de Troie, 7193—7194) — *...И были там реки крови тысяч умирающих* и: *Mes sire Ivains l'espee tret Don savoit granz cos ferir* (Ivains, 4206—4207) — *Мессир Ивэн вынимает меч, которым он умеет наносить сокрушительные удары.*

Следовательно, различие в уровне смысловой детерминации имени (определенность — неопределенность) в рассматриваемый период опирается на оппозицию определенный артикль — неопределенный артикль ип или нулевой знак. Формы *de* и *des*, вступающие в столь своеобразную систему детерминации, различались функционально. Форма *des* (как *de+les*) означала неопределенную часть определенного целого, что нашло отражение в исторических грамматиках. Так, в высказывании *Prepons des escuz et des lances As traiteurs qu'ocis avons* (Cliges, 1846—1847) — *Возьмем от мечей и копий предателей, которых мы убили* *des escuz et des lances* означает «часть определенных мечей и копий», и *des* имеет партитивное значение. Здесь сохраняется преемственность с позднелатинским предлогом *de* в значении партитивного генитива (см. об этом [18, 21—22]). В строе латинского языка качественная определенность объема, от которого отделяется часть, не имела языкового выражения и выявлялась только в ситуации, ср.: *...Affertur locus in quo est lignum sanctum crucis ... ponitur in mensa tam crucis quam titulus ... nescio quando quidam fixisse morsum et furasse de sancto ligno* (Peregrinatio ad loca sancta, XXXVII) — *...Приносят ларчик ... в котором хранится святое дерево креста ... кладут на стол крест с надписью ... я не знаю, когда какой-то человек откусил от святого дерева и унес.* Отделительный предлог с количественным значением *de*

в приведенной речевой последовательности предваряет ситуативно определенный компонент. Позднелатинские тексты свидетельствуют также об употреблении *de* перед существительными мн.ч. конкретной и абстрактной семантики: ...*Leguntur lectiones sic: legitur primum de psalmis ... sive de epistolis apostolorum (Peregrinatio) — ...Молитвы читаются так: читается первый из псалмов, а также из посланий апостолов ...* или: ...*Dederunt nobis presbiteri loci ipsius eulogias, id est de pomis que in ipso monte nascuntur (Peregrinatio, ibid.) — ...И на том месте, давали нам пресвитеры дары, то есть от яблок, что на этой же горе произрастают...*

В старофранцузском языке качественная определенность множества, как правило, эксплицируется при помощи определенных артиклей *le, les*, поэтому значение, выражавшееся в латинском языке исключительно предлогом *de*, в старофранцузском языке выражается слиянием предлога с артиклем *les*, т.е. формой *des* [6, 7]. Исследованный материал показал, что в отличие от слитного артикля *des* форма *de* несет иную смысловую нагрузку: *Mout ert li temples chiers tenuz: La aoroënt lor vertuz, La faisent lor sacrefises Icil de la terre a lor guise, E ofreient de riches dons (Roman de Troie, 4267—4272) — Храм содержался очень богато: Там почитали святых. Там совершали жертвоприношения жители этой страны по своему обычаю И подносили богатые дары...* *De riches dons* подразумевает неопределенное множество, при этом *de* теряет конкретное отделительное значение и не является предлогом. Ср.: ...*Lor ont de morteus plaies faites (Roman de Troie, 4568) — ...Нанесли им смертельные раны.* Традиция нарушена: *de* в подобном употреблении представляет собой новороманское образование и качественно отличается от своего позднелатинского омонима *de*. Во втором и двух последних примерах старофранцузский *de* являет собой следующую ступень в развитии формы: это уже не предлог, а артикль, т.е. форма, лишенная исконного значения партитивности, ставшая маркером неопределенности. Употребление *de* при абстрактных именах неопределенной соотнесенности свидетельствует об артиклевой сущности этой формы: *Mais j'ai fet de molt grant pechez... (Renart, I, 1385—1386) — Но я совершил очень тяжкие грехи ...* или: *Renars li fet de grans anuis: de la poudre li gete ou vis (Renart, VI, 1299—1300) — Ренар доставил ему большие неприятности: Пылью кинул в лицо.*

Итак, на основании вышеизложенного можно заключить, что в старофранцузском языке система детерминации использовала формы *de* и *des* в различных целях:

1) *des* относился к сфере определенности и являлся предложным сочетанием, этимолом партитивного артикля *des*;

2) *de* функционировал в сфере неопределенности в качестве неопределенного артикля при именах множественного числа, не

имеющих в рассматриваемый период другого грамматического показателя. Таким образом, в позднелатинском и старофранцузском языках налицо симметрия значений и соответствующих показателей.

Со временем это соответствие нарушается: артикль *des* в современном французском языке функционирует как показатель неопределенности и как показатель партитивности, и лишь контекст снимает полисемию формы. Форма *de* теряет прежний статус показателя неопределенности и становится вариантом артикля *des*.

-
1. Илия Л. И. Артикль во французском языке. М., 1956.
  2. Илия Л. М. Очерки по грамматике современного французского языка. М., 1970.
  3. Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. P., 1949.
  4. Clédât L. La préposition et l'article partitif // Revue de Philologie française. 1901. T. XV. 2.
  5. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée. P., 1927. T. 1.
  6. Darmesteter A., Hatzfeld A. Le seizième siècle en France. P., 1923.
  7. Dubois J. Grammaire structurale du français. P., 1961.
  8. Dubois J., Lagane R. La nouvelle grammaire de la langue française. P., 1973.
  9. Foulet L. Petit syntaxe de l'Ancien Français. P., 1923.
  10. Frei H. Franches homophones (à propos de l'article partitif du français) // Word. 1960. Vol. 16 N. 3.
  11. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. P., 1919.
  12. Gougenheim G. Système grammatical de la langue française. P., 1938.
  13. Guiraud P. L'Ancien Français. P., 1965.
  14. Guiraud P. Le Moyen Français. P., 1963.
  15. Kukenheim L. Grammaire historique de la langue française. Les parties du discours. Leiden, 1967. Vol. 13.
  16. Normand Cl. Comment l'article cessa d'être un «petit mot» // Langue française. 1982. 55.
  17. Nyrop Kr. Grammaire historique de la langue française. Copenhague, 1903. T. 2.
  18. Wilmet M. Le système de l'article française: un bilan critique // Travaux de linguistique et de littérature. 1980. T. 18. N 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Cligès	— Troyes Chr. de. Cligès. Haale, 1901.
Yvain	— Troyes Chr. de. Yvain. Haale, 1912.
Peregrinatio	— Peregrinatio ad loca sancta // Corpus scriptorum latinorum. Itinera Hiersaolymitana. Prague; Vindobonae; Lipsiae, 1898. Vol. XXXVIII.
Renart	— Le Roman de Renart. Strasbourg; Paris, 1882. Vol. 1.
Roman de Troie	— Benoit de Sainte-Mause. Le Roman de Troie. P., 1904. Vol. 1.
Saint Nicolas	— Maister Wace's. Sain Nicolas. Bonn, 1850.

Н. Н. Лыкова
Свердловский
пединститут

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПОБУЖДЕНИЕ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Характер побуждения неоднороден. Это отражают и понятия, использующиеся для определения модуса побуждения. В систему понятий, объединяемых общим значением «побуждение» входят такие, казалось бы, исключаящие друг друга слова, как *команда, увещевание, предложение, мольба* и др. В многочисленных работах, посвященных проблемам побудительности, смысловые оттенки побуждения классифицируются чаще всего интуитивно и субъективно на основании очевидного противопоставления понятий «приказание», «совет», «просьба».

В данной статье сделана попытка на основе объективных критериев очертить границы лексико-семантической группы побуждения, установить семантические связи между понятиями и иерархию составляющих ее единиц.

Для реализации этой задачи используется метод исследования синонимов на основании анализа семантических схождений и расхождений слов, предложенный и разработанный В. Г. Вилюманом и его последователями [3, 4, 7, 8]. Суть этого метода состоит в том, что значение слова понимается как его словарное толкование [2], и семантико-смысловая общность слов, следовательно, проявляется в общности их словарных толкований. Таким образом, для уточнения качественного и количественного состава микросистемы побуждения, а также для установления семантической смежности слов применяется методика компонентного анализа значения слова по дефинициям.

В результате сравнительного анализа дефиниций толковых и синонимических словарей русского языка выделена полная группа понятий, отражающих разновидности побуждения [5, 6, 8]. Она состоит из 34 слов, которым соответствует эквивалентный набор семантических компонентов, образующих в разных комбинациях значение каждого понятия. Сравнение понятий, выражающих побуждение, проводится на основе матрицы семантических связей, составленной по методу В. Г. Вилюмана [2, с. 56—58, 77—81]. Матрица наглядно показывает, как слова соотносятся по числу общих и различных семантических компонентов. Получаемые с помощью такой матрицы результаты должны, во-первых, подтвердить или опровергнуть предположение о плавном переходе, взаимопроникновении значений, отсутствии резких, четко очерченных границ между понятиями, выражающими побуждение. Во-вторых, матрица позволяет установить доминанту ряда «побуждение», степень семантической близости понятий с доминантой и выстроить ряд «побуждение» по близости понятий с доминантой.

На матрице по вертикали расположены понятия, выражающие характер побуждения, по горизонтали — их семантические компоненты (см. с. 114). Семантические связи между словами могут быть непосредственными и опосредованными [2, с. 79]. Два слова семантически связаны непосредственно, если любое из них может быть компонентом значения другого члена пары, то есть слова истолковываются друг через друга. Например, *указание* объясняется через «распоряжение», а *распоряжение* — через «указание», или *совет* толкуется как «рекомендация», а *рекомендация* — как «совет». Слова могут быть связаны семантически опосредованно, если ни одно из них не является компонентом значения другого, но они имеют общий семантический компонент, названный третьим словом. Так, например, понятия «требование» и «предписание» семантически непосредственно не связаны, но у них — два общих компонента значения: «приказание» и «предложение». Аналогично *указание* и *приказ* обладают общими семантическими компонентами «распоряжение», «предписание», «повеление». Знаком + отмечены на матрице непосредственные семантические связи, выраженные в словаре эксплицитно. Но в словаре содержатся и имплицитные сведения о семантических связях между словами. Так, если слово *предостережение* трактуется словарем как «совет», то, очевидно, что и слово *совет* семантически связано со словом *предостережение*. Такие имплицитные непосредственные семантические связи обозначаются знаком +.

Семантической доминантой ЛСГ «побуждение», как показывает матрица, оказывается понятие «указание», превосходящее все слова ряда по числу своих семантических компонентов (всего 13) и входящее в качестве компонента значения в семантические структуры тринадцати членов ряда. Доминанта «указание» передает наиболее общее или инвариантное значение ЛСГ «побуждение»: «указание на то, что нужно сделать, как себя вести в той или иной ситуации, программирование поведения собеседника». Другие слова ряда относятся к доминанте как частное к общему. Если доминанта нейтральна, лишена экспрессивности, то слова, отстоящие от доминанты, воплощают еще и дополнительный эмоциональный оттенок значения, например «поучение», «назидание», «увещевание», «угроза», «приязнание».

Данная матрица отражает довольно сложную систему взаимоотношенности понятий, передающих побуждение. На матрице ясно видно, что общая система понятий в свою очередь сформирована из подсистем, связанных с доминантой опосредованно. Четко выделяются понятия, объединившиеся вокруг понятия «просьба», доминирующего в своей подсистеме. Но одновременно она связана с общей системой побуждения через семантические компоненты «требование» и «предложение», хотя и не имеющие непосредственной связи с доминантой «указа-

ние», но объединенные с нею семантическими компонентами «повеление», «совет». Подсистема «просьба» органично входит в общую систему побуждения еще и потому, что не только ее доминанта, но и элементы этого ряда связаны с семантическими компонентами общей системы. Так, *призыв* имеет общие семантические компоненты с понятиями «требование», «предложение»; *зов* — с понятием «требование», *приглашение* — с понятием «предложение».

В системе ЛСГ «побуждение» есть элементы, имеющие лишь один (или не имеющие вовсе) общий компонент значений с доминантой. Тем не менее они включены в систему и не могут быть изолированы, поскольку они объединены с ней другими (недоминантными) семантическими компонентами: *замечание* связано с этой системой через семантические компоненты «указание» (доминанта), «предупреждение», «предостережение»; *угроза* — через «требование», «предупреждение». На периферии системы находятся такие понятия, как «разрешение», «согласие». Итак, ЛСГ «побуждение» распадается на подсистемы и отдельные слова, которые сложным образом пересекаются друг с другом, включаясь в общую систему понятий, выражающих побуждение, так, что «в конечном счете создается своего рода иерархическое дерево» [2].

Таким образом, матрица подтверждает предположение о том, что понятия, отражающие модус побуждения, не представляют изолированные группы. Потенциально каждое понятие может заключать в себе все 33 семантических компонента, но фактически количество семантических компонентов побуждения для каждого понятия колеблется от тринадцати до одного. Разное количество семантических компонентов и их различная сочетаемость обуславливают плавный переход элементов в иное качество.

Матрица позволяет также вычислить семантическое расстояние каждого члена ряда от доминанты, т.е. устанавливается степень семантической близости понятий с доминантой. Расчет

производится по формуле $D = 1 - \frac{2q}{A_1 + B_1}$ [1, с. 248], где D — се-

мантическое расстояние от доминанты, q — число общих двум словам A и B семантических компонентов, A_1 — число семантических компонентов слова A , B_1 — число семантических компонентов слова B . За единицу принимается максимальное расстояние между двумя словами матрицы. Подобное вычисление дает возможность расположить понятия на шкале побуждения не произвольно, а основываясь на строгом математическом расчете. Последняя графа матрицы показывает уточненный вариант расположения элементов микросистемы «побуждение» по степени семантической близости с доминантой.

Категория побудительности универсальна. Языковые средства, ее выражающие, многообразны и различны в разных язы-

Понятия	Семантические компоненты																	Число семантических компонентов		
	demande	ordre	recommandation	orière	commandement	conseil	exhortation	sommaton	avertissement	avis	invitation	instruction	exigence	prescription	incitation	requête	sollicitation		implication	supplication
demande	■	+		+	+			+								+	⊕	+		7
ordre	⊕	■	⊕		+			⊕				+	⊕	+						7
recommandation		+	■		+	⊕	+		⊕	⊕										6
prière	+			■							+					⊕	⊕	⊕	⊕	6
commandement	⊕	+	⊕		■								⊕	⊕						5
conseil			+			■	+		+	+					+					5
exhortation			+			⊕	■			⊕	+				+					5
sommaton	+	+						■			+		⊕							4
avertissement			+			+			■	+		+								4
avis			+			+	+		⊕	■										4
invitation				+			+	⊕			■				+					4
instruction		+							⊕			■		+						3
exigence		+			+			+					■							3
prescription		+			⊕							+		■						3
incitation						+	+				+				■					3
requête	+			+												■	+			3
sollicitation	+			+												+	■			3
implication	⊕			+														■	+	3
supplication				+														+	■	2

ках. Но понятия, отражающие модус побуждения, в любом языке организованы в систему по единому принципу: группировка вокруг доминанты и плавный переход значений от наиболее общего к частным. В то же время дробление системы на более мелкие сегменты (подсистемы) и их распределение по полю могут не совпадать. Так, сравнивая матрицу французских терминов (здесь предлагается ее сокращенный вариант), характеризующих побуждение (см. с. 117), с аналогичной матрицей, составленной на материале русского языка, следует отметить, что доминантой французского ряда, вокруг которой объединяются остальные понятия, оказывается *conseil*. Факт размытости границ между понятиями, выражающими побуждение, справедлив и для французского языка. Однако если в русском языке в системе «побуждение» выделяется подсистема «просьба», то среди французских терминов — подсистема «*conseil*», непосредственно не связанная с доминантой. В нее входят такие понятия, как «*exhortation*», «*avertissement*», «*avis incitation*». Подсистема «*conseil*» связана с общей системой недоминантными семантическими компонентами «*recommandation*», «*instruction*», «*invitation*» [10].

Установив иерархию понятий на шкале побуждения, далее можно попытаться выявить, какими языковыми средствами выражается та или иная разновидность побуждения, установить закономерности и особенности такого употребления.

-
1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
  2. Вилюман В. Г. Английская синонимика: Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов. М., 1980.
  3. Вилюман В. Г. Семантические и функциональные связи слов и их синонимия в современном английском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1971.
  4. Путятина Е. И. Синонимическая группа глаголов, объединенных значением «думать», в английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
  5. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1—2. Л., 1970—1971.
  6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1938—1965.
  7. Сыроватская С. А. Синонимические замены и парафразы в несвободных сочетаниях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
  8. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.
  9. Шубина О. А. Антонимические отношения прилагательных в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
  10. *Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française* / Par P. Robert. P., 1979.

О. В. Петрова
Горьковский
пединститут
иностранных
языков

**О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ**

Понятие парадигматических отношений, возникшее в результате развития сосюрровского учения о синтагматических и ассоциативных отношениях между языковыми единицами, занимает в современном языкознании весьма своеобразное положение. Интуитивно почти одинаково понимаемое большинством лингвистов, оно, по сути, так и не имеет строгого определения. Если синтагматические отношения определяются прежде всего как линейные отношения единиц в речевой цепи (во всяком случае, можно утверждать, что линейные отношения в речевой цепи всегда синтагматические), то парадигматические отношения чаще всего лишь описываются, причем с привлечением таких далеко не лингвистических понятий, как выбор, ассоциации и т. д. Попытки ввести какие-либо чисто лингвистические критерии приводят к появлению взаимоисключающих определений или же к фактическому отрицанию того, что до сих пор имплицитно принималось за основу парадигматики.

Так, например, уточнение, состоящее в том, что парадигматически связанные слова должны принадлежать к одной части речи, приводит к значительному сужению понятия по сравнению с сосюрровскими ассоциативными отношениями (ср. его *enseignement — enseigner — enseignons* и т. д.) [см.: 5]. С другой стороны, утверждение, что единицы, находящиеся в парадигматических отношениях, должны быть потенциально способными заменять друг друга, что они претендуют на одно и то же место в акте коммуникации и имеют одинаковые синтагматические потенции, ставит под сомнение наличие парадигматических отношений между членами грамматической парадигмы [см., напр.: 3]. В самом деле, разные падежные формы одного существительного почти никогда не могут заменять друг друга в одном и том же высказывании, каждая из них синтагматически специализирована, так что вряд ли они могут претендовать на одно и то же место в акте коммуникации. Означает ли это, что они не связаны в системе языке парадигматическими отношениями?

Нередко, рассматривая парадигматически связанные единицы, отмечают «невозможность реального их объединения в акте речи» [1, с. 310]. Однако как в этом случае быть с высказываниями, содержащими перечисления, когда в одном акте речи, в синтагматической цепи объединяются слова, находящиеся в системе языка в парадигматических отношениях? При

этом парадигматический характер отношений может существовать между этими словами и на грамматическом уровне, ср.: *...это неизбежно и для меня, и для вас; Ее нет и не будет, успокоил я себя* (В. Орлов), — и на лексическом: *Дома, палаты, избы и усадьбы, бывшие здесь прежде, передали им и свои истории и свою память; ...дома эти сретенские в два-три этажа, желтые, белые, розовые, серые, и их голоса...; Просто бы распался я в московских суглинках и песках или бы, распавшись, все же оказался одним из тех, кто и родил, слепил, выковал, выдохнул, сберег гений и душу народа?* (В. Орлов).

Очевидно, что в уточнении нуждается и утверждение структуралистов о том, что «высказывание содержит именно столько единиц, сколько в нем различных актов выбора» [2, с. 456]. Думается, что количество актов выбора может быть исчислимым на фонетическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях, но не на лексическом. Однако даже и там, где это количество исчислимо, реальное многообразие парадигматических связей не позволяет свести процедуру выбора к методике коммутаций.

Можно представить себе, что появлению той или иной словоформы в высказывании должен предшествовать выбор между единицами некоторого тематического ряда (причем выбор и семантический, и стилистический) и выбор между всеми грамматическими формами этого слова в соответствии с уже выбранным вариантом грамматической конструкции. Думается, что в этой сложной цепи нельзя даже строго определить последовательность выбора — возможны переходы от конструкции к слову и наоборот, от слова к форме и наоборот. По-видимому, вступающие здесь в действие психические механизмы делают несостоятельными попытки описать выбор как чисто языковое явление.

Вообще говоря, если понимать парадигматические отношения как отношения, связывающие в системе языка единицы, находящиеся в отношении противопоставления, взаимозаменяемые (и в то же время взаимоисключающие), сводимые в минимальные пары и представляющие, таким образом, материал для выбора в процессе построения высказывания, то каждая двусторонняя единица окажется включенной в огромное множество парадигматических отношений. Кроме того, парадигматические отношения будут связывать между собой классы единиц, и при этом даже внутри одного класса придется говорить о парадигматике разных уровней. Именно в этом, вероятно, и кроется причина отсутствия строгого определения: поскольку вся система языка признана парадигматическими связями, определение их одновременно должно было бы стать определением всех существующих в системе видов связи между единицами и категориями.

В отношении частей речи восхождение по парадигматической лестнице можно представить себе следующим образом: все формы данного слова составляют его парадигму: все слова, имеющие одинаковую парадигму, составляют парадигматический класс слов (часть речи); все части речи связаны парадигматически внутри единой системы функционально-семантических классов слов. Действительно, если члены одной парадигмы — это некие варианты, объединенные общей инвариантной сущностью, то и каждый функционально-семантический класс (он же парадигматический класс, он же часть речи) — это один из вариантов выражения того или иного понятия. Собственно говоря, и понятийные категории могут рассматриваться как члены одной парадигмы, поскольку перед говорящим (думающим) каждый раз ситуация выбора: любое явление можно отразить как субстанцию, а можно — как признак. Далее, любой признак субстанции может быть представлен как связанный со временем (по терминологии А. Е. Супруна [6]) или предикативный (по терминологии А. Н. Савченко [4]) и как не связанный со временем, атрибутивный.

Действительно, одно и то же явление может быть описано как *луч солнца*, где устанавливается связь между двумя субстанциями, и как *солнечный луч*, где названы субстанция и ее признак. Одну и ту же ситуацию можно описать как *приход соседа* и *сосед пришел*. Иными словами, каждый раз возникает (или может возникнуть) выбор между разными способами языкового представления той или иной ситуации, отраженной нашим сознанием, причем выбор этот осуществляется на уровне функционально-семантических классов слов. В таком случае можно говорить о том, что все эти классы связаны между собой парадигматически, вместе они составляют парадигму способов выражения категорий мышления. Перешагивая за рамки языка, можно сказать, что и сами понятийные категории образуют парадигму способов отражений действительности. Именно эта парадигма и находит отражение в парадигме функционально-семантических классов слов.

Поскольку каждое явление объективной действительности может быть представлено либо в виде субстанции, либо в виде признака, эти две основные категории в том или ином виде находят отражение во всех языках. Конкретные же языковые формы их выражения варьируют от языка к языку. В особенности это касается признака, который, помимо указанных выше разновидностей, может также быть не только признаком субстанции, но и признаком признака. Всего, таким образом, возможны четыре основных способа представления в речи явлений объективной действительности: как субстанции, как предикативного признака субстанции, как атрибутивного признака субстанции и как признака признака. Им соответствуют и четыре основных функционально-семантических класса слов, ядро каж-

дого из которых составляют существительные, глаголы, прилагательные и наречия соответственно. Однако разные языки по-разному преломляют эти способы в своих языковых категориях.

Так, например, для выражения логической категории субстанции в разных языках используются разряды слов, обладающих различными грамматическими характеристиками. Более того, даже в пределах одного языка могут использоваться различные средства названия субстанции. Помимо основного разряда — существительных, это могут быть субстантивные слова, имеющие еще дополнительно категорию лица (личные местоимения*); это могут быть слова, представляющие в виде субстанции действие и обладающие грамматическими категориями залога и временной отнесенности (герундий в английском языке) и т. д. Да и сами существительные вовсе не являются одинаковыми по своим грамматическим свойствам в разных языках. Достаточно вспомнить способность имен становиться носителями залогового значения, скажем, в тагальском языке или деление имен на разряды в зависимости от размера обозначаемых предметов в кирунди, склоняемость существительных в одних языках и несклоняемость в других. Общим для всех этих классов и разрядов слов в разных языках является только одно — соответствие логической категории субстанции.

Аналогичным образом обстоит дело и с выражением значения признака: в разных языках имеются разные наборы «призначных» слов, по-разному выражающих все разновидности признаков. Именно этим вызваны известные разногласия по поводу выделения прилагательных и наречий в алтайских языках, трудности с разграничением способов выражения разных типов признаков в китайском, японском и других языках. Не «вписывается» ни в какую универсальную парадигму русское деепричастие, составляет специфику филиппинских языков способность глагола сопровождаться падежными показателями и т. д.

Эти особенности приводят к различиям в перечне и в качественном составе так называемых парадигматических классов, т. е. разрядов слов, характеризующихся, наряду с общим категориальным значением, еще и общностью частных грамматических признаков. По сути дела, совпадение систем функционально-семантических классов слов разных языков, вызываемое универсальным характером понятийных категорий, ограничивается лишь наличием указанных четырех классов, которые к тому же могут более четко или менее четко дифференцироваться в разных языках. Конкретная же парадигма каждой из

---

* В данном случае принята традиционная трактовка категории лица как грамматической, хотя есть основания рассматривать значение лица у местоимений как лексическое.

этих систем будет индивидуальной, отражающей свойственные именно данному языку лингвистические категории и категориальные формы. Языки различаются не только перечнем частей речи, не только набором грамматических категорий, присущих каждой из этих частей речи, но и отношениями между классами слов, т.е. характером связей внутри парадигмы функционально-семантической системы.

Как в парадигме словоизменения разные словоформы связаны определенными отношениями (скажем, в русском языке могут в некоторых случаях совпадать формы им. и вин. п. ед. ч. существительных, род п. ед. ч. и им. п. мн. ч., но не могут совпасть формы им. и тв. п.), так и в системе функционально-семантических классов слов существуют свои связи, определенные для каждого языка в каждый момент его развития. Связи эти чисто парадигматические, и именно они создают специфику системы частей речи данного языка.

В соответствии с этим представляется целесообразным строить систему функционально-семантических классов слов не по принципу инвентаризации (как это, по сути дела, имеет место в традиционной теории частей речи), а с учетом тех отношений, в которые каждый класс или разряд вступает с другими классами и разрядами. В этом случае первостепенное значение приобретает последовательность расположения классов.

Пользуясь для краткости вопросительными коррелятами в качестве маркеров отдельных разрядов, на материале русского языка это положение можно проиллюстрировать следующим образом. Начнем с разряда «что?». За ним вполне естественно следует «кто?», так как эти два разряда характеризуются общим категориальным значением субстанции и общим набором грамматических категорий, за исключением категории одушевленности. Далее следует разряд «чей?», поскольку входящие в него слова имеют не только генетическую общность со словами разряда «кто?», но и характеризуются семантико-синтаксической близостью с ними (ср. выражение притяжательности с помощью падежных форм существительных, притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных). За разрядом «чей?» следует «который?» и далее «какой?», проявляющий, с одной стороны, функциональную и семантическую близость с «которой?», а с другой — с действительными причастиями (условный вопрос «что делающий?»). За разрядом «что делающий?» вполне естественно следует «что делать?» и далее — «что делаая?», который, в свою очередь, граничит с «как?». Продолжая дальше цепочку вопросов адвербиального характера, приходим к «сколько?», который граничит с «что?» (*сколько? — много ← пять → половина*).

Таким образом, получается замкнутая система со строго определенным положением в ней каждого элемента. В самом деле, причастия представляют собой связующее звено между

прилагательными и глаголами, деепричастия — между глаголами и наречиями, количественные числительные — между наречиями и существительными. Каждый разряд имеет некоторые грамматические категории, выявляющие его общность как с «соседом» справа, так и слева. В то же время расположение разрядов отражает и их соответствие категориям субстанции и признака в трех его разновидностях: «что?» и «кто?» соответствуют субстанции, «чей?», «который?», «какой?» — атрибутивному признаку субстанции, «что делающий?» обеспечивает переход от слов со значением атрибутивного признака к словам со значением предикативного признака субстанции. «Что делать?» соответствует предикативному признаку субстанции, «что делаю?» обеспечивает переход к признаку признака, которому в полной мере соответствуют адverbальные слова (разряды «как?», «куда?», «когда?» и т. д.), до «сколько?», который является переходным между словами, выражающими признак признака и субстанцию.

Парадигматические отношения между разрядами в любом другом языке будут чем-то отличаться от приведенных, хотя в основе системы функционально-семантических классов слов может лежать один и тот же универсальный принцип построения. В соответствии с отличиями в парадигматических отношениях иным будет и расположение разрядов. Так, например, в английском языке причастие, скорее всего, займет промежуточное положение между прилагательными и наречиями, а не между прилагательными и глаголами, как в русском. Такое положение диктуется функционально-семантическими свойствами английских причастий, функционирующих самостоятельно (т. е. не в составе аналитических личных форм) и достаточно слабо связанных с глаголом. В то же время между существительными и глаголами в английском языке находится герундий, имеющий несомненную функционально-семантическую общность с обоими этими классами. Далее, если в русском языке слова категории состояния формируются на базе слов со значением признака признака (наречий), то в английском языке они войдут в класс со значением атрибутивного признака субстанции (прилагательных).

Таким же образом будет отличаться и система частей речи любого другого языка. Очевидно, в алтайских языках рядом окажутся слова, которые, по индоевропейской традиции, обычно называют прилагательными и наречиями, а в китайском — слова, соответствующие индоевропейским глаголам и прилагательным. Составят ли они один класс или будут разграничены — на этот вопрос можно ответить только на основе тщательного изучения всех частнограмматических характеристик этих слов.

Итак, универсальность категорий субстанции и признака, лежащих в основе формирования системы функционально-семантических классов слов всех языков, приводит лишь к уни-

версальности принципа построения этой системы. Общим для всех языков будет наличие не более четырех основных классов слов. Членение же этих классов на разряды, их расположение, основанное на внутрисистемных парадигматических связях, а также наличие или отсутствие разрядов, переходных между основными классами,— все это индивидуальные характеристики каждого языка.

---

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Мартине А.* Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4.
3. *Общее языкознание.* Минск, 1983.
4. *Савченко А. Н.* Части речи и категории мышления // Язык и мышление. М., 1967.
5. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
6. *Супрун А. Е.* Грамматические свойства слов и части речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Левицкий Ю. А. Синтагматика, парадигматика, трансформация	
Томашпольский В. И. Первоначальные парадигмы перфекта конъюнк- тива-будущего II: италороманские варианты	
Хабилов В. П. Глагольная парадигма языка санго	
Зеликов М. В. О парадигме изъявительного наклонения в баскском языке и иберороманском аналитизме	
Знаменская Т. А. Парадигматика и синтагматика глагольных форм ан- глийского наклонения	
Бойко В. Г. Парадигматический статус перфекта английского и исланд- ского языков	
Лихтарникова Н. А. Синтагматические и парадигматические признаки части речи как лингвистической единицы (на материале французского прилагательного)	
Озолин О. Л. Парадигматические характеристики рядов разнострук- турных адъективных единиц в старофранцузском языке	
Донгаузер Л. С. Темповые характеристики синтагм сложноподчиненного предложения, исследуемого на парадигматическом уровне (на мате- риале немецкого языка)	
Донгаузер В. П. Возникновение новых парадигматических отношений в фонологической системе (на материале заимствований русских имен собственных в немецком языке)	
Наумов В. В. Парадигматика графики и орфографии в условиях фоне- тической интерференции (на материале лексических заимствований со- временного немецкого языка)	
Бурчинский В. Н. Функционально-семантическая категория отрицания в современном французском языке (парадигматический аспект)	
Бухмастова Г. А. Актуализация семантических свойств качественных имен лиц в высказывании	
Огуй А. Д. Парадигматические отношения группы немецких прила- гательных (на материале парадигмы со значением «бесстрашный»)	
Лукичева М. В. Некоторые факторы формирования системы разгово- рных номинаций	
Хаятин А. Д., Шакиров А. С., Эшанкулов А. У. Парадигматические ха- рактеристики нумеративных сложных единиц лексики (фразем и паре- мий) с позиций лексикографии	
Соколова Г. Г. Фразеологическая активность коммуникативных единиц	
Чеславская Л. А. Парадигматические отношения в структуре фразеоло- гических групп «глупость», «легкомыслие» (на материале французского и немецкого языков)	
Путырская О. Г. Безморфемное словообразование в современном фран- цузском языке	

Аверьянова Е. В. Оппозиция de / des как средство актуализации старо- французского имени	109
Лыкова Н. Н. Лексико-семантическая группа со значением «побужде- ние» в русском и французском языках	113
Петрова О. В. О парадигматических отношениях в системе функцио- нально-семантических классов слов	119

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Редактор И. М. Харитонова

Технический редактор Н. Н. Зауолкова

Свод. тем. пл. № 295

Сдано в набор 11.01.89. Подписано в печать 04.07.89.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,2.
Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 800. Заказ 43. Цена 1 р.

Свердловский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт. 620219 Свердловск, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26. Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151 Свердловск, просп. Ленина, 49.